

С. Х. АЛИШЕВ

Казань и Москва:

МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ
ОТНОШЕНИЯ
В XV—XVI вв.

Введение

Алишев С. Х. А 50 Казань и Московский межгосударственные отношения в XV—XVII вв. — Казань: Татарское кн. изд-во, 1995. — 160 с. ISBN 5-298-00564-0

Книга посвящена изучению отношений между Казанью и Москвой в XV—XVII вв. Автор рассматривает политические, экономические, культурные и дипломатические аспекты этих отношений. В работе приводятся многочисленные факты и документы, подтверждающие роль Казани в формировании единого Российского государства.

0503020901—096 „: ^ ^ M
ББК 63.3 (Р—Тат.)
132(03)—94 “о ”

ISBN 5-298-00564-0

Целью настоящей книги является объективный показ состояния, хода и развития межгосударственных отношений между Москвой и Казанью, которые завершились в 1552 году завоеванием Казани и дальнейшей экспансией края. Чтобы понять и осмыслить весь круг вопросов, связанных с завоеванием Казанского государства, необходимо хорошо представить себе действительное положение вещей, разобраться в ходе исторического развития Московского государства и Казанского ханства. Автор на основе обширного источникового материала исследования пытается осветить весь круг вопросов, т. е. выяснить их не только анализом отдельно взятого небольшого отрезка времени, но и изучением длительного процесса возникновения, развития этих отношений. В недрах этих межгосударственных отношений возникли идеи и различного рода экспансивные силы в Русском государстве, приведшие к столь печальным для Казани результатам.

В данной работе разбираются не столько общественно-экономические, сколько межгосударственные, т. е. политические аспекты и проблемы.

В официальной историографии, прежде всего русской, существует ряд точек зрения на межгосударственные отношения между Москвой и Казанью и причины завоевания последней в 1552 году.

Дворянско-буржуазные историки в своих трудах очень часто ограничивались лишь использованием со-

общений русских летописей об отдельных периодах государственных отношений, а некоторые занимались описанием самого хода взятия Казани. Они восхваляли действия царей и их правительств по завоеванию и приобретению новых земель. Позиции В. Н. Татищева, М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, Н. А. Полевого, Н. С. Арцыбашева почти не отличаются от утверждений дворцового летописания XV—XVII вв. Они идут по стопам известной “Казанской истории”. Историки Казани, такие, как М. С. Рыбушкин, Н. К. Баженов, А. И. Артемьев, Н. А. Фирсов, Н. П. Загоскин, М. И. Пинегин и другие, “значение приобретения Среднего и Нижнего Поволжья” видели в распространении русской колонизации и культуры. В целом же дореволюционные историки, негативно относясь к нерусским народам, положительно оценили завоевание чужих земель и народов.

Из татарских историков-краеведов К. Насыри, Ш. Марджани и другие отмечали давнюю борьбу Русского государства за Среднее Поволжье, не делая обширных анализов, описывали некоторые события из казанско-московских отношений.

Историей Казанского ханства специально занимался Х. Атласи, который опубликовал большую монографию, написанную в основном на основе русских источников. Причину падения Казани он видел в отсутствии единства и организованности, в потере религиозного и национального чувства и борьбе различных сил внутри татарского общества¹. Возникали также другие концепции, далеко стоящие от научности, объективности, а также исторической правды. Например, утверждение о безусловной прогрессивности создания централизованного многонационального государства в ходе борьбы с внешними врагами привело к тому, что некоторые историки отрывали процесс создания

государства от его социально-экономических предпосылок. Историки Среднего Поволжья в трактовке значения присоединения следовали за общим ходом историко-политической мысли, придерживаясь установок и оценок официальной историографии.

Что же касается источниковой базы нашего исследования, она очень разнообразна и представляет собой довольно пеструю картину. Документальных источников по истории народов периода Казанского ханства очень мало, всего около десятка. “Письменные источники на восточных языках по истории Казанского ханства почти полностью погибли при взятии Казани в 1552 г.”,—пишет С. О. Шмидт¹. Это очень затрудняет полное описание событий межгосударственных отношений XV—XVI столетий.

Историко-литературными источниками данного труда являются повествовательно-нарративные памятники: в первую очередь, русские летописи, мемуары, сочинения современников. При использовании их автор всегда учитывал, что они выполнены людьми своего времени и своего круга.

Однако очень ценными и важными являются сочинения современников тех событий, например, С. Герберштейна и А. Курбского, которые дают много достоверного материала по истории Казанского ханства и процесса его завоевания. Если Герберштейн, будучи европейцем, не имел вражды к средневожским народам, то князь Курбский являлся реакционным идеологом фанатичного боярства—отсюда и разные подходы у них в оценках действующих лиц и событий.

Другим комплексом источниковой базы исследования является актовый материал, куда входят опубликованные и неопубликованные государственные и другие документы. Материалы внешних сношений

¹ Атласи Х. Казан ханлыгы (Казанское ханство).—Казань, 1914.

' Шмидт С. О. Предпосылки и первые годы Казанской войны (1545—1549). // Труды Московского государственного истори-ко-архивного института, М., 1954. Т. 6. С. 189.

Московского государства'- показывают, что Россия в XVI веке вела активную политику по всей Восточной Европе, что Казанское ханство также было вовлечено в кругооборот различных отношений между государствами.

Автором привлечены также многочисленные архивные материалы разного характера. Им использованы материалы из многих фондов разных архивов страны: Российского государственного архива древних актов (РГАДА); Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) в Москве; Российского государственного исторического архива (РГИА); Российского государственного архива военно-морского флота (РГАВМФ) в Санкт-Петербурге; республиканских гос. архивов (гг.Казань, Уфа, Баку, Ташкент); областных гос. архивов России (гг. Астрахань, Оренбург, Ульяновск и др.). "

Автор надеется, что читатель, ознакомившись с данной книгой, получит много полезных и ценных сведений по освещенной им теме.

КАЗАНСКОЕ ФЕОДАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВО

¹ Памятники дипломатических сношений Московского гос-ва с польско-литовским //Сборник Русс. истор. общества (сб. РИО).—Т.35.—СПб, 1885; Памятники дипломатических отношений Московского гос-ва с Крымской и Ногайскими Ордами и Турцией //Сб. РИО.—Т.41.—СПб, 1884; Памятники дипломатических сношений Московского гос-ва с Крымом, Ногаями и Турцией //Сб. РИО—СПб, 1895.

ОБРАЗОВАНИЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Вопросами истории образования Казанского ханства русские ученые стали интересоваться и одновременно создавать своего рода концепции, начиная еще с середины XVI века. Точнее, строго научной концепции они, конечно, не создавали, а лишь высказывали свои мнения по данному вопросу. Так, официальная историческая литература, например, “Степенная книга”, утверждала, что “Казанская земля ранее называлась Булгарской землей...”¹ Никоновская летопись, являясь сводом многих источников и летописей, проводит мысль, что Казань была булгарским городом и преемником Булгарского государства. Известно, что великий князь Руси Иван III после взятия Казани русскими войсками в 1487 году присвоил себе титул “Князь Булгарский”. Это также означало признание Казани наследницей Булгара. Даже в начале XVII века некоторые русские летописцы продолжали называть жителей Казанского ханства булгарами.

Наряду с таким толкованием преемственности Булгара и Казани возникла и другая версия—идея о булгаро-золото-ордынско-казанской преемственности. Небезызвестный автор “мутного источника” 60-х годов XVI века—“Казанской истории”—писал, с одной стороны, что Казань была построена булгарами в 1177 году, с другой же стороны, что она являлась “приакаянной дочерью Золотой Орды”². Получилась булгаро-золотоордынско-казанская линия.

Однако в историографии постепенно утвердилась усеченная точка зрения автора “Казанской истории”, а именно: Золотая Орда—Казань. Во многих исторических трудах преемственность Булгар—Казань, или Булгар—Золотая Орда—Казань, уже не упоминается³. В школьных, вузов-

ских учебниках по истории отдельных республик⁴ Казанское государство также считается “осколком”, “обломком” Золотой Орды, возникшим на развалинах последней. Лишь историки Татарской АССР в обобщающих трудах по истории республики проводят мысль, что Булгарское царство в золотоордынский период имело некоторую автономию и на его базе образовалось Казанское ханство⁵. Впервые о некоторой самостоятельности Булгарского государства и Казанского ханства периода существования Золотой Орды высказывался еще Ш. Марджани.

Для понимания характера историко-общественных процессов, происходивших в Золотой Орде и на Средней Волге, т. е. понимания вопросов булгаро-казанской или золотоордынско-казанской преемственности необходимо раскрытие существа местных материально-жизненных условий в описываемые периоды.

Основными занятиями сельского населения Среднего Поволжья были земледелие и стойловое скотоводство, городского же—ремесло и торговля.

О развитости сельского хозяйства у казанских татар современники писали с восхищением. Например, А. Курбский писал, что “дома их вельмож прекрасны... поля великие... хлеб же всяких такое множество...”⁶ А. И. Пересветов характеризовал казанскую землю как “подрайская земля”⁷. Среднее Поволжье издревле было краем оседлой земледельческой культуры*. В его центре, Булгаро-казанском государстве, существовала паровая система земледелия с навозным удобрением в форме трехполья, в лесных районах подсека и перелог. Здесь сеяли рожь, пшеницу, просо, ячмень и другие культуры с булгарских времен, о чем нам известно по Ибн Фадлану и археологическим раскопкам. Трехполье—не заимствованное явление, а система земледелия самобытного характера, результат длительного экономического развития местных производительных сил.

¹ История Чувашской АССР, Чебоксары, 1966, т. 1. С. 50. ² История Татарской АССР. Казань, 1968. С. 47; История Татарской АССР, Казань, 1973. С. 24.

³ Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи... Казан ва Болгар /Полезные известия о Казани и Булгарах. Казань, 1885. С. 8, 118—124.

⁴ Курбский А. История о великом князе Московском. СПб, т. XXXI. С. 190—191.

⁵ Сочинения И. Пересветова. М., 1956. С. 182.

⁶ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение, М.—Л., 1950. С. 104.

⁷ Мухамедьяров Ш. К истории земледелия в Среднем Поволжье в XV—XVI вв. Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства, М., 1963.

“Для развития всех перечисленных культур требуется время, измеряемое не десятилетиями, а столетиями”.

Скотоводство здесь носило подсобный характер. Природные, в том числе климатические, условия Среднего Поволжья не позволяли заниматься круглогодичным пастбищным скотоводством. Оно, как и земледелие, требовало ведения оседлого образа жизни и на ограниченной территории вести хозяйство.

Что же мы видим в золотоордынских степях? В отличие от Булгарии, здесь в основном преобладало кочевое скотоводство. Только кое-где, оазисами, можно было иногда встретить возделанное на время поле. Главным занятием населения Золотой Орды были скотоводство, следовательно, главным богатством был скот. Скот давал мясо, кожу, шерсть, молоко и т. д. Кочевники реализовывали их, обменивая на ремесленные изделия. Так претворялся в жизнь всемирный объективный закон: кочевники не могли жить без оседлого, ремесленно-торгового населения и наоборот. Монголы это давно поняли, и как только завоевание Восточной Европы было закончено, приступили к постройке городов, заселению их ремесленниками и торговцами—представителями покоренных народов. И место столичному городу выбрали умело: между культурно-развитыми областями Булгарии и Хорезмом возник город Сарай. Сюда были пригнаны булгары, хорезмийцы и русские. В основном они и развивали ремесло и культуру в центре самой Золотой Орды. Ремесленные изделия, найденные во время археологических раскопок города Сарая, в основном принадлежат хорезмийскому типу, а булгарских и русских вещей находят мало. Зато булгарские изделия с некоторыми улучшениями находятся почти целиком на казанской земле. Кожевенные изделия под названием “булгари” выпускались и в казанское время, и в последующие века. Булгарская керамика свои параллели находит в Казанском ханстве, а не в Золотой Орде. Строительное дело отличается от золотоордынского тем, что здесь строились крепости, т. е. городские стены с башнями, оборонительные сооружения, а в Золотой Орде города были открытого типа, поселения не имели военно-оборонительных линий до 60-х годов XIV века. Технология изготовления ряда ремесленных изделий периода Казанского ханства, по мнению исследователей, развивается по булгарской традиции.

Следующей важной особенностью преемственности булгаро-казанских материально-жизненных проявлений надо

считать их активные внутренние и внешние, торговые связи. Общеизвестно, что и булгары и казанские татары являлись торговыми людьми. Булгары торговали с арабскими странами, Русью, доходили через Среднюю Азию до Индии, организовали у себя знаменитую ярмарку “Ага-базар” близ города Булгара. При Казанском ханстве положение в этой области не менялось. Образование Казанского ханства, несомненно, играло прогрессивную роль в восстановлении булгарских традиций волжской торговли, нарушенных на время монгольскими завоеваниями, а затем и новгородскими ушкуйниками. Налаживались торговые связи с Русью, Средней Азией, Кавказом, Ираном, Турцией; образовалась также и международная ярмарка на Гостином острове против Казани на Волге. Таким образом, развитая экономика Казанского ханства является прямым продолжением хозяйственного уклада Булгарского царства.

Булгарские традиции проявлялись во всех сферах жизни казанских татар. Письменность на основе арабской графики, появившаяся у булгар еще в X веке, продолжала и в дальнейшем служить Казанскому государству и его населению. Арабские ученые-путешественники, особенно Ибн-Ру-сте, еще в начале X века сообщали, что в булгарских селах были “мечети и начальные школы с муэдзинами и имамами”. Такое же наблюдается и в Казанском ханстве. Ш. Марджани сообщает о наличии в Казани медресе, ученых имамов и библиотек.

А известное татарское сочинение конца XVIII века “Та-варихе Булгария” приводит список селений Казанского ханства с медресе, где учителями и проповедниками выступали ученые имамы (Касыйм шейх бине Ибрагим, Файзулла эфенди в Казани, Байраш бине Ибраш, Ахун Шигым бине Иштиряк в деревне Казаклар, Ишмухаммад бине Тикмуха-мед в деревне Адай, Идрис бине Зульмухамед в деревне Тябердине-Челны”.

Исламская религия, официально принятая булгарами еще в начале X века, получила в Казанском ханстве более широкое распространение. В Золотой Орде ислам, хотя и был принят при Узбек хане в 20-х годах XIV века, среди

.' Тихомирнов М. Н. Древняя Москва. М., 1947. С. 48. Мухамедъяров Ш. Ф. Социально-экономический и государственный строй Казанского ханства (XV—пер. пол. XVI вв.). Канд. дис. М., 1950. С. 258. " История Татарии в документах и материалах. М., 1937. С. 25. ' Марджани Ш. Мустафад ал-ахбар фи эхвали Казан ва Болгар. Казан, 1885.

" Хисамутдин Муслими. Рисалэ Таварихе Болгария. Казан, 1902. С. 22—23.

• Греков Б. Д. Киевская Русь. М., 1949. С. 41, 152.

степных народов прививался слабо. Поэтому слабо распространялась и развивалась исламская культура. Культура оседлого населения вообще отличалась от культуры кочевников.

В социальном отношении в Казанском ханстве эксплуатировали население—крестьян и ремесленников—те же оседлые светские и духовные феодалы, какие были в Булгарском государстве, а не кочевая аристократия.

Указанные выше преемственные отношения в социально-экономической и культурно-бытовой жизни в основном характерны были только булгаро-татарам, а не всем народам Булгарского государства и Казанского ханства. Они также существенно отличались от степной жизни Золотой Орды. Исследователи утверждают, что Булгария и Хорезм сами очень сильно влияли на развитие культуры золотоордынских городов¹ и что Казанское ханство образовалось не на основе материальных условий и не на развалинах Золотой Орды, а базировалось на местных, булгарских традициях исторического развития. Оно было естественным следствием внутреннего развития местных производительных сил.

Рассмотрим политические аспекты проблемы. В нашей исторической науке господствует мнение об основании Казанского ханства в 30—40-х годах XV века пришедшим сюда из Золотой Орды ханом Улу Мухамедом. Изучение источников приводит к заключению, что по этому вопросу здесь речь не может идти лишь об этой личности. Ни одна из летописей, передавая сведения об Улу Мухамеде, ничего не передает о его связях с Казанью, не сообщает не только об основании ее Улу Мухамедом, но и о том, что он когда-либо подходил к Казани. К такому выводу приходит автор на основе своих исследований. Улу Мухамед после изгнания из Сарая кочевал по степи, останавливался в городе Белевеи в Нижнем Новгороде. Татищев В. Н. пишет, что Улу Мухамед сначала “засяде в Белевс”, оттуда “поиде хан к Новгороду Нижнему и засяде в старом Новгороде Нижнем”. После похода в Муром “возвратился к Новгороду, к Нижнему Старому, в нем живяще”. Оттуда же он в 1445 году отправил своих сыновей против московского князя Василия² *. Все это подтверждается летописными све-

дениями³: Улу Мухамеда считает царем казанским только упомянутая выше “Казанская история”, составитель которой путем признания золотоордынского хана казанским, поставил своей целью доказать преемственность Казани от Золотой Орды.⁴

Исследователь В. В. Вельяминов-Зернов и некоторые другие историки опровергают эту версию “Казанской истории” как не соответствующую действительности и не подтверждаемую другими источниками. Однако, не сопоставив с другими источниками и некритически относясь к “Казанской истории”, ряд русских и некоторые татарские историки в разные периоды писали и пишут об Улу Мухамеде как; основателе казанского феодального государства⁵.

А летописцы XVI века даже утверждали, что в 1445 году “царь Мамотек Улу Мухамедов сын, взял город Казань, вотчика Казанского князя Либея убил, а сам сел в Казани царствовать”⁶.

Но и не Махмут создал Казанское ханство, до этого оно имело уже своего князя “Либея” (по другим летописям, “Али”). Кто же этот князь “вотчик”? Татарские предания и письменные источники сообщают следующее. В 1391 году Тамерлан (Аксак Тимур) после разгрома Тохтамыша на юге Волжеко-Камской Булгарии убил булгарского царя Абдуллу. • У Абдуллы было два сына: Алтынбек и Алибек, которые вместе с матерью спаслись бегством. Сторонники и приближенные царской династии вырастили сыновей Абдуллы, а затем якобы основали город, где правителем стал старший Алтынбек. Так говорится в предании “Об основании Иски Казани”. В других вариантах преданий говорится, что старшим был Алибек, а не Алтынбек. В период бедствия Тамерлана одному было 9, другому 7 лет. Якобы в 1402 году Алибека призвали булгары и он засел в Казани, а Алтынбек ушел в Сибирь⁷. О том же Алибеке упоминают “Баян дастан ат-тарих”, “Повесть о несгораемой царевне”, книга “Дастан

¹ „ Исследования этого вопроса на основе новых материалов продолжают вести многие ученые. • . Казанская история. М.-Л., 1954, С. 49—53.

² Вельяминов-Зернов В. В. Исследования о Касямовских царях и царевичах. СПб, 1863. С. 4—5. -" Калинин Н. Ф. Казань, Татиздат, 1955, С. 31. "

Махмут, сын Улу Мухамеда.

³ ПСРЛ, т. VIII, СПб., 1859. С. 114; ПСРЛ, т. XIII, М., 1965. " "Вестник научного общества татароведения", 1926, № 4. Борынты татар эдэбияты. Казан, 1963. 344—346 б. "Баженев В. Казанская история. Казань, 1847. С. 27—28. "Великие и удельные князья Северной Руси в татарский период с 1238 по 1505 г." СПб, 1889. С. 164.

¹ Смирнов А. П. Очерки по истории древних булгар.—Труды ГИМ, Т. XIX. М., 1940. С. 125.

" Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Ук. соч. С. 416. " Татищев В. Н. История Российская. М.-Л., 1965, Т. 5. С. 259. " Там же.

Аксак Тимур” и др. Обилие Упоминаний о нем не оставляет сомнений в его существовании. В русской транскрипции “Ли-бей” вполне соответствует Алибею (Алибеку). Ему в 1445 году должно было быть (1445—1391 + 9)63 года, что тоже вполне возможно.

В преданиях есть некоторые ошибки в передаче дат и мест, что вполне допустимо для устной памяти народа, но они не могут изменить основную их идею, идею преемственности Булгара и Казани. Разумеется, мы не собираемся утверждать, что Алибек был первым ханом Казани. До него еще были правители, упомянутые в источниках.

Существует мнение, что Золотая Орда распалась на Казанское, Крымское и Астраханское ханства, что Волжская Булгария при Золотой Орде не имела никакой автономии¹. И якобы до 1445 года существовало Казанское княжество, а с этого времени оформилось Казанское ханство. Если начать с последнего, то изучение источников приводит к противоположным выводам. Во-первых, само население государства никогда не называло его княжеством. В письменных произведениях правители Булгара и Казани назывались маликами, султанами, эмирами, падишахами. Эпиграфические памятники зафиксировали титулы эмир, малик, шах. Для обозначения князя широко пользовался титул “бек”. Во-вторых, русские ханами считали только чингизидов, всех остальных правителей титуловали только как князей. В глазах же населения Булгара и Казани они представлялись как ханы или цари. В 1445 году Улу Мухамедов сын Махмутс боем взял Казань. В связи с этим событием пишут, что образовалось ханство, то есть новое какое-то государство. Однако в 1445 году не произошло никакого изменения в государстве, ни в его форме, ни в структуре, ни в атрибутах. Произошла смена династий: болгарская была ликвидирована, установилась золото-ордынская. Но нет никаких аргументов для утверждения, что оформилось новое государство. Продолжало существовать то же самое государство, которое и было до прихода золото-ордынского царевича. С какого же времени?

Чтобы представить себе состояние Волжской Булгарии монгольского времени, развитие его государственности, надо обращаться к фактам исторической действительности, а не просто заявлять о неавтономности Среднего Поволжья. Основанием и признаками автономии Волжской Булгарии служили оседлый образ жизни населения и исповедание исламской религии, которые отличали ее от кочевнической и языческой Золотой Орды. Еще до монголов в Волжско-Камской

¹ Егоров В. А. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990. С. 8.

Булгарии наблюдаются элементы феодальной раздробленности, при монголах же она находилась в состоянии явной раздробленности. Очень мало источников для подтверждения ее автономности в XIII веке. Но русские летописи писали: “Начаша ходити русские князья и булгаре в Орду отчин свои просити у царя на столования своя”. Для доказательства этого имеется в достаточном количестве источников XIV века. Феодальная раздробленность, вызванная дальнейшим развитием феодальных отношений, не препятствовала развитию производительных сил. Отстраиваются старые, возникают новые города: Булгары, Джукетау (Жукотин), Казань, Кирменчук и др. Они становятся центрами экономической, культурной и административной жизни своих округов. Несколько останков построенных тогда в Булгарах каменных зданий сохранилось до наших дней. Русские летописи упоминают наличие в XIV веке булгарских, жукотинских, казанских князей.

Политические, международные акции, если и не были предприняты в обход Золотой Орды, но все равно демонстрировали определенное независимое существование государства и его автономность. В 1361 году “Булат-Тимур, князь Ордынский, Булгары вся и все города по Волге, улусы, отнявесь волжский путь”,—пишет русский летописец. Зачем воевать, с боем брать Булгары и другие города, если они не имеют никакой самостоятельности и являются обычным кочевым улусом Золотой Орды? Дальнейшие события указывают именно на то, что земля Волжской Булгарии имела самостоятельность, но была разделена на отдельные минигосударства.

Еще до нападения Булат-Тимура эмиры Жукотина в 1360 году обратились к суду золотоордынского хана с жалобой на русских ушкуйников—речных разбойников. Суд состоялся в городе Костроме, и русские князья должны были выдать ушкуйников, что показывает на равноправные отношения Московского и средневожских государств перед Золотой Ордой, а также на то, что нападения на булгарские земли не считались нападением на золотоордынские земли. В 60—70-х годах этого столетия ушкуйники северной Руси с целью грабежа совершали серию походов на булгарские земли. В 1360 году “взяша Новгородцы Жюкотин и много бесермен посеко-ша мужей и жен”. По словам летописца, разбойники (ушкуйники) в 1366 году “проидоша до Булгар ...избиша ...пограби-ша и огню предаша”. Под 1369 годом Новгородская лето-

¹ Великие Четьи Миней, сентябрь, дни 14—24, СПб, 1869. " ПСРЛ, Т. IV, СПб., 1848. С. 63. " ПСРЛ, Т. X, М., 1965. С. 6—14.

пись отмечает: “В лето 6877... той же осени шдо Волгою 10 ушкуйников, а инии шли Камою и биша их под Болгары”[^]. В 1370 году “дважды шли Новгородцы Волгою и много зла сотвориша”[^]. Булгары, измученные такими внезапными нападениями, старались откупиться. Так, они в 1374 году спасли свой город, выдав ушкуйникам 300 руб/. Нападали и грабили не только Булгар, но и Жукотин, Казань и другие города. А. П. Смирнов считал, что эти походы новгородцев положили начало планомерному наступлению русских князей на Восток”. И действительно, с 70-х годов начинается вторжение крупных сил в Волжскую Булгарию.

Известно, что булгары-казанцы не участвовали в Куликовском сражении. Мамай собирал войско отовсюду, но, очевидно, на булгаро-казанскую землю его власть не распространялась. Все эти исторические факты достаточно ясно говорят о существовании казанского феодального государства, как бы ни называли русские источники его правителей. По установлению власти Тохтамыша, по-видимому, камско-волжские, или, по выражению летописца, “князя казанстия” были подчинены золотоордынскому хану. Для такого утверждения есть косвенное указание на то, что Габдулла, отец убитого в Казани в 1445 году Алибека, был назначен правителем Булгара Тохтамышем. Габдулла был убит Тамерланом в сражении на реке Кондурча в 1391 году, а в 1394 году в Казани правил царевич Ентяк. В 1396, 1399 гг. русские князья совершают опустошительные походы на “Болгары, Жукотин и Казань, и Кирменчук и иных многих градов”^{*}. А в 1412 году в Казани правил царевич Талыч. При этом летописи речь ведут о не золотоордынских, а о болгарских или казанских городах и землях. Конечно, нельзя забывать о “великой замятие” и морах в Золотой Орде в 60—70-х годах XIV столетия. Когда Мамай владел правобережьем Волги, а левобережье ее было в руках золотоордынских ханов, булгарско-казанская земля и население ее были почти безучастны к золотоордынским событиям.

Таковы крупные события, происходившие в жизни Булгаро-казанского государства в XIV веке, которые четко обозначают автономность булгарской земли и обособление ее от Золотой Орды, а также возвышение Казани как нового политического центра в Среднем Поволжье уже в этом веке.

В первой четверти XV века Казань чеканила уже свои монеты, отличные от золотоордынских, и имела собственную денежную систему¹.

Население Булгарии начало заселять Предкамье—бассейны рек Казанки и Меши, а также Свияги и Предволжье еще в XII—XIII вв. Но массовое переселение происходило во второй половине XIV века в связи с вышеуказанными военными действиями иноземных захватчиков. Хозяйство Закамья постепенно пришло в упадок. Экономический и политико-административный центр переместился на север—в Казанское ханство. Предкамья в период своих походов не достигают ни Тохтамыш, захвативший Булгарию в 1380 году, ни Тамерлан, разбивший войска Тохтамыша в 1391 году, ни Едигей, ни другие-завоеватели. Сравнительная безопасность территории от их нападения дала возможность Казанскому государству довольно быстро стать экономическим и политическим центром Среднего Поволжья.

Источники последний раз о городе Булгаре упоминают под 1431 годом. Московский великий князь “по неизвестным причинам” посылал своего воеводу князя Федора Пестрого на Среднее Поволжье, который “шед, воева их и всю землю цлени”[^]. Город Булгар был окончательно разрушен. Немногочисленное и до этого население не восстановило его, очевидно, потому, что в это время был уже вполне его заменяющий и достойный преемник—город Казань. Здесь мы не будем затрагивать вопрос об основании города Казани. Отметим лишь, что нельзя путать вопрос об основании города Казани с тем, когда она стала столицей государства. Со второй половины XIV века столицей государства стала именно Казань, что подтверждается летописными сведениями. Однако на основе этих данных нельзя считать, что возник новый город. Возникла только новая столица.

Новгородская четвертая летопись под 1395 (6903) годом сообщает о походе князя Юрия Дмитриевича и разграблении им городов Булгар, Джукетау, Кирменчук и Казань. В том же году “Казанский царь Октяк” с отрядом воинов вместе с суздальским князем Симеоном Дмитриевичем “придоша ра-товати Новгорода Нижнего”. А в 1396 году русские “воево-ша и плениша землю Казанскую” в течение трех месяцев. Разрушительный поход воевод был совершен и в 1399 году.

• ПСРЛ, Т. IV, 1915. С. 295. " ПСРЛ, Т. IV. С. 295. ' ПСРЛ, Т. XI, М., 1965. С. 20. * Смирнов А. П. Волжские булгары. М., 1951. С. 68. ' ПСРЛ, Т. XI. С. 215. " Татищев В. Н. История Российская. М., 1965, Т. V. С. 187.

' Мухамадиев А. Г. Булгаро-татарская монетная система. XII—XV вв. М., 1983. С. 120—123. ' ПСРЛ, Т. XII, С. 9. ' ПСРЛ, Т. IV. С. 102. " ПСРЛ, Т. XII. С. 9. ' ПСРЛ, Т. XII. С. 9--13.

Надо полагать, что город был богат, развит, укреплен и самостоятелен.

XIV век—это не время распада Золотой Орды. Факты, о которых мы упоминаем выше, свидетельствуют о существовании болгарских и казанских государств со времен могучего Узбек хана, Тохтамыш хана, когда Золотая Орда была всемогущей. До ее распада оставалось еще более ста лет. Можно ли после этого говорить, что Казанское ханство являлось продолжением монгольского государства? Думается, правильней будет вывод о том, что оно являлось прямым преемником Камско-Волжской Булгарии. Эту же мысль подтверждали в свое время известные историки-исследователи академик Б. Д. Греков и член-корреспондент АН А. Ю. Якубовский. Они писали: “В исторической науке принято считать эти царства или ханства продолжениями Золотой Орды и называть их татарскими. В отношении Крыма это в значительной мере соответствует действительности... Иначе дело обстоит с Болгарским, или Казанским царством (ханством). Страна эта истари, по крайней мере с X в., была страной земледельческого уклада. Крестьянский труд был основой экономической и культурной жизни. Болгарская область поставляла в течение всего раннего Средневековья хлеб в Нижнее Поволжье и в обширные кипчакские степи. Болгарское население оставалось мало затронутым монгольским влиянием как в этническом, так и в культурном отношении в период XIII—XIV и первой половины XV вв. Напротив того, не только хозяйственно, но и культурно Булгар и его население оказывали влияние на города Нижнего Поволжья и степь. Нельзя, конечно, отрицать два с небольшим века татарской власти—некоторого внедрения кипчакско-монгольских элементов в состав населения края, однако антропологические данные дают в этом вопросе весьма слабые показатели.

Следовательно, образование Казанского царства нельзя рассматривать как образование ханства татарского (то есть золотоордынского—С. А.), только династия да войско были татарскими и пришлыми. Что касается народа, то он в основной своей массе оставался аборигенного болгарского происхождения”.

Мы привели такую длинную цитату из книги знатоков истории Руси и Золотой Орды X—XV веков потому, что она является плодом большого и серьезного многолетнего научного труда специалистов-историков, раскрывающим ис-

торическую правду, и потому, что он открывает занавес для изучения вопроса о населении Казанского ханства.

НАСЕЛЕНИЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА И ЗОЛОТОЙ ОРДЫ

« XIV—XVI вв. население и территорию Казанского ханства русские называли “булгарами”, “булгарской землей” и параллельно “татарами”. Известно, что Иван III после похода на Казань в 1487 году установил протекторат России над ханством и принял титул князя Булгарского. Казань считалась у русских булгарским городом и постепенно булгар стали называть казанцами. Составители и редакторы Никоновской летописи в 50—60-х годах XVI века много раз употребили термин “Булгаре глаголемии Казанцы”. Летописцы даже конца XVI века считают Казань и ее население булгарскими. Так, в “Повести о честном житии царя и великого князя Федора Ивановича всея Руси” говорится: [Иван IV] “град великий Казань взят(л), пределы их Казанские все поплени и многое множество... болгар погуби”. При царствовании Федора Ивановича “булгаре” восстают. Федор Иванович “повеле... своему правителю Борису Федоровичу (Годунову—С.А.) послати многие свое войнство на ... болгары”. И это войско в 1588 году “приходше в пределы Болгарские области и тамо на мнозе пленующе, воевавшие”¹. Русские, европейские, арабо-персидские современники Казанского ханства продолжали называть его население утвердившимся макроэтнонимом населения Золотой Орды—“татарами”. А. Курбский, писавший свое сочинение уже в Литве в 70-х годах XVI столетия, писал: “То кроме татарского языка, в том царстве 5 различных языков: мордовский, чувашский, черемисский, воитецкий, або арский, пятый башкирский”. С. Герберштейн, австрийский посол в России (1517, 1526), в 1549 году писал, что казанские татары “образованнее других, так как они возделывают поля и живут в домах и занимаются разнообразной торговлей”². Оба автора население называют татарским, потому что все тюркские племена и народы Золотой Орды с XIV века начали называться “татарами”. Это происходило на основе древней китайской литературы и китайско-арабских торговых связей через посредство купцов.

¹ Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М.-Л., 1950. С. 416—417.

' перд, т. xiv. с. 3. " Там
же. С. 4.

•* Курбский А: Избранные сочинения. СПб., 1902. С. 10. * Герберштейн С.
Записки о московитских делах. СПб, 1908. С. 145.

Кроме того, авторы указывают на наличие различных других народов в ханстве. Интересно и то, что они отделяют финно-угорские народы от тюркского (татарского) народа. С. Герберштейн к названию татар прибавляет определение “казанские” и далее указывает: [Хан казанский] “может располагать 30000 воинов, преимущественно пеших, между которыми черемисы и чуваша самые искусные стрелки”. Как наблюдательный и высокообразованный человек, Герберштейн идет далее и особо выделяет казанских татар среди других татар, то есть тюркских народов. Он понимает, что не все татары есть один и тот же народ и пишет: “Это имя (татары) носят только по их вере, и это различные племена, далеко отстоящие друг от друга”. И еще: “Если их (казанцев) Называют турками (татарами), они недовольны и считают это как бы бесчинством. Название же... “мусульмане” их радует”.

Таким образом, тюркское население Казанского ханства со стороны европейских и русских называлось в разные периоды двойко: булгарами и татарами.

Тюркское население этого региона само до XX века никогда не называло себя татарами. К их числу относится крупнейший поэт Казани Мухамедъяр. Отрицательное отношение к этому названию у поэта возникло, по-видимому, под влиянием золотоордынской (и городской, и кочевой) культуры, население которой не только не называло себя татарами, но и враждебно относилось к этому названию. Не только Мухамедъяр, но и Другие тюркские писатели—поэты периода Золотой Орды (а также до и после)—никто не имел “тахал-луса”, или “нисбы”—“ат-татари”. А подписавшихся тахал-лусом “ал-булгари” можно считать до тысячи, о чем свидетельствовала в свое время знаток тюркских рукописей З. Максудова. Много и плодотворно работал по изучению творчества представителей золотоордынской культуры таких, как Сайфи Сараи, Котби, Хорезми, Махмут Болгари и других, Хатип Миннигулов, который пишет: “Основным народом Улуса Джучи были татары: бесспорно, что они были дедушками и бабушками современных татар”¹ (дословный перевод мой—С. А.). Но не приводится здесь ни одного слова, ни одной подписи из их произведений о том, что хотя бы один из них был татарин. Основное население Золотой Орды—узбеки, казахи и ногаи—казанских тюрков до XX века также не называли татарами. С давних пор они их

¹ Там же. С. 138. Там же. С. 141.

² Егоров Вл. Золотая Орда: мифы и реальность. М., 1990. С. 13. ³ Хатип Миннегулов. Алтын Урта эдбияты (Литература Золотой Орды). Татарстан, 1992, №7—8. С. 64.

называли ногайцами, мусульманами, “болгарлык” и “казан-лык”, “нугай мулдакэсе”, “нугай бикэче” и т. д.

Далее. В 1700 году некий Ахмед, направляясь в Мекку в хадж, побывал в Стамбуле и объяснял, что он из “области Болгар в Московском государстве”. Другие казанцы, бежавшие от насильственного крещения в 1740-х годах в Турцию в количестве 70 человек, также именовали себя “природными Болгарами”. Известный идеолог и руководитель восстания 1755 года Батырша писал, что “наши предки болгары насильственно не принуждали других менять веру”. Мулла Мурат в конце 1760-х годов проповедовал “возобновить Булгар время поспекает”. О том, что казанский люд или, вернее, средне-волжские и приуральские тюркские народы не называли себя “татарами”, в исторической литературе XIX в. писалось очень много. Об этом подробно рассказано в книге академика А. Каримуллина “Татары: этнос и этноним”⁴. Тогда они, называя себя, употребляли термины “казанлык”, “болгарлык”, “мусульман”. Первым, признавшим себя публично татарин, был Ш. Марджани. Он писал, что “ты не чувашин, не нугай, не араб, не мордвин, не черемисин, тебя зовут “татарин”. Почему же ты не хочешь называться татарин?”⁵. Да, действительно народ не хотел называться “татарами”. Г. Ибрагимов, классик татарской литературы XX века, созвучно с С. Герберштейном) свидетельствовал, что в конце XIX века, если кто-либо называл его татарин, последний бросался кулаками на первого, говоря: почему ты меня обижаешь?”

Итак, среднеповолжские тюрки в начале XX века приняли этноним “татары” как самоназвание. Поэтому далее мы применяем это название с прибавлением определяющего слова “средневолжские”. Рассмотрим вопрос о возникновении, сложении, образовании этой народности.

Язык населения Казанского ханства, являясь тюркским, в XV--XVI вв. несколько отличался от других языков бывшего населения Золотой Орды. Это видно из сравнений языка поэм казанского поэта Мухамедъяра “Нуры Содур” и “Тух-вай Мардан” с поэмами золотоордынских поэтов Хорезми, Котби и др.

Литературный письменный язык тогда отличался от общеразговорного народного языка. Тюркологи письменные

⁴ РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 1026, л. 29—33. ⁵ РГАДА.ф. 7, оii.1 1, д. 1781, кн. 4. ⁶ РГАДА, ф. 248, оп. 113, д. 281, л. 8—42. * Каримуллин А. Г. Татары: этнос и этноним. Казань, 1990. ⁷ Марджани Ш. Мостафад ал-ахбар фи эхвали Казан ва Болгар. Казань, 1989. С. 43—44. ⁸ Ибрагимов Г. Сочинения в восьми томах, Т. 7. Казань, 1984. С. 5.

литературные памятники до XV века считают общетюркскими. А разговорный народный язык в XIII—XIV вв. был, очевидно, не единым, общим для всех, а были различные языки и диалекты по регионам. Хотя и установлено, что в целом победил кипчакский язык, различия в языках народов и племен сохранились. Иначе непонятным станет дальнейшее развитие тюркских языков в Евразии. В арсенале языковедов имеются многие источники с примерами и образцами болгарского и кипчакского языков (X—XIII вв.). Они очень близки, еще больше сблизились в XIV и последующих веках.

Плетнева считает, что в монгольской армии Бату хана много было воинов восточно-кипчакского происхождения (западных кипчаков русские называли половцами). Множество их после завоевания Булгарии Батыем в 1236 году осело на болгарской земле¹. Немало кипчаков, по-видимому, приходило и оседало здесь из юго-западных степей после покорения Дешт-и-Кипчака монголами. Часть кипчакских племен в соединении с булгарами и буртасами составляли также татары-мишаре на территории междуречья Ока—Волга. Булгары и кипчаки—это основные компоненты образования казанских татар. Кипчаки и булгары (кипчаки здесь уже составляли большинство)—составные компоненты татар-мишарей. Конечно, были включения в эти этнографические группы татар Среднего Поволжья из других народов, например, из финно-угорских, ногаев. Но они являлись лишь элементами в образовании народности, а не компонентами. Говоря о консолидации татар Среднего Поволжья в XIV—XV вв., надо обратить особое внимание на роль исламской религии. Кипчаки или другие, кто попадал в среду населения, исповедующего ислам, беспрекословно должны были подчиняться его канонам, господствующим в Булгарском, Жукотинском, Казанском государствах. Мусульманская махалла (приход) заставляла всех пришедших и осевших здесь людей выполнять все обычаи, нравы и требования общины. Поэтому в таких условиях слабо проявились и развивались культурные традиции кипчаков.

По исследованиям языковедов, в XV—XVI вв. образуются варианты старотюркского (общетюркского) литературного языка, получившие впоследствии соответственно наименования: староузбекский, старотурецкий (крымско-татарский), староазербайджанский, старотатарский, старотуркменский письменные литературные языки. В их основе лежали локальные народно-разговорные языки прошлых веков. Эти народные языки в XV—XVI вв. и последующее время тем более

¹ Плетнева С. А. Указ соч. Г. 184.

локализуются под влиянием и на основе жизненных и природных условий развития. На Средней Волге народно-разговорный язык формируется булгаро-казанским и кипчако-мишарским диалектами, а письменно-литературный язык—общим языком казанских татар и татар-мишарей.

Территорией для обеих этих этнических групп являлось Среднее Поволжье. Выше было указано, что булгарское население в основной своей массе в XIV веке покинуло закамские земли и освоило Предкамье. Однако в целом при Казанском ханстве Закамье, хотя и являлось ареной кочевьев нугаев и башкир, в XV—XVI вв. принадлежало казанским ханам. В XV веке все ранее существовавшие княжества, как Жукотинское, Булгарское, Кирменчукское и другие, вошли в состав вновь восстановленного, но уже Казанского государства. Также чуваша, мари, часть мордвы, удмуртов и башкир, как и прежде, оказались в его составе. В источниках нет указаний, что эти народы были покорены силой казанских властителей. Они как были покорены булгарами, так и остались в одном государстве. В XV веке границы доходили до реки Агидель и верховьев Камы, реки Вятки и до Хлыново. На юге—до Самарской луки, отсюда—до низовьев реки Суры и по ней вверх. В XVI веке эта территория несколько сокращается. На севере Вятка отошла к Руси. Герберштейн относительно первой четверти XVI века указал, что Русское и Казанское государства разделяет, река Сура. Однако нельзя думать, что это была граница в нашем теперешнем понимании. Тогда не было ни пограничных линий, ни застав и т. д. Государственные власти собирали ясак и пошину, где земля считалась территорией данного государства. Этнические границы не были еще четко определены. На правом берегу реки Суры жили чуваша, казанские булгары-татары, на левом берегу—мордва, мишаре и русские, и ничто не мешало им общаться. Татары-мишаре несколько были удалены от центра булгар-татар—Казани и находились в составе Русского государства. Но это не препятствовало им быть частью одной народности, так как их объединяла этническая общность и это приводило их к сознанию, что Среднее Поволжье—их общая Родина. В то же время нахождение в составе Русского государства, в среде русского и финно-угорского населения, наложило свой отпечаток на язык и культуру татар-мишарей. В их лексике стало больше русских слов, некоторые традиции и обычаи (Сабантуй и другие), присущие казанским татарам, у них отсутствуют. Однако они даже раньше, чем казанские, приняли название татары, показав тем самым на единую народность—татар Среднего Поволжья. Основным регионом компактного расселения татар-мишарей были современные рай-

оны Темникова, Курмыш-Сергача, Наровчато-Саранска и Кузнецка-Хвальщека.

Ядром же расселения казанских татар в XV—XVI вв. были районы Казани, Предкамье и бассейн реки Свияга. Вся территория Казанского государства насчитывала примерно 250 тыс. км, а всего населения было Примерно один миллион человек. Сюда входят все народы края—татары, мари, чуваш и часть мордвы и удмуртов.

Татарское население Казанского ханства представляется развитым феодальным обществом. Огромное большинство составляли крестьяне-земледельцы (по-татарски—“игенче-лэр”, по-русски—“хлебоборы”), затем шли ремесленники и торговцы. Их иногда называли “кара кешелэр”, в противовес понятию “аксоак”, т. е. благородным аристократам. Бей (или беки—князья) и мурзы за разные службы государству получали право собирать в свою пользу ясаки—налог с населения определенной территории. Это право называлось “су-юргалом”. Суюргальное право не давало держателям его права на личность крестьянина, то есть оно не означало крепостничество. Кроме того, государство в лице хана некоторых феодалов освобождало от всех платежей и повинностей, что считалось тарханским правом. Тарханство давало наиболее широкие права, им пользовались в первую очередь близкие к хану и имевшие особые заслуги перед ханом феодалы.

Верхушку феодальной знати составляли эмиры, бей, мурзы. Уланы и казаки составляли постоянное ядро казанского войска. Государственный аппарат имел многочисленных чиновников—сборщиков налогов, секретарей-толмачей, стражников и т. д. Немалочисленным слоем внутри феодального класса было мусульманское духовенство, имевшее важное значение в общественной и политической жизни государства. Во главе духовенства стоял один из сеидов Казани. Они имели также земельные участки, которые назывались вакуф-ными землями. В их руках находились судебное производство на основе исламского шариата, который являлся весьма развитой, разработанной в упорядоченной форме феодального права.

Все источники свидетельствуют о богатой экономике страны. Не случайно ведь русские ушкуйники и князья своими войсками совершали грабительские походы на Среднюю Волгу, на города Булгары, Жукотин, Казань и т. д., особенно в XIV веке.

Скотоводство в жизни населения играло подсобную роль. Оно было стойловое, так как для табунных кочевий не было условий.

1 В городах развивались ремесла и торговля. По археологическим данным, известен ряд развитых ремесленных производств. Умелые строители создавали монументальные сооружения, как Ханский дворец в кремле, восьмиминаретную мечеть и другие. “Царь Иван IV удивился красоте города и его стен”,—пишет “Казанская история”. Керамические, кожевенные, ювелирные изделия, найденные при раскопках Казани, поражают своей изящностью и являются продолжением дел болгарских мастеров на более высоком уровне. Оживленно шла торговля на Средней Волге. В XV веке в Золотой Орде торговля захирела. Оно, Нижнее Поволжье, зависело от торговли и денежного обращения с Казанским ханством. Чеканенные в Казани монеты, их весовое значение тянули за собой монеты Астраханского ханства и задали тон по всему Поволжью¹. Казань держала в своих руках и транзитную торговлю. Любовь к торговой деятельности—естественная и особенная черта как у болгар, так и у казанских татар и татар-мишарей.

Общность культуры, национальное самосознание, поведение людей, их обычаи и нравы, вера, словом, та общность, куда входят особые этнические черты характера, вполне оформились в совокупности с другими общностями (язык, территория и собственность) при Казанском ханстве. В отличие от кочевого населения Золотой Орды оседло-сельская и городская культура веками накладывала свой отпечаток на все стороны жизни людей. Ислам, принятый булгарами в 922 году, в Казанском ханстве господствовал над всеми общественными и культурными проявлениями жизни людей больше, чем на территории бывшей Золотой Орды,¹ где он официально был принят только в начале XIV века при Узбек хане и слабо распространялся в кочевых степях впоследствии. Любовь населения к своей территории (родине), своим соплеменникам и Государству, к своему языку и собственности ярко проявилась в вековой его борьбе за защиту самостоятельности своей страны против чужеземных захватчиков, особенно в период героической обороны столицы—Казани. Такая любовь и национальное самосознание—это не пустые слова, они подтверждаются историческими фактами.

Чаяния и надежды казанских татар и татар-мишарей отображены в высокохудожественных произведениях поэтов Му-хамедьяра, Умми Камала и других, которые воспевали гуманизм и справедливость, мир и честность. Песни и пляски, игры на гуслиях и других музыкальных инструментах, о которых свидетельствуют источники времен Казанского ханства,

¹ Мухамадеев А. Г. Булгаро-татарская монетная система XII—XV вв. М., 1983. С. 140.

веселья на ярмарках и праздниках (Джиен, Сабантуй и др.) показывали развитость художественных вкусов, культурных навыков и одновременно служили единению, выработке сознания единства интересов народа.

На основе таких светских и духовных начал воспитывались высокая мораль и нравственность, такие характерные черты татарской народности, как чистота, гостеприимство, почитание старших, трезвость, гордость и другие общечеловеческие качества.

Все вышеуказанные качества в целом были свойственны и казанским, имишарам-татарам. Различия в отдельных элементах культуры, языка, быта и обычаев не являются определяющими. Определяющими же являются единый язык, общая исламская культура и другие основные признаки народности. Кипчаки (половцы) ставили надмогильные каменные изваяния и “бабы”, булгары—надмогильные камни с эпитафиями. Это не мешало им быть компонентами одной народности.

По нашему мнению, татарская народность образовалась в период Казанского ханства (XV—середина XVI веков) на основе двух компонентов: булгар и родственных мажаров-мишарей, т. е. кипчаков. Казанских татар составляли больше булгары и меньше кипчаки, татары-мишаре же состояли больше из бургас и кипчаков, меньше из булгар. Остальные этнические вхождения в состав этой народности проявлялись только как составляющие компоненты и отдельные элементы.

Теперь надо ответить на вопрос: откуда все же появились татары и возник этноним “татары”? Как он распространялся?

Татары как родовые подразделения впервые упоминаются в эпиграфических памятниках VIII века. “Утуз татар” (“Тридцать татар”) воевали против племени “тю-гю” отца Бильге кагана. А сам Бильге каган вел войны против “токуз татар” (“девять татар”). В IX—X вв. древние татары упоминаются в китайских источниках под названием “та-тань”, или “да-да”. В X—XI вв. они в основном растворились среди огузов в государстве Караханидов и среди кимаков в их каганате. Однако часть их, по-видимому, сохранилась как самостоятельное образование. Во всяком случае в китайских и монгольских источниках XII—XIII вв. упоминается название “татары”. К тому же в XI веке М. Кашгари зафиксировал в своем словаре это племя. Китайские источники XII века все племена от северных границ Китая называли “да-да”, “та-тань” (татары). Эти китайские татары XII века были ли теми же татарами, что и в VIII—X вв., или же они были другими племенами,—в науке определенности нет. Также обстоит де-

ло с их языком: нет примеров собственно татарского языка в источниках ни VIII—X ни XI—XII, да и последующих веков.

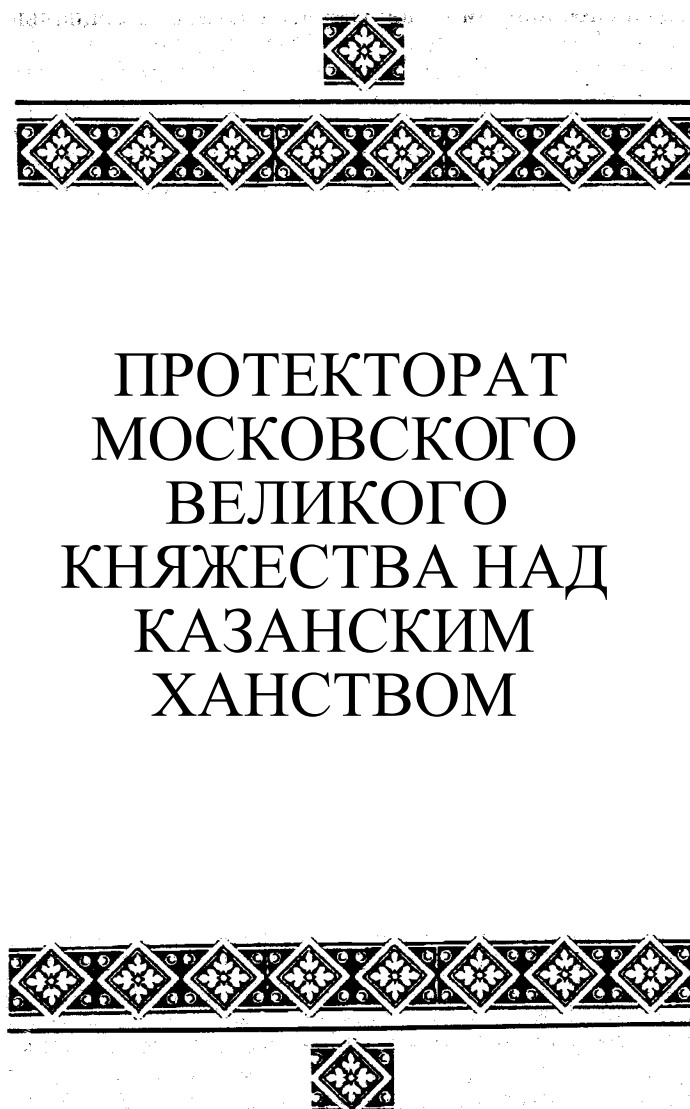
Теперь несколько слов о ногайском народе. Исследователь ногайской истории Р. Х. Керейтов утверждает, что среди ногайцев при Золотой Орде были следующие племена и роды: уйсун, канглы, уйгуры, кипчаки, найманы, кираиты, ман-гыты и другие. Основными компонентами ногайцев он считает найманов и мангытов, о татарах упоминаний, нет. Кстати, названия этих племен до сих пор бытуют среди ногайцев¹. Историкам известно, что польско-литовские татары, перешедшие в Литву из Золотой Орды в конце XIV века, состояли из тех же племен—найманов, мангытов и т. д. И наконец, в обобщающем труде по истории СССР из 12 томов, во втором томе сказано, что основное население Золотой Орды некогда перекочевало в Среднюю Азию и Казахстан². В связи с этой перекочевкой населения на юг от Тулы и Рязани до Крыма и Астрахани, на восток от Днепра до заволжских степей XV веке образовалось так называемое “Дикое поле”, то есть свободная малонаселенная территория. Считать, что население ушло на север, в Мордовию, Мещеру или в Казанское ханство невозможно, так как нет никаких данных по этому вопросу. Ни финно-угорские (мари, мордва и удмурты), ни тюркские (булгары-татары, чуваша) народы Среднего Поволжья не имеют в своем составе названия ни одного родоплеменного подразделения, которых мы видим в Золотой Орде. Но почему же название татары к западным тюркам прилипло, а восточным—нет? Г. А. Федоров-Давыдов объясняет это явление тем, что в западной части Золотой Орды шло более быстрым темпом развитие социальных отношений, а в восточной части—очень медленной. Изучение последующих источников позволяет думать, что родоплеменное разделение кочевников не могли разрушить ни Чингиз хан, ни золотоордынские ханы. Из-за медленного развития социальной структуры и феодализации у кочевников преобладали родоплеменные отношения. Другое видимое у оседлых тюркских народов Среднего Поволжья. Земледельцы здесь живут не родоплеменными подразделениями, а аулами, которые составляли отдельные общины, находящиеся на определенном расстоянии друг от друга. В течение веков такие образования—аулы становятся устойчивыми в своем этническом

¹ Керейтов Р. Х. Найманский компонент в этногенезе ногайцев и его параллели в других народах. Материалы международной тюркологической конференции. Казань, 1922 г.; см. там же статью Трепавлова В. В. “Ман-гут—мангыт—нугай: трансформация этноса и его имени”. История СССР в 12 томах, Т. II. С. 524, 525, 532. ² Федоров-Давыдов Г. А. Указ. соч. С. 175.

единстве и способными на внутреннее развитие в социальном отношении. Пожалуй, в процессе общественно-политического и социального развития они забыли о своем происхождении из' какого-нибудь прежнего племени. Городские жители—ремесленники, торговцы и государственные служащие, больше общаясь с другими народами в товарно-денежном отношении, также мало думали о названии своего народа, именуясь, например, как “казанцы” или “мусульмане”. Тем более, что другие тюркские народы не признавали этноним “татары”.

Как известно, в Золотой Орде существовали и города с оседлым населением. Самым большим и имеющим очень важное значение городом был город Сарай. В центре кочевнической территории возникла столица нового государства. Для торговли и обмена товарами для кочевников город находился рядом, а для развития торговли и ее ведения вокруг были богатые города и страны. Строителями города были, очевидно, хорезмийцы, болгары я, русские. Среди ремесленников и торговцев их тоже было немало. Выше было отмечено, что при раскопках на месте города больше находят изделия хорезмийских ремесленников. Из среды самих кочевников обедневшие люди, а также мастера-ремесленники, скитавшиеся по разным родовым и военным поселениям, постепенно оседали в городах.

Очевидно и то, что в городах мусульманская религия распространялась булгарами и хорезмийцами, хотя существовали язычество и православная епархия. Под сильным влиянием ислама могущественный хан Узбек (1312—1342) официально принимает эту религию и среди населения Золотой Орды очень широкое распространение приобрело мусульманство. Поэтому именно при Узбек хане в городе развивается культура, здесь собираются ученые, литераторы, поэты, а также сосредоточиваются другие интеллектуальные силы. Как свидетельствуют тахаллусы, авторами-писателями выступали представители болгар и среднеазиатские турки. Однако городские жители составляли небольшой процент всего золотоордынского населения. Исчезновению городов способствовали не только наступление Тамерлана, но, главным образом, уход кочевого населения далее от Сарая на Восток.

ПРОТЕКТОРАТ МОСКОВСКОГО ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА НАД КАЗАНСКИМ ХАНСТВОМ

БОРЬБА МОСКВЫ ЗА УСТАНОВЛЕНИЕ ПРОТЕКТОРАТА НАД КАЗАНЬЮ

Международное положение Казанского ханства во второй половине XV века было непрочным. На востоке оно не граничило с каким-нибудь сильным союзническим государством. Здесь До Сибирского ханства, не представлявшего собой большого значения в международном масштабе, простирались кочевья башкир. Что касается ногайских княжеств, кочевья которых также доходили до Камы, то есть до собственных владений Казани, то с ними отношения были хотя и мирными, но непостоянными и прочно союзническими. Такое положение было результатом кочевого образа жизни ногайцев. Они то углублялись в степи, то подходили к границам Казанского ханства в зависимости от состояния пастбищ, обусловленного ежегодными изменениями климатических условий. На юге господствовали золотоордынские ханы, беспрестанно боровшиеся между собой за главенство в Орде. С последними Казань также не могла быть в тесных дружественных отношениях из-за коренных различий в образе жизни. К тому же сыновья и внуки Улу Мухамеда, изгнанного в свое время из Золотой Орды, имели неприязнь к членам золотоордынских династий. Хорезм был далек и, кроме того, он, будучи в составе державы тимуридов, находился в стадии завоевания и освоения узбеками.

Крымское ханство, образованное в 1443 году Хаджи-Гиреем за степями золотоордынских кочевий, находилось также на дальнем расстоянии и обращало свои взоры на Нижнюю Волгу, Русь и на Польско-Литовские земли.

В X веке Булгарское царство смогло установить связи и получить помощь даже из Багдада, так как последний был сильным государством, влияние которого распространялось на всю Среднюю Азию. Но в XV веке обстоятельства были совсем другие и такого государства, с кем можно было бы войти в союз, на Востоке не было.

На западе между Казанским ханством и Московским государством твердо установленных границ не существовало. От Казани до Нижнего Новгорода и Муром, от Елабуги до Вятки (Хлыново) заметных крепостей и городов не было. Чувашское, марийское, удмуртское, мордовское и мещерякское население было разбросано маленькими деревушками между русскими и булгаро-татарами. Первые два входили в состав Казанского ханства, часть мордвы и татар-мишарей—в состав Русского государства. Казанское ханство, как страна оседло-земледельческой культуры, могло быть в дружбе и^союзестайлмже по образу ведения хозяйства государством—русским. Последнее во второй половине XV века завершает свое объединение и приобретает независимость от Золотой Орды, как это сделала до этого Казань. Объединение русских княжеств выдвинуло Московское государство на одно из первых мест среди государств восточной Европы. Распад Золотой Орды дал возможность вести активную внешнюю политику на Востоке. В такой обстановке основное направление и содержание внешней политики правительства Казани заключались в развитии отношений с Московским великим княжеством. Хотя мы имеем мало указаний на это в источниках (дипломатическая переписка между обоими государствами не сохранилась), развернувшиеся события в жизни Казани полностью подтверждают это. Главное из этих событий—это установление Московского протектората над Казанью.

Основными врагами великих князей Василия II, а затем и Ивана III, были Казимир (Польша) и Ахмет хан (Золотая Орда). После отпадения Хорезма, Среднего Поволжья и Крыма Золотая Орда одна не представляла серьезной опасности для Московского государства. Но она находилась в союзе с Польшей—опасным и сильным соседом Москвы. Ослабление Золотой Орды одновременно означало и ослабление Польши. Поэтому русскому правительству необходимо было находиться в союзе с крымскими Гиреями, ярыми врагами золотоордынской династии, и путем установления своего контроля не допустить сближения Казанского ханства с золотоордынцами. В Крыму тогда нельзя было установить свое господство из-за дальности расстояния. И Иван III, и Василий III находились в союзнических отношениях с крымским ханом Менгли-Гиреем. Другое дело было с Казанью. Ее можно было силой оружия держать в русле политического курса Москвы. Она была расположена далеко от других тюркско-мусульманских государств и рядом с Московским великим княжеством. В целях осуществления такой политики последнее на своей восточной границе со-

здает буферное государство—Касимовское ханство, которое помогло бы противостоять набегам золотоордынских кочевников и вмешаться во внутренние династические дела Казани. В. В. Вельяминов-Зернов, наиболее авторитетный исследователь данного вопроса, проводит мысль, что касимовского хана всегда “можно было напустить на Казань, не принимая на себя ответственности в его поступках; с его же помощью нетрудно было поддерживать междоусобия и беспорядки”^{*} в Казани. Историческая действительность доказывает правильность этих мыслей ученого. Такая попытка со стороны великого князя Василия II была предпринята в 1461 году. Уваровский летописный свод 1518 года и Московский летописный свод конца XV века сообщают, что в этом году “князь великий поиде к Володимерю, хотя ити на Казанского царя. Бывшу же ему в Володимере и ту приидо-ша к нему послы из Казани и взята мир”¹.

Как известно, хан Махмут, после прихода к власти в Казани совершивший 2 похода на Русь в 1446—1448 годах, в 50-х и 60-х годах стремился установить мирные отношения с Русским княжеством. За эти годы летописи нигде не указывают на враждебные действия казанцев против русских. Казань же предотвратила поход русских в 1461 году. Однако, если великий князь собирался в поход, то надо полагать, что отношения между государствами в начале 60-х годов не были дружественными. Причина в источниках не объясняется. Надо только заметить,² что действия великого князя соответствовали московской восточной политике. Что бы там ни было, до смерти Махмута хана мирные отношения не прерывались.

Махмут хан предположительно умер в 1467 году. Воцарившийся старший сын его Халил после отца жил недолго: умер в том же году. Казанцы провозгласили ханом второго сына Махмута Ибрагима. По обычаю жена умершего хана должна была выйти замуж за его брата. В данном случае вдова Махмута—за его брата Касима, который княжил на Оке, будучи вассалом московского великого князя, а вдова Халила Нур-Салтан (дочь ногайского князя Темира)—за Ибрагима, провозглашенного царем в Казани. Касим женился на матери Ибрагима, и как старший, и как брат бывшего царя, стал естественным претендентом на царский престол в Казани. Престолонаследие, как и в других восточных государствах, в Казанском ханстве не было точно определено. Казавды выдали царицу за Касима, но не пригласили

его ханствовать. Этим можно было вполне воспользоваться. Поэтому 14 сентября 1467 года “великий князь Иван Васильевич посылал царевича Касима, с ним же и воевод своих со многими людьми Казани на царя Абреима, и не успеха ничего же”³. События, по рассказам летописей, развернулись так. Недовольные прежним правительством в Казани, феодалы во главе с князем Абдул-Муэзмином на казанский престол позвали дядю Ибрагима Касима. Летописцы объясняют, что это было сделано “лестью”, то есть с целью обмана. Для чего надо было обмануть русских и вызвать к Казани московские войска, неясно. Если партия Абдул-Муэмина действительно стремилась к смене правительства, это не было бы обманом. А если обманом вызвать на себя войско с надеждой обессилить Московское княжество, то это могло обернуться и не в пользу казанских феодалов, то есть такая мысль была бы совсем наивной. Вероятнее всего, часть феодалов во главе с Абдул-Муэзмином хотели более тесного общения с Москвой и, провозгласив царем Касима, упрочить свое положение. Однако оказалось, что эта промосковская партия была пока очень слаба. Она ничем существенным не могла помочь московским войскам и их предводителю Касиму. Когда-то войска подходили к Волге, казанский хан Ибрагим вышел навстречу “со всеми князьями своими и с силою своего и не дать им перевестися на свою сторону”⁴. Таким образом, царя Ибрагима поддерживало большинство. Касим вынужден был возвратиться обратно в свое княжество. А русское войско, как говорят летописи, на обратном пути претерпело разные лишения: бездорожье, осеннее ненастье, бескормицу, холод и голод.

С этого похода начинаются 3-летние военные действия между двумя государствами, которые продолжались с перерывами до 1470 года. После ухода русских казанские князья организовали ответный поход на город Галич: окрестности города были разграблены, но сам город не был взят. Московский князь разослал воинов для усиления гарнизонов -Мурома, Нижнего Новгорода, Галича, Костромы и “велел им сидеть в осаде, стеречися от Казани”⁵. Кроме того, большая рать во главе с воеводой князем Семеном Романовичем Ярославским была отправлена на северные районы Казанского ханства, населенные мари. В черемисской земле,

Мазуринский летописец. ПСРЛ, Т. 31, М., 1968. С. 110. Новгородская четвертая летопись. ПСРЛ, Т. IV. С. 149. Софийская летопись. ПСРЛ, Т. V. С. 274 и др. ПСРЛ, Т. XXV. С. 279 и др. ПСРЛ, Т. XII. С. 118.

Вельяминов-Зернов В. В. Ук. соч. С. 27. ПСРЛ, т. XXV, М.—Л. С. 277; т. XXVIII, М., 1963. С. 284.

сообщает летопись, русские князья и дети боярские истребили все, чего не могли взять в добычу, “людей изсекоша, а иных в щей поведоша, а иных иззошгоша, а кони их и всякую животину, чего нельзя с собою имати, то все изсекоша, а что было живота их, то все взяша”¹. Войска, немного не дойдя до Казани, с огромной добычей возвратились в Москву. Одновременно новгородскому и муромскому отрядам веле-но было “воевати по Волге... и по обе стороны”, что они и сделали, то есть разграбили землю чувашей, мари, мордвы.

Казанские феодалы также не оставались в долгу: отправлены были войска по направлению к Галичу, Мурому, Костроме, Нижнему Новгороду. Великий князь сам с двором выехал из Москвы во Владимир. Наступление казанцев на нижегородском и муромском направлениях было остановлено. Удачнее для них военные действия шли на северном направлении. Здесь весной 1468 года они дошли до крепости Кичменга² и сожгли ее. Другой отряд занял две волости на костромском направлении. Московское правительство организует также ответный удар на севере; посланы были войска, образованы отряды ушкуйников вологжан, вятчан и других. Они вначале “повоеваша Черемису по Вятке-рькь”, затем спустились на Каму, где совершали нападения на многочисленные купеческие суда, “товару у них поймали много”. Пока шли военные операции по Каме, посланный из Казани сильный отряд дошел до главного города вятской земли Хлынова (Вятка) и взял его. Вятская земля на время была присоединена к Казанскбму ханству, в город был назначен наместник хана Ибрагима. Русские воеводы после этого кружным путем добрались в Великий Устюг и через него в Москву. Весной 1469 года московские феодалы организовали большой “поход против самой Казани. Планировалось взять город в клещи: одна рать должна была двинуться по Волге из Новгорода во главе с воеводой князем Константином Александровичем Беззубцовым. Другая—из Устюга по Вятке и Каме под начальством воеводы князя Даниила Васильевича Ярославского. Вятчане, несмотря на уговоры, не присоединились к этому отряду, а казанский наместник известил Казань о походе русских. Между двумя войсками русских не было надлежащей связи и согласованности. Этим, пожалуй, надо объяснить неудачный исход похода. Если бы они одновременно подошли к городу, то вряд ли Казань смогла бы противостоять такой большой силе. Но так не вышло. Нижегородская рать во

главе с воеводой Иваном Руно 21 мая 1469 года подошла к городу и сожгла посад. При этом летописец сообщает, что многие татары “не хотящеся дати в руки христианам” с женами и с детьми сгорели в домах и мечетях. Не предприняв попытку взять город-крепость, русское войско от--ступило по Волге на Коровничий остров. Воеводы скоро получили весть о том, что царь Ибрагим “собрался на них... со всею землею своею, с Камскою и съ Сыплинского и с Костятцкою из Беловолжскою и Вотяцкою и з Башкирскою”³. Отражая нападения судовых и конных отрядов казанцев, московское войско ушло к Нижнему Новгороду и дальше.

Другая устюжская рать подошла по Волге только в начале июля. Казанцы знали о движении этого отряда и готовились к встрече в устье Камы. 4 июля произошел жаркий бой на Волге. Летописец описывает его так: “Бой бысть по Волге сустюжаны и с великого князя бояры дверными, татарове устюжан, били, и детей боярских пере-имали; тогда же убили Микиту Костянтиновича и Юрда Плещеева полонили и его товарищев”. Остаткам устюжской рати удалось пробиться через казанскую флотилию и уйти под Н. Новгород. После такого поражения московские князья в 1470 году ограничивались лишь мелкими набегам на казанские земли. Летописцы упоминают еще один поход на Казань в сентябре 1470 года, но очень туманно. Можно заключить, что с лета 1469 года больших военных действий между государствами⁴ не было. Делая вывод .всей войне 1467—1470 гг., С. М.Соловьев писал: “В четыре описанные похода ничего не было сделано, весь успех ограничивался опустошением- неприятельских областей, за что казанцы также не оставались в долгу; сожжение казанских посадов Руном не могло вознаградить 'за потери, понесенные отрядом князя Ярославского, мало того,—выгода была явно на стороне казанцев, потому что им удалось подчинить себе Вятку”.

После сентябрьского похода 1470 года под Казань, когда русские подходили к городу и “отняли воду”, казанское правительство предложило заключить мир. К этому толкало казанцев, может быть, само русское правительство.

¹ПСРЛ, Т.хп.С.122. "
²ПСРЛ, Т. IV. С. 149.

* а) Поход царевича Касима; б) зимний набег на черемисов; в) действия северных войск на Вятке и Каме; г) большой поход на Казань из Устюга и Н. Новгорода.

" Соловьев С. М. История России-с древнейших времен. М., 1960, т. III. С. 68.

¹ПСРЛ,Т.XII.С.118. " На реке Юг в соврем. Вологодской области.

Дело в том, что как раз в это время ухудшились отношения с Великим Новгородом, и Москва готовилась полностью подчинить себе этот самовольный город. Непокорно было и на юге, где Орда в союзе с польским Казимиром стремилась вернуть прежнее подчиненное положение Руси от Золотой Орды. В такой сложной обстановке московское правительство, еще когда шли военные действия под Казанью, решило отпустить с почетом и охранной грамотой царицу, вдову Махмута и Касима, то есть мать Ибрагима в Казань. Касим умер вскоре после своего похода на Казань в 1467 году. В последующих походах 1468—1469 гг. Касим не принимает участия, во всяком случае летописи о нем не упоминают. Если бы был жив, он не мог бы оставаться в стороне. И вот, когда воевода князь Беззубцов возвращался со своим потрепанным войском, недалеко от Н. Новгорода встретил означенную царицу. Она говорила: “Князь великий отпустил мене к моему сыну со всём добром и с честью, то уже не будет некоего же. лиха межъ их, но все добро будет”*.

Ханское правительство пошло на заключение мира из-за разорения страны в результате более трехлетней войны и видело, что Казань не может долго противостоять силе Москвы. Условия мирного договора нам не известны, летописцы пишут только, что хан выдал всех пленных.

В последующие 8 лет мирные отношения между Москвой и Казанью не нарушались. Москва была занята приведением в покорность Великого Новгорода. После неоднократных походов Новгородская боярская республика в 1477 году была ликвидирована. К этому времени Вятка вновь отложила от Казани. Ее ушкуйники еще в 1471 году совершали поход по Волге, проплывая мимо Казани, до Сарая. Потеря богатой вятской земли для казанских феодалов и купцов была ощутимым уроном. Оттуда они получали дорогие меха и другие товары. Но присоединения Вятки усиленно добивались и московские бояре. Это особенно желательно стало после покорения Новгорода, под господством которого издавна находилась эта земля. Таким образом, интересы обоих государств сошлись на Вятке. Казанское правительство, воспользовавшись тем, что Иван III занят Новгородом, а золотоордынский хан Ахмат совместно с польским князем Казимиром готовился к походу на Москву, организовало поход против Хлынова с целью вновь установить свое господство. Это не было нарушением мирного договора с Москвой, потому что вятская земля в

перл. т. XII. с. 122.

данное время сохранила свою самостоятельность, то есть была ничейной. Поход был совершен зимой 1478 года. В течение 4 недель казанские отряды взяли много пленных, разорили много сел, но город Хлынов взять не смогли. С получением вести о благополучном, окончании новгородского дела у Ивана III хан Ибрагим дал приказ войскам возвращаться. Но это не спасло мирные отношения с Москвой. Правительство Ивана III считало поход на Вятку нарушением мира и весной 1478 года организовало наступление на Казань со стороны Н. Новгорода по Волге. Войска под начальством воеводы В. Ф. Образца разоряли окрестности и подошли к Казани, но, по словам С. М. Соловьева, сильная буря и дождь (в действительности, недостаточная организованность) помешали осадить город. Одновременно другой отряд русских наступал на восточные волости ханства и опустошал их. Ханское правительство запросило мира, и он был заключен, по обычному выражению летописцев, “на всей воле великого князя”. Эта “воля” нам известна. Можно только догадываться, что после неудачного похода князя не ставили каких-либо новых условий и все оставалось по-прежнему. Казань в целом в эти годы не была заинтересована в войне с Москвой. Она напала в 1478 году не на Москву, а на независимую Вятку. Присоединение Вятки к Москве произошло только в 1489 году. Казань даже в самые благоприятные для себя моменты не нарушала мир. Достаточно вспомнить 1476—1477 гг., когда Иван III целиком был занят новгородскими и другими делами, и 1480 год, когда Ахмат, хан Большой Орды, наступал на Москву. Казанцы ничем не помогали золотоордынскому хану тогда и после. Мирная политика казанского правительства, во-первых, была продиктована внутренними интересами государства. Сельская земледельческая и городская торгово-ремесленная жизнь требовала спокойной обстановки, не зависящей от контактов с кочевыми ордами Ахмат хана. В то же время Казанское ханство осталось без союза с какими-нибудь сильными государствами.

Хан Ибрагим умер в 1479 году. После его смерти и особенно после ликвидации золотоордынской угрозы московскому княжеству (хан Ахмат скоро после знаменитого противостояния на Угре был убит сибирским ханом Иваком на своей зимовке) сложилась благоприятная обстановка для активного вмешательства во внутренние дела Казани со стороны московского правительства. Оно увидело рядом с собою богатое, но по сравнению с ним небольшое и по силе противостояния не очень сильное государство.

Хан Ибрагим имел двух жен: Фатиму и Нур-Салтан (вдова Халил хана). Хотя Фатиму была первой женой, но Нур-Салтан считалась старшей, так как она была до этого уже царицей. Кроме того, источники рисуют ее красивой, умной и властолюбивой. От нее у Ибрагима имелись двое сыновей—Мухамет-Эмин и Абдул-Латиф. От Фатимы Ибрагим имел трех сыновей—Али, Худайкула и Мелик-Таги-ра. Имелось также несколько дочерей, из которых впоследствии известность получила Гаухаршад (гэугэршад—жемчуг-радость). После смерти отца ханом был провозглашен сын Фатимы Али. Источники называют его также Алегам, Ильгам.

Нур-Салтан, после смерти Ибрагима выйдя замуж за крымского хана, Менгли-Гирея, вскоре уехала со своим младшим сыном Абдул-Латифом в Крым. 10-летний царевич Мухамет-Эмин был отправлен в Москву под покровительство великого князя Ивана III, союзника Менгли-Гирея. Его там приняли благосклонно и дали на кормление удел—город Каширу. Таким образом, в Казани на престоле осталась семья Фатимы (дочери ногайского князя). В качестве старшей царицы Нур-Салтан могла претендовать на престол для своего сына Мухамет-Эмина, но и Али был законным наследником как старший сын Ибрагима. Вопрос о престолонаследии решался в данном случае силой влияния этих двух партий. К 70-м годам правящие круги Казани, очевидно, разделились на два основных лагеря. Один лагерь из сторонников Фатимы и ее сына Али, который, по мнению историков, опирался “на союз с ногайскими татарами и, очевидно, тяготел к среднеазиатскому рынку. Добывание русских невольников и продажа их на восточные рынки делали естественным для этой партии стремление к войне с Россией и, в свою очередь, вызывали враждебное отношение со стороны русских”. С этим мнением нельзя не согласиться. Казань сама не базировалась на рабстве, но вела торговлю рабами с Востоком. Казань за них получала из ногайской степи скот, лошадей, кожу и т.д. Эта партия вправе была называться восточной, вероятнее всего, сюда вошли пришедшие феодалы, которые еще не забыли традиций кочевого юга. Другая группа опиралась на местных феодалов и торговцев, заинтересованных в торговле с Россией, и ремесленников, земледельцев, заинтересованных в реализации своей продукции, что могло успешно происходить только в мирной, спокойной обстановке. Это толкало их к союзу с

¹ Худяков М. Очерки истории Казанского ханства. Казань, 1923. 88—89.

Россией. Именно поэтому люди этого круга направляют Мухамет-Эмина куда-нибудь, а в Россию. Эту местную партию по ее внешнеполитической ориентировке можно назвать промосковской. Однако она, как и в 60-х годах, еще не была настолько сильной, чтобы установить свое господство в Казани. Хотя ее опора (союз с Москвой и Крымом, некоторые слои населения) была все же значительна, но восточная партия взяла верх. Причиной этому, пожалуй, служат ордынские традиции у части феодалов и национально-религиозные противоречия населения с русскими.

Первое время после кончины Ибрагима московское правительство отложило казанские дела в сторону. Оно было занято свержением татарского ига. В 1480 году хан Ахмат в союзе с польским Казимиром пытался снова покорить Московское великое княжество, но был вынужден бежать с реки Угры. Уход Ахмата развязал руки Ивану III для активных действий против Казани и вмешательства в ее внутренние дела. В начале 1482 года великокняжеский двор предъявил Али хану какие-то требования*. Когда Казань ответила отказом, Москва отправила войска в Нижний Новгород с артиллерией под начальством известного итальянца Ариостотеля Фиораванти. Во главе войск, собранных в Нижнем, стоял воевода Иван Писемский. Судовая рать приближалась к самой Казани. Сам же великий князь Иван III выехал из Москвы и стал с главными силами во Владимире. Одновременно были отправлены послы в Крым Менгли-Гирею и в Казань Али хану.

Посол на вопрос Менгли-Гирея, собирается ли великий князь воевать с королем Польши, должен был отвечать: “Господарь мой князь великий нынеча Делает свое дело с Казанским”. Это означало, наверное, что Иван III пока не думает воевать с Польшей и вместе с тем испрошение согласия на борьбу против Али хана за пасынка Менгли-Гирея Мухамет-Эмина. В Казань же были посланы князь Иван Иванович Звенц и Бурнаш. Видимо, дело состоялось, заключает исследователь К. В. Базилевич, в переговорах, подкреплённых внушительной военной демонстрацией. Война была предотвращена, так как казанское правительство также прислало послов на переговоры. Очевидно, требования Ивана III были удовлетворены и поход не был совершен, а великий князь возвратился обратно. Значение этого

^{*} Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. II половина XV в. М., 1952. С. 200. ^Сб.РИО,Т.41.С:30. ¹ Базилевич К. В. Указ. соч. С. 202.

акта состояло в том, что усилилось влияние промосковской группы и вскоре в Казани вспыхнула очень острая феодально-династическая борьба. Али хан оказался между двух огней: приняв великокняжеские требования, он вызвал недовольство восточной группы, а промосковская группа выдвигала на его же место Мухамет-Эмина. Последний вариант не был для Али хана приемлем, и он встал на сторону защитников Казани от Москвы. Какие дипломатические акты совершал Али хан, неизвестно. Но если бы Москва не считала его врагом, она не послала бы против него большое войско в 1484 году. По-видимому, Ивану III нужно было бороться против Али хана и для ублажения крымского Гирея. Посадив на казанский престол сына Нур-Салтан (жены Менгли-Гирея) Мухамет-Эмина, он мог бы укрепить союз с Крымом против Польши и Большой Орды. По Башмаковской разрядной книге воеводы Ивана III в 1484 году “Казань взяли, и царя Алехама изымали, а Магмет Аминя- царя в Казани на царство посадили, по великого князя наказу”. Был ли взят городу—вопрос сомнительный. О таком важном событии летописи ничего не сообщают. Если представить, с каким торжеством в Москве было отмечено взятие Казани в 1487 г., то создается впечатление, что в 1484 году город не был взят. По-видимому, русские войска подошли к городу, и под их давлением в Казани восточная партия уступила местной партии, и воцарился их ставленник 16-летний Мухамет-Эмин. Однако в 1485 году с помощью русских же воевод к власти опять пришел Али хан. Может быть, молодой Мухамет-Эмин не оправдал надежд Москвы, может быть, здесь отразились события на юге. В 1485 году дети хана Большой Орды Ахмата напали на Менгли-Гирея, освободили плененного последним одного из ахматовичей Муртазу, который и сел на престол в Крыму¹. Как бы там ни было, Иван III не только вмешивался в дела Казани, но и с помощью своих войск сам разжигал феодально-династическую борьбу, попеременно поддерживая то Али хана, то Мухамет-Эмина. Хотя у нас нет источников с прямым указанием на это, но события 1484—1487 гг. сами вполне очевидно говорят об этом. В 1486 году в Казани опять правил Мухамет-Эмин. Для его “сбережения” Иваном III были посланы воеводы с полками. Пожалуй, по требованию воевод Мухамет-Эмин пытался схватить и выдать Москве меньших своих братьев, сыновей Фатимы (Ху-дайкула и Мелик-Тагира) и их сторонников. Али хан в это

время находился в бегах у ногайцев. Казанцы не допустили расправу с царевичами, даже хотели убить самого Мухамет-Эмина. Он вынужден был уйти к воеводам. С их помощью, умиротворив своих противников-князей, он опять было воцарился, но вскоре вернулся Али хан. С помощью части казанцев (“по слову с казанцы”,—говорит летописец) и опираясь, очевидно, на ногайцев, он согнал с трона Мухамет-Эмина и воцарился вновь. Мухамет-Эмин бежал в Москву к своему покровителю Ивану III. К этому времени отношение к династической борьбе в Казани у Московского правительства определилось. В Крыму ахматовичи были изгнаны и упрочилась власть Менгли-Гирея. Али хан связался с ногайцами. Мухамет-Эмин показал себя вполне надежным сторонником Москвы. Он “бил челом великому князю, а назвал себе его великого князя отцом, а просил у него-силы на брата своего Алехама царя Казанского, и князь великий силу ему дати”,—пишет летописец. А вот что писал сам Иван III в письме Нур-Салтан в Крым в марте 1487 года: “...а что еси писала в своей грамоте о своем сыне оМагмете Амине царе и мы как наперед сего добра его смотрели, так и ныне, аж даст бог хотим добра его смотрити, как нам бог поможет”. В апреле 1487 года были отправлены воеводы с крупными силами с твердым наказом: взять Казань и его хана Али. Они подошли к городу 18 мая, и началась осада. Вначале Али хан встретил было русских на подступах к Казани, но “мало побився” ушел обратно в город. Он и после этого каждый день совершал вылазки против осаждавших войск. Кроме того, в окрестностях города оставлен был на засаде конный отряд Али-газья. Этот отряд наносил сильный урон с тыла и постоянно беспокоил воевод. Русским удалось разбить Али-газья и с остатками своего отряда он ушел за Каму. Не был ли этот отряд ногайским, пришедшим вместе с Али ханом в последний раз его воцарения? Источники об этом молчат. Но это вполне может быть. После ухода Али-газья город был обложен тесным кольцом. Наконец, на город пришло, по словам Архангельгородской летописи, “изнеможение”². Другой летописец писал: “Лета 6995 (1487 г.—С. А.) го июля в 9 день воеводы же великого князя князь Данил Холмский и прочий воеводы болгарский град Казань взяша и царя Казанского Алегама поимаша и с царицею, и мать ево, и братию ево, и сестры его изымаша, и всех их привели

¹ Вельяминов-Зернов В. В. С. 171. ² Никоновская летопись. ПСРЛ, т. XII, с. 217.

' Архангельгородская летопись. "
Сб. РИО, Т. 41. С. 59. '

Архангельгородская летопись.

к великому князю на Москву”¹. Таким образом, поход воевод и осада Казани, продолжавшаяся с 18 мая по 9 июля, ¹ то есть 52 дня, увенчались успехом в пользу русских и царя Мухамет-Эмина. Город первый раз по-настоящему был в руках русских войск. Противники русского владычества, князья и угланы вместе с их царем были отправлены в Москву. С вестью о взятии Казани в Москву прибыл гонец от воевод князь Федор Хрипун Ряполовский. В Москве начались торжества. Звонили во все колокола. “Молебная свершиша и хвалу богу воздаша” бояр и воевод великий князь “изжаловал” разными награждениями. С вестью о победе над Казанью были отправлены специальные посольства в соседние государства и даже в Италию, Венецию, Милан, Рим. Венецианскому Сенату московские послы сообщили “о великой победе одержанной в июле 1487 г. их королем над одним из татарских князей, дерзнувшим напасть на Ивана со стадесятью тысячами конницы”. Московские бояре и дьяки также быстро и “умело” писали о победе крымскому Гирею и Нур-Салтан, склоняя их к более близкому сотрудничеству против Цолыпи и ахматовых детей. После такого исторически крупного события Иван III при-нял титул “князя Булгарского”.

С 1487 годом кончается II период взаимоотношений Москвы с Казанью, начинается III период, относительно мирный и продолжавшийся 34 года. Первым периодом мы считаем то время, когда русские князья с булгарских времен повели наступление на Среднее Поволжье, продолжавшееся до конца XIV века.

ПЕРИОД ЗАВИСИМОСТИ КАЗАНИ ОТ МОСКВЫ

С начала XV века по 1487 год, то есть во II периоде взаимоотношений с Московским княжеством у Казанского ханства было всего 5 войн: 1) Поход князя Ф. Пестрого на Булгарскую землю (1431 г.); 2) Походы Махмута на русские земли (1446, 1448); 3) война Московского княжества за казанский престол (1467—1470 гг.); 4) поход казанцев на Вятку, поход москвичей на Казань (1478 г.); 5) война Москвы за Казань и установление протектората (1484—1487 гг.). Доступные нам все источники о каких-нибудь других военных столкновениях между обоими государствами не сообщают.

Период с 1487 по 1521 год—время относительной зависимости Казани от Москвы и союза между ними—мы считаем III периодом борьбы русских за Среднее Поволжье. Источников для полного раскрытия внутреннего и внешнего положения Казанского ханства этого периода немного. Все же сохранившиеся документы проливают свет на события, происходившие в это время.

С семьей пленного царя Казани Иван III расправился жестоко. Али с женами (по некоторым источникам, их у него было две) был заточен в Вологде. Царица Фатима, мать Али хана, с детьми была отправлена в отдаленный городок Каргополь на Белозерье. Остальные взятые в плен казанские князья и угланы были перебиты. Хан Али до конца своих дней находился в Вологодском заточении. Его брат Мелик-Тагир, пожалуй, был убит, пишет К. В. Бази-левич. Царица Фатима умерла своей смертью. Худайкул, младший сын Ибрагима и Фатимы, в 1505 году был крещен и стал Петром. За это ему отдали замуж сестру Ивана III Евдокию. Сыновья Мелик-Тагира также были крещены, получив имена князей Василия и Федора.

Таким образом, из потомков хана Ибрагима по линии Фатимы претендентов на казанский престол никого не осталось. По линии Нур-Салтан Мухамет-Эмин стал вассальным царем великого князя в Казани. После взятия Казани московскими феодалами и воцарения Мухамет-Эмина ногайские мурзы выступили против него и воевали “землю Магмет Аминову цареву”, “грабили, да и головы и полон поймали”. Они же во главе с царем Иваком требовали в 1489 году освобождения Али хана с семьей из русского плена². Московское правительство никого не освободило, а обвинило ногайских мурз в грабежах и нападках на казанские и московские земли. Вместе с тем оно предупредило, что Иван III может быть в дружбе с ними только в случае примирения с Мухамет-Эмином. “А Ивакуарь захочет с нами дружбы и братства и с моим братом и сыном с Магмет Амином царем, и мы с ним дружны и братства хотим”³. Отсюда видно, что правительство Ивана III за союз с ногайцами поставило им условие быть в союзе и с Казанью. Но Казань должна была вести только промосковскую политику. Поэтому ногайцы должны были подпасть под сферу влияния той же политики. В целом же против взятия Казани или за Али хана, кроме ногайцев, никто — ни

¹ Сб. рпо, т. 41. С. 84. "
Там же. С. 82. ² Там же.
С. 84.

' Мазуринский летописец. М., 1968, Т. 31. С. 117. "
Софийская летопись, Т. VI. С. 238. ' Сб. РИО.Т. 41, СПб,
1884, С. 61—62.

Крым, ни Турция—не выступал. Это сошло гладко. Турция не проявляла никакого интереса к делам в Среднем Поволжье, то есть Казани.. Таким положением вещей -в дальнейшем очень искусно пользовался Иван IV, говоря, что Казань тогда взята была саблех да деда нашего Ивана III', мол, вы же тогда ничего не говорили и не спорили.

В период протектората Казанское-ханство своей самостоятельной внешней политики не имело. Была установлена полная и строгая московская опека над внешними сношениями Мухамет-Эмина. Иван III разбирал столкновения и споры между ханами ногаями. Для отправки послов к ним хан также должен был испрашивать разрешение у Ивана III. Мухамет-Эмин, за ним и ногайские князья должны были просить согласие Ивана III на брак хана с ногайской княжной.

Такое разрешение было дано только тогда, когда ногаи . обещали быть заодно против Большой Орды. Мухамет-Эмин женился на Дочери ногайского князя Мусы и выдал свою сестру замуж за Алач-мурзу, сына ногайского же князя Ямгурчя. Эти брачные акты в дальнейшем, как мы увидим ниже, оказали некоторое влияние на отношения Казани с Москвой. Казанский хан не только потерял внешнюю самостоятельность, но и должен был лично участвовать во внешнеполитических, военных конфликтах Московского государства на стороне великого князя Ивана III.

После 1480 года вопрос о Золотой, или Большой Орде, уступив место вопросу о польско-литовских отношениях, не имел прежнего значения для Москвы. Этому способствовало и то обстоятельство, что союзными вассальными государства на Востоке, такие, как Казанское и Касимовское ханства, со своими казаками и сторожевыми отрядами прикрывали Русское княжество от неожиданных прорывов ордынских кочевников. Сыновьям Ахмат хана Муртазе и Сеид-Ахма-ту—руководителям Большой Орды—уже не под силу было совершать большие походы на север. В холодные и голодные годы они из своих степей могли пойти на зимовку и войною в Крым (например, так было в 1485 году) и создавать серьезную угрозу для Крымского ханства. А это совсем не входило в расчеты московского князя. Надо было сохранить Менгли-Гирея как союзника против Литвы и окончательно добить детей Ахмат хана (их было 8). В последнем цели Ивана III и Менгли-Гирея полностью совпадали. Крымчанам необходимо было сохранить свои пастбища в Крыму и расширить, их за счет Большой Орды: На

основе таких обстоятельств образовался союз Руси, Крыма и Казани. Ногайцы также не поддерживали Большую Орду. Когда в 1491 году -ахм^товы дети Сеид-Ахмет-и Другие. своей ордой шдид Крым, противних выступили соединенные силы союзников. Мухамет-Эмин отправил свои войска во главе с “Абаш улана да Альякши князя, да Бебдыря князя Итакова брата, да Имирь мурзу Садырева брата, да Уразлы князя, да Шагалака князя, да Акчюру князя Аязова сына, да Кишкилдея князя, да Бурнака князя, да с ними послал двор свой, а вышли из Казани июня месяца в осмы день”.

Эти войска по предписанию из Москвы должны были соединиться касимовскими служилыми татарскими казаками. Общее руководство над всеми силами было возложено на касимовского царевича Салтыгана Нурдаuletовича (Нурдаulet—брат Менгли-Гирея). Одновременно шли и московские воеводы. Услышав о движении таких больших сил в подмогу крымскому хану Менгли-Гирею, ахматовы дети со своей ордой повернули от Перекопа обратно в свои кочевья. Казань, не принявшая участие в 1480 году в борьбе против самого Ахмата, в 90-х годах, таким образом, вклю-^ чается в активную борьбу против золотоордынцев.. В 1491 году сражения не произошли. Но враждебные отношения между Большой Ордой (или “Тахет иле”—страна престола) и Крымом продолжались. Крымская династия стремилась заполучить эту страну и сделаться в ней главной. Такого стремления у казанских: ханов и феодалов мы не видим. Очевидно, их не прельщали кочевые степи. ---

Здесь феодалы вели борьбу между собой не за главенство в степях, а за господство в политической и экономической жизни Казанского государства, в котором в последние годы безраздельно верховодила группа промосковской ориентации. Однако, несмотря на казнь вождей при свержении хана Али, восточная партия не была уничтожена. Она усилилась после того, как Мухамет-Эмин по указу Ивана III выступил против своих единоверцев Большой Орды. Кроме того, после женитьбы Мухамет-Эмина на дочери ногайского князя Мусы во дворце хана появились ногайские ^влиятельные люди. В результате образовалась оппозиция правительству, во главе которой стояли князья Кель-Ахмет, Урак, Садыр и Агиш. Оппозиция опиралась в Казани на служилых людей, недовольных политикой Мухамет-Эмина. Но этого было недостаточно. Она не считала возможным только своими силами совершить переворот. К тому же не

'РГАДА, Ногайские дела, кн. 4, л. 81.

•сб.рио,т.41,с.116. " Софийская лет., VI,
38. Ник. VI, 228, 229.

было под рукой подходящей кандидатуры на ханский престол. Поэтому Кель-Ахмет и его сторонники решили призвать на престол вместо Мухамет-Эмина сибирского царевича Мамука Шейбанида. Брат сибирского хана Ивака Ма-мук, получив предложение, двинулся к Казани. Однако заговор и движение Мамука стали известны Мухамет-Эмину, который сразу же известил об этом Москву'. Иван III послал большое войско во главе с князем-воеводой С. И. Ряполовским. Получив весть о грозном шествии московской рати, организаторы переворота покинули Казань и присоединились к Мамуку. Движение последнего было остановлено встречным движением русских войск, и скоро Мамук повернул*даС"ратно. Мухамет-Эмин, полагая, что с сибирской утрозой покончено, отпустил из Казани воеводу Ряполовского. Оставшиеся в Казани сторонники Кель-Ах-мета сообщили об этом Мамуку. Он же "... вбозре приеде ратию под Казань со мною силою Ногайской и со князи Казанскими". При приближении сибирского царевича со своими союзниками Мухамет-Эмин с семьей и приближенными бежал из Казани в Москву. Великий князь Иван III в ответ на запрос из Крыма о Мухамет-Эмине писал, что последний "не поверя своим лк^дям"^^ бежал из Казани. Значит, настолько из-за угрозы мамукского нашествия, сколько из-за неприязни к нему в самой Казани хан бросил свое государство. Это было в ноябре 1496 года. Тогда же Мамук взял Казань и ему, как говорит летописец, сопротивлявшихся не было. Таким образом, в Казань вступают то русские, то сибирско-ногайские войска. Где же самиказан-цы, где их войско? Почему никто, хотя бы часть наличных войск со своими князьями не выступают против того или другого оккупанта? Дело в том, что в борьбе за престол боролись только крупные феодалы. Когда приближались русские, часть из них (восточной ориентации) бежала к Мамуку, когда подходил Мамук к городу, то вместе с ханом бежала другая часть (западной ориентации) в Москву. Население, рядовые казаки и угланы относились безразлично к Мухамет-Эмину. Он не имел популярности, провед-щи свою молодость среди русских, не считался, может быть, со многими предписаниями шариата, вольно обращался с женщинами и т. д. Очевидно, внутренняя политика Муха-мет-Эмина и его правительства была очень тяжелой для казанцев. Население могло надеяться, что при новом хане

будет лучше. Но надежды ни населения, ни заговорщиков не оправдались. Сибирскому царевичу, выросшему в своеобразных условиях орды, нужно было еще больше, чем Мухамет-Эмину. Мухамет-Эмин выколачивал с населения, торговцев и купцов высокие налоги. Мамук по обычаю кочевых орд стал просто грабить, он грабил торговцев и земских людей—горожан. Для того, чтобы управлять таким культурным и экономически развитым государством, он не имел никакой политической подготовки. С правительством он не считался. Дело дошло до того, что вожди восточной партии и глава правительства Кель-Ахмет из-за разногласий во взглядах с ханом были арестованы. Но для осуществления своих грабительских планов Мамук не мог обходиться без князей. Выпустив их из тюрьмы, он с их помощью задумал совершить грабительский поход в город Арск. Арские, подвластные Казани князья городской не сдали, организовали оборону и бились с ханом. Во время похода казанские князья во главе с Кель-Ахметом покинули Мамука и возвратились в Казань. Может быть, они же предупредили и Арск. Население города поднялось против грабителя хана Мамука: укрепили город и обратно в Казань царствовать его уже не пустили. Мамук со своей сибирской ордой вынужден был уехать в свои кочевья, но в пути умер. Кель-Ахмет, будучи недавно главой восточной партии, увидев действий сибирского хана, резко изменил свои взгляды к русско-казанским отношениям. Опытный и хитрый политический деятель того времени Кель-Ахмет опять привлек на свою сторону многих сторонников и сохранил власть в своих руках. Другой руководитель восточной^партии князь Урак, не переменявший свои убеждения, эмигрировал в Сибирь. Правительство Кель-Ахмета решило возобновить договоры с московским великим князем и просить хана у Ивана III. Было отправлено посольство Бараш-Сеита в Москву с предложением отпустить в Казань ханом Абдул-Латифа. Абдул-Латиф, как известно, воспитывался в Крыму у матери Нур-Салтан и отчима Менгли-Гирея. Последний по совершеннолетию Абдул-Латифа в 1493 году отправил его на службу своему союзнику великому князю Ивану III. Ему дали в удел город Звенигород, а затем Каширу.

Посольство просило, чтобы великий князь казанцев "пожаловал, Махмет-Эмина царя к нам в Казань не посылал, занеже от него было великое насилие и бесчестие катунам (женам.—С. А.) нашим, и за то есмь ему изменили и прочь от него к Мамуку отъехали". Русское правительство не

' Никоновская летопись. ПСРЛ, Т. XII. С. 242. ^ Там же. С. 243. " Сб. РИО, Т. 41. С. 240.

настаивало на восстановлении на престоле Мухамет-Эмина и дало согласие на кандидатуру Абдул-Латифа. В апреле 1497 года он был отправлен из Москвы в Казань в сопровождении князей Холмского и Палецкого, а в мае того же года торжественно возведен на казанский престол. Таким образом, прерванный протекторат Москвы над Казанью вновь был восстановлен. Хан и все князья, население города присягнули в верности союзническим отношениям с Москвой. Мухамет-Эмин как быв компенсацию получил в удел города Каширу, Серпухов и Хатунь со всеми их доходами¹ в том же мае месяце. В 1499 году брат Мамука сибирский царевич Агалак двинулся походом на Казань. Вдохновителем и организатором попытки установления сибирской династии в Казани был противник русской ориентации “князь казанских князей” Урак. Правительство Кель-Ах-мета сразу же дало знать Москве и оттуда в помощь А^ул-Латифу были двинуты войска (конная и судовая), под начальством князя Ф. И. Бельского и других воевод. Получив известие о приближении московской рати, Агалак с Ураком, не подступив к Казани, повернули обратно. Казань и на этот раз, как и во время Мамука, не могла защитить сама себя. Это объясняется тем, что у самого хана действительно было мало войск, ставленник Москвы, он мог опереться вполне только на чужестранное войско. Казанские же войска были в руках князей, а на них хан не всегда мог надеяться. Что войска были в руках князей, доказывается разными фактами, одним из которых является выпуск из тюрьмы князей Мамуком для организации похода на Арск. После отражения Агалака Московское правительство назначило на службу у царя Абдул-Латифа воевод М. Курбского и П. Ряполовского, с ними было небольшое войско. Воеводы должны были охранять хана, советовать и указывать ему на необходимые меры по управлению государством и доносить^обо всем, что делается в Казани, Москве. Такие советники были еще при Мухамет-Эмине, но сейчас они подкреплялись воинской силой. Может быть, Московское правительство не совсем доверяло самому хану Абдул-Латифу, выросшему в крымских условиях и, в отличие от Мухамет-Эмина, чуждающемуся русских нравов и обычаев. Московские воеводы помогли Абдул-Латифу в 1500 году, когда ногайские князья Муса и Ямгурча напали на ханство. Воспользовавшись тем, что Московское княжество начало войну с Литовским за присоединение западных русских земель и войска, во главе которых стоял экс-царь Мухамет-

Никоновская летопись, ПСРЛ, Т. XII. С. 224.

Эмин Каширский², были заняты, Ямгурча и Муса подошли своей ордой под Казань войною. Казань на этот раз оборонялась сама: были сооружены оборонительные укрепления, почти каждый день устраивались вылазки, сам Абдул-Латиф деятельно участвовал в боях с ногайцами. Ногайцы город не могли взять, но окрестности Казани были опустошены. Через три недели они со своей добычей ушли обратно в свои кочевья. На Казань, как на богатый город, таким образом, наступали то сибирские, то ногайские татары. Это приводило к усилению восточной группы в самой Казани. Князьям-феодалам нужно было, чтобы с кочевниками существовали мирные отношения. Мирное состояние могло увеличивать их доходы с ясачного населения, с одной стороны, и способствовать торговле Казани с востоком и западом, с другой. Засилие русских и враждебные действия единоверцев сами по себе влияли на национальные чувства этнохлюдей. Скоро сам Абдул-Латиф подпал под такое влияние и начал действовать не в пользу Москвы. К тому же испортились его отношения с главой правительства Кель-Ахметом. Последний, не ужившись с ханом, в конце 1501 года поехал в Москву и начал действовать против хана. Умный и хитрый, в течение десятилетия державший власть в своих руках, он сумел убедить Ивана III в непригодности Абдул-Латифа: что хан “начал лгати и ни в какие делах не учал управы чинити, да и земле Казанской учал лихбыти”³. В чем заключались конкретно провинности 25-летнего хана, нам неизвестно. Из вышеприведенных слов Ивана III на запрос из Крыма видно только, что Абдул-Латиф ^начал вести самостоятельную политику, может быть, и вопреки указаниям Москвы. В январе 1502 года из Москвы в Казань были отправлены воеводы: князь В. Ноздреватый, И. Телешов и вместе с ними, наверное, Кель-Ахмет с приказом Ивана III схватить хана Абдул-Латифа и привезти et-o в Москву. Без особого шума и сопротивления казанцев хан был схвачен, по одним источникам, воеводами, по другим—Кель-Ахметом, привезен в Москву и сослан на заточение в Белоозеро^4. Вероятнее всего, на наш взгляд, последнее, так как именно Кель-Ахмет, будучи всемогущим “князем казанских князей”, как говорят летописцы, смог бы так тихо и без всякого отпора со стороны казанцев совершить переворот. Нельзя сказать, что хан был совсем изолирован и не имел своих сторонников. Они были, тем более что

* РИО. Т. 35. ПСРЛ. Т. VI. С. 45. ²Сб. РИО. Т. 41. С. 461. ³Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XII. С. 255.

Абдул-Латиф в последнее время склонялся к восточной ориентации, то есть начал действовать не в пользу русских. Однако Кель-Ахмету удалось, наверное, договориться с влиятельными людьми антирусского толка. Иван III очень строго обошелся с Абдул-Латифом. Он был отправлен в кандалах в Белоозеро. Чтобы сослать в заточение недавно вышедшего из Крыма и принятого на Руси вначале с большим почетом царя Казани, отчимом которого являлся союзник Ивана III Менгли-Гирей, необходимы были веские причины. Дело, пожалуй, заключалось не только в том, что хан “начал лгать” Ивану III, но и в благоприятной международной обстановке для проведения более жесткой политики в отношении Казани и ее ханов. Большая (Золотая) Орда влачила жалкое существование и никакой опасностью Москве не угрожала, а в том же 1502 году в июне месяце Менгли-Гирей окончательно разбил и рассеял ее. Последний царь Орды Шиг-Ахмет бежал в Польшу и умер в плену. Остатки Орды соединились с ногаями, а глава Мангытов Тевекель князь (брат Нур-Салтан, шурин Менгли-Гирея) перешел в Крым. Ногайские князья Муса и Ямгурча, в это время имея дружественные отношения с Москвой и Казанью, тем более дружественно относились к Мухамед-Эмину, как к своему зятю. На западе московские дела также шли удачно. В результате войны с Литвой был присоединен ряд городов: Чернигов, Стародуб, Путивль, Рыльск, Новгород-Северский, Брянск и др. Литва потерпела несколько поражений от русского оружия. Московское княжество набирало силу и поднималось. Оно уже не так сильно зависело от крымского союзника, могло обходиться и без Менгли-Гирея. Вот почему можно было не церемониться с пасынком крымского хана и начать попытки положить конец царской династии в Казани. Однако, поймучив известие о заточении Абдул-Латифа, владыка Крыма в июле 1503 года ультимативно потребовал, чтобы Иван III простил молодого Абдул-Латифа, ион был возвращен к великому князю. Иначе, писал Менгли-Гирей, “послу и людям нашим не ходити, а шерсть мене нас отошла”. Об этом же отдельно просила Нур-Салтан. Иван III только в начале 1505 года ответил, что Абдул-Латиф освобожден и держит он его при себе. Но доверие к последнему не было восстановлено, его содержали в “каменной палате” Кремля’.

’ После смерти Ивана III несколько раз Крым, Турция и Казань просили отпустить Абдул-Латифа в Крым, в Казань или дать ему Каширу. Эти просьбы не были выполнены. Вначале его посадили за городом во дворе, а в 1509 году его из “нягства” выпустили, на некоторое время дали г. Юрьев. С 1512 года, в связи с набегом крымских царевичей, он опять находился в опале.

После того, как увезли из Казани Абдул-Латифа в кандалах, на его место царем был определен прежний хан Мухамет-Эмин, живший в то время в Кашире и зарекомендовавший себя искренним другом русских. Перед отъездом ему разрешили взять из вологодского заточения в жены вдову Али хана. По словам “Казанской истории”, она, “яко по малу червь точити сладкое древо”, начала ‘уговаривать Мухамет-Эмина “отложиться” от России. Но дело заключалось не только в жене хана, взятой из заточения, первый муж которой умер также в заточении. По приезде в Казань хан Мухамет-Эмин первым делом казнил главу правительства. Кель-Ахмета. Как известно, последний был противник Мухамет-Эмина в 1496 году. Он и после Мамука добился того, чтобы Мухамет-Эмина не избрали ханом. А затем тот же Кель-Ахмет добился ареста и заточения брата Мухамет-Эмина Абдул-Латифа. Причин было достаточно, чтобы устранить властного государственного деятеля, каковым был князь Кель-Ахмет. В последние годы после Мамука Кель-Ахмет вел промосковскую политику. Его казнь ослабила эту партию и усилила антирусскую группу. Новый хан, надо думать, также был окружен ногайцами, так как обе его жены были оттуда. По преданию казанского летописца, вторая жена была “научима от вельмож своих царевых” против Москвы. Значит, были вельможи как из свиты царицы, так и из свиты царя, пожелавшие выйти из-под протектората Москвы и вести полную самостоятельную политику. Мухамет-Эмина страшили участием Али хана, умершего в вологодской тюрьме, и меньшего брата, отправленного в белоозерскую тюрьму.

По рассказу В. Н. Татищева, дело заключалось в следующем: вышеупомянутая жена Мухамет-Эмина по имени Урбет, поддержанная некоторыми князьями, оклеветала перед мужем городского “князя Шайныуфа” (Шайсупа—Шах Юсупа, верного союзника Москвы и державшего бразды правления в городе) в том, что последний хочет изменить ему. О таких случаях известили Ивана III, и тот потребовал от Мухамет-Эмина не потакать таким слухам, а “Шайсуфу прислал бы за сторожею в Москву”. Это письмо было зачитано на боярской думе. После этого начались враждебные действия. К этому времени Иван III был уже стариком, заметно одряхлел, и все ждали близкой его кончины. Предстоящие перемены на московском престоле также вызвали разные толки и слухи в Казани. Все это склоняло хана

’ Казанская история. М.—Л., 1954. С. 59. ” Татищев В. Н. История Российская. М.—Л., 1966. Т. VI. С. 98.

изменить союзнические отношения с Москвой. По другим летописям, весной 1505 года Мухамет-Эмин отправил в Москву “городного” князя “Шайсуна” с грамотой “о каких-то делах”. Летописцы не говорят, о каких делах была составлена грамота. Сполучением сего документа Московское - правительство отправило посольство известного дипломата того времени Михаила Кляпика о резком осуждении действий хана и категорическим требованием прекратить разговоры в Казани, противоречащие интересам Москвы. Ободренный успехами в переговорах с Литвой, Михаил Кляпик по приезде в Казань, может быть, держал себя перед ханом очень гордо, московские дипломаты этому уже тогда научились, и в резких выражениях изложил недовольство Ивана III. Последовали ответные действия: посол был арестован 24 июня, все русские купцы и приезжие в Казань задержаны. Часть из них была арестована, часть — отослана к ногаям. “И инии едва утекоша на русь”. Казанский летописец объясняет, что в этот день в Казани была ярмарка и приезжало много русских купцов и, чтобы разбогатеть, казанцы грабили их. Однако выступление Мухамет-Эмина не ограничивалось этим только стремлением, оно преследовало более широкие планы. Это было связано с желанием ослабления московского протектората: дружеские отношения с Москвой были прерваны и началась война. В августе 1505 года Мухамет-Эмин совместно с ногайским войском начал наступление против Московского государства. В начале сентября он подошел к Нижнему Новгороду и начал осаду. Летописец пишет: “Стоял под городом два дни и ко городу пристуал, а на третей день от града беже, а граду не сотворил ничтоже”.

Казанский летописец, в отличие от других летописных сводов, передает ряд Дополнений. Хотя они, как, обычно, преувеличены и насыщены ругательствами, фактическая сторона рассказа заслуживает внимания. По словам летописца, во-первых, Мухамет-Эмин призвал на помощь 20 тысяч ногайцев. Пусть не 20 тысяч, но факт наличия ногайского войска у хана вполне достоверен. Во-вторых, при штурме Нижнего Новгорода ядром убило шурина Мухамет-Эмина, ногайского мурзу, и это вызвало, по словам летописца, “межю ими брань велика усобная, и почашася сечи нагаи с казанцы”. Дело, может быть, и не дошло до

¹ перл, т. XII. с. 259. ² ПСРЛ, Т. XXXI. С. 124. ³ Казанская история. М.—Л., 1954. С. 59. ⁴ ПСРЛ, Т. XII. С. 259. ⁵ Казанская история. С. 60.

драки между ними, но по всем источникам ясно, что Мухамет-Эмин, поссорившись с ногаями, на третий же день ушел из-под Нижнего Новгорода. Причиной его ухода была, конечно, не только эта ссора. Русское правительство сосредоточило в Муроме большое, по словам казанского летописца, 100-тысячное войско под начальством московских воевод. Кроме того, мобилизованы были все татарские казаки, угланы и князья касимовского вассального ханства во главе с царевичем Салтыганом и братом его Джанаем. Все они угрожали Мухамет-Эмину с тыла. Успешная оборона Нижнего Новгорода, угроза с тыла и ссора с ногайцами вынудили казанского хана поспешно отступить. Окрестности Нижнего Новгорода были опустошены ногайцами. На обратном пути ногайцы грабили и опустошали не только русскую, но и казанские земли, то есть земли мордвы, мещеряков, мари. Из всего вышеизложенного ясно видно, что главную роль в изменении политики Казанского ханства по отношению к Москве играли ногайцы. Во дворце хана были отправлены вельможи, часть пленных русских купцов были отправлены к ногаям; их крупный отряд решающую роль играл под Нижним Новгородом, их возмущение во время осады города заставило Мухамет-Эмина возвратиться в Казань. Также думает авторитетный исследователь К. В. Базилевич*.

Вскоре после начала военных действий между двумя государствами, после отражения похода ногайцев и Мухамет-Эмина, великий князь Московский Иван III умер (октябрь 1505 года), оставив престол старшему сыну Василию. Для ответного удара по Казанскому ханству Василий III дождался весны 1506 года, чтобы отправить войска речным путем. В апреле 1506 года с пехотой на судах был отправлен брат великого князя Дмитрий Иванович и воевода князь Ф. И. Бельский, сухим путем — конная рать воеводы князя А. В. Ростовского. 22 мая судовая рать высадилась под Казанью и немедленно пошла к городу. Как только русские войска развернулись на открытой равнине, они были атакованы с двух сторон; из Казани пешими войсками и с тыла засадным конным отрядом. Произошло жаркое сражение в жаркий день. Летописец описывает этот бой следующим образом: “И неосмотря вскоре выидоша из судов. и поидоша к граду пеши, а день бысть тогда жарок добре, а татарове из города поидоша противу их, а иные татарове потайные на конях заехаха от судов, и бысть бой; и грех

* Базилевич К. В. Внешняя политика русского централизованного государства. II половина XV в. М., 1952.

ради наших побитых татарове воевод пеших и детей боярских многих, а иных поимаша, а иных мнози истопиша на поганом озере”¹. С. Герберштейн добавляет, что “татары выступили из засады с Черемисскими стрелками”. Воеводы отступили: Срочно была послана весть о поражении в Москву. Правительство Василия III, получив такое донесение 9 июня, в тот же день отправило новое войско под начальством князя В. Д. Холмского и гонца воеводам с приказом, чтобы те дожидались новых войск и до прихода их к городу “не приступали”. Однако с приходом ранее посланной конной рати А. В. Ростовского и, не дожидаясь войск воеводы В. Д. Холмского, брат Василия III Дмитрий не считал нужным медлить и дал приказ на приступ. Это было 25 июня 1506 года. Казанцы не только отразили приступ, но и нанесли полное, вторичное поражение воеводам. Летописцы очень кратко сообщают об этом сражении: “Ко граду приступати с небрежением и граду не успеши ничто же, но сами побеждены быша от татар”. Лишь автор “Казанской истории” рассказывает, как будто казанский царь поставил до 1000 шатров на Арском поле и организовал не то праздник Сабантуй, не то ярмарку, где праздновали горожане, черемисы, из дальних улусов люди “торговаху з градскими людьми, продающе и купующе, именующе”. На них-то и обрушилось русское войско: многих “поганных варвар казанцев” побиты, начали грабить оставшиеся пожитки, “упиваясь без веданья ядением и питием”. В это время их атаковали казанские войска и наголову разбили московских воевод. Как будто казанцы убили 5 воевод, а Дмитрия Ивановича живым поймали и царь казанский замучил его “и от того 100 тысячи оставшихся 7000 русских вои” и т.д. Во всем этом рассказе правду найти очень трудно. Он почти целиком состоит из вымысла: ярмарку организовать казанцы в такое время не могли, Дмитрий не был пойман, воевода Киселев не был убит и т.п.

После неудачи под Казанью князь Дмитрий ушел в Нижний, а воевода Киселев с касимовским царевичем Джа-наем пошел к Мурому. Последних настигла казанская погоня в 40 верстах от реки Суры², но она была успешно отражена царевичем Джанаем и Киселевым. Летом 1506

¹ перл, т. VI; перл, т. XIII. с. 3.

² Герберштейн С. Записки о Московских делах. СПб, 1908. С. 146. * ПСРЛ, т. XXVIII, Уваровская летопись. С. 339; также и в Никоновской летописи, ПСРЛ, т. XIII. С. 3. “Казанская история, М.—Л., 1954. С. 61. Там же. С. 62. * Никоновская летопись. ПСРЛ, т. XIII. С. 3—4.

года войска под начальством воеводы В. Д. Холмского. были рассредоточены в Муроме. Русские воеводы ждали, нападения казанцев. Однако Мухамет-Эмин не использовал победы для дальнейшего наступления.

Причина поражения воевод заключалась в разрозненности полков и их боевых действий. Воеводы, опутанные местническим настроением, не могли согласовать свои действия и даже не выполнили приказаний из центра. Осенью 1506 года из-за организационных беспорядков в русском войске поход не состоялся. Войны, охваченные паникой, отказались выступать из Мурома. После двукратного поражения под Казанью в скором времени организовать новое большое наступление оказалось невозможным. Московское правительство начало тщательные приготовления, к походу на следующую весну, но Мухамет-Эмин не стал дожидаться этого; и в марте 1507 года прислал в Москву своего посла Абдуллу начать мирные переговоры*. В 1507 году военные действия между государствами не возобновились, шли мирные переговоры и обмен посольствами: В ходе переговоров русское правительство первым условием мирного договора ставило требование освободить посла Михаила Кляпика с его людьми и пленными. С известием о согласии отпустить посла и других людей, “которые на бою в наши руки попали”, из Казани прибыл в Москву секретарь царя Мухамет-Эмина Бузек. Боярская дума специально рассмотрела вопрос о заключении мирного договора и решила требовать немедленного освобождения Михаила Кляпика, всех пленных и прислать более авторитетного, компетентного человека для заключения мира. С этим приговором в Казань отправлены были бакши (секретарь) Бузек и московский дьяк Елизар Суков. Казанское правительство по их прибытии Михаила Кляпика и всех других задержанных освободило. С ними вместе в Москву было отправлено посольство Бараш-Сеита “бити челом о миру, о братстве и о дружбе, как было со отцом его с великим князем Иваном Васильевичем всея Руси.

Наконец, в 1508 году был заключен мирный договор, который установил прежние дружеские отношения между двумя государствами. Однако прежняя форма протектората, пожалуй, не была восстановлена. Речь идет здесь только о братских (то есть равноправных) и дружеских отношениях. После этих событий при Мухамет-Эмине мы не видим ни советчиков-воевод, ни русского отряда воинов. С 1505

¹ Никоновская летопись. ПСРЛ, т. XIII. С. 5. Там же. С. 5.

года Казань стала вполне суверенной и вела самостоятельную политику.

Московское правительство ограничилось освобождением пленных и спешило заключить мир с казанским ханом по нескольким причинам: нужно было упрочить власть нового великого князя Василия, которого Литва и Ливония не хотели видеть сильным государем и готовились к войне, все силы надо было организовать для отпора притязаний Сигизмунда на западной границе. В 1507 году тут начались военные действия. Кроме того, южные границы Московской Руси в эти годы подверглись нападкам со стороны отдельных орд крымских царевичей (хотя с крымским ханом Менг-ли-Гиреем великий князь был в союзе) и ногайских муз. Эти набеги продолжались и в дальнейшем¹.

В то время, когда крымские царевичи совершали набеги, в 1512 году Казанское правительство отправило в Москву большое посольство Шах Хусейн Сеита. Целью посольства было заключение вечного мира. Для этого надо было объяснить крутой поворот в политике Мухамет-Эмина в 1505—1506 гг. Поэтому посольство просило отпустить к казанскому царю верного и близкого человека Василия III, а именно боярина И. А. Челяднина. Челяднин поехал в Казань, где Мухамет-Эмин тайно сообщил ему об истинных причинах событий 1505—1506 гг. и просил о вечном мире, дружбе и любви с великим князем. Установление более тесных, дружественных отношений отчасти было результатом переговоров Нур-Салтан, которая в 1510—1512 гг. совершала поездку из Крыма в Москву (к сыну Абдул-Латифу), где прожила 7 месяцев, и в Казань (к сыну Мухамет-Эмину), где была в течение 9 месяцев.

В 1516 году Шах Хусейн Сеит повторил свое посольство совместно с земским князем Шах Юсупом и секретарем Бузекком. Посольство на этот раз было отправлено в связи с тяжелой болезнью царя Мухамет-Эмина. Посольство просило, чтобы правительство Василия III освободило брата царя Абдул-Латифа из заточения и признало его наследником казанского престола. Ответным условием русское правительство ставило, чтобы царь Мухамет-Эмин и “вся земля Казанская” дали письменную присягу в избрании никого на престол без ведома великого князя. Шах Хусейн Сеит написал требуемые клятвенные обещания в том, что казанцы царя получают только из рук Василия III. С этими документами вместе с послом в Казань были отправлены

окольный боярин М. В. Тучков, оружейничий Н. И. Карпов и дьяк Телешов, перед которым Мухамет-Эмин и “вся земля Казанская” присягали в верности грамоте. После обратного приезда посольства в Москву Абдул-Латиф был выпущен из “нятества” и пожалован городом Каширой. Однако Абдул-Латифу правительство не доверяло и не отпускало его в Казань, хотя и признало его наследником престола. Казанцы так и не дождались его; скоро после получения Каширы он нашел себе могилу. Это случилось 19 ноября 1518 года, за год до смерти Мухамет-Эмина. Ему было тогда 40 с небольшим лет. Крымские царевичи в 1517—1518 гг. несколько раз повторяли свои набеги на “украины” России¹. Как известно, после таких набегов в 1512 году Абдул-Латиф, человек крымской ориентации, был отправлен в заточение. И вполне возможно, и это подтверждает С. Герберштейн, что в 1518 году он был отправлен в последний путь насильственно, тем более его кандидатура на казанский престол была нежелательна для великого князя; надо было прекратить династические связи Казани с Крымом. Анализ отношений между двумя государствами показывает, что протекторат Москвы в 1505 году вторично был прерван и до смерти Мухамет-Эмина не был восстановлен. События 1507—1518 годов показывают только союзнические, дружеские отношения между Москвой и Казанью. Москва не добивалась протектората потому, что в это - время на первый план выступили русско-литовские отношения. Василий III был целиком занят присоединением Смоленска (1514 год), войной с литовцами, дипломатией с западными странами, Турцией и Крымом. В 1515 году умер Менгли-Гирей, на крымский престол вступил ярый враг России Мухамет-Гирей. А в Казани умер Мухамет-Эмин хан (1519 год).

Со смертью хана прекратилась династия Улу-Мухамеда. Ни Абдул-Латиф, ни Мухамет-Эмин сыновей не имели. Казанцы прислали послов, чтобы Москва определила им нового царя. Василий III незамедлительно ответил предложением на ханский престол в Казани касимовского царевича Шах Али, сына Шейх-Аулияра, который никаких прав этот престол не имел. Сам Шейх-Аулияр был племянником сарайскому хану Ахмату. Как известно, Ахмат, его дети и родственники были смертельными врагами крымских Гире-ев. Ахмат был прямым потомком Кичи Мухамеда и Тимур-

¹ Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XIII. С. 5, 15
Никоновская летопись. ПСРЛ. Т. XIII. С. 13—14.

- ПСРЛ. Т. XIII, С. 26, 28. "Герберштейн С. Указ. соч. С. 108. ' Зимин А. А. Россия на пороге нового времени. М., 1972. С. 171.

Кутлуга, непримиримых врагов УлуМухамеда и Тохтамы-ша, то есть родоначальников только что угасшей казанской династии. Московское правительство хорошо это знало. Шах Али не смог бы найти должную поддержку и дружбу значительных сил в Казани, а вынужден был бы все "время искать поддержку у Москвы и верно служить своему хозяину Василию. Казань не могла бы в дальнейшем связаться с Крымом, оторвалась бы от него совсем и уменьшилось бы влияние Крыма в северо-восточной Европе вообще. Крым еще до смерти Мухамет-Эмйна выдвинул кандидатуру на казанский престол Сахиб-Гирея, сына Менгли-Гирея. Сахиб-Гирей еще в 1510—1512 годах сопровождал свою мать Нур-Салтан в Москву и Казань. Когда русское правительство в 1516 году отдало Касимовское ханство Шах Али, Крым выдвинул контрпредложение—отдать это ханство Сахибу. Когда возник вопрос о казанском престоле, Крым опять выступил со своей кандидатурой. Но Василий III не только не пошел навстречу, но и определил ханом Казани ненавистного крым-цаМ Шах Али. Это означало, что давнему союзу Москвы с Крымом Менгли-Гирея приходил конец, потому что основа этого союза уже не существовала. Золотой или Большой Орды уже не было, западные границы России отодвинулись и укрепились. Можно было изолировать Крым и от Казани.

Казанцы приняли Шах Али. Однако условия его воцарения были другие, чем при Мухамет-Эмине. Кроме общей грамоты о мире, дружбе и верности казанцев, царь Шах Али от себя лично и представители—послы Казанского правительства карачи Булат-князь Ширин, Шайсуп (Шах Юсуф)—князь земский и Бузек-бакши—также лично должны были по отдельности составить и подписать грамоты о том, что, "будучи в Казани, дела великого князя государя беречи и неотступно ему быти и со всею Казанскою землею и до своего живота".—что значило вести все дела в Казани так, как подскажут московские воеводы. Кроме того, в грамотах было четко указано: без ведома великого князя в Казань не приглашать никакого иного царя или царевича на престол. Не только им, но и их детям это запрещалось¹. Протекторат в полной форме был восстановлен.

В апреле 1519 года князь Д~Ф. Бельский, дворецкий великого князя Захарин, дьяк-Телешов посадили Шах Али на царства и приняли присягу от сеита, угланов, князей, карачей, мурз, мулл, щихзадё и всех земских людей.

Шах Али был человеком отвратительным, который, кроме того, был ненавистен своему народу, т. к. народ считал

его "русским ставленником". И действительно, очень скоро Шах Али возбудил недовольство казанцев тем, что во всем предпочитал выгоды Московского великого князя местным. Фактическим правителем был московский воевода, неотлучно находившийся при хане Шах Али. Личность хаца также не вызывала симпатии. По свидетельству С. Герберштейна, он был "безобразного и слабого телосложения с выдающимся брюхом, с редкой бородою и почти женским лицом". О настроениях феодалов Казани того периода интересный рассказ приводит В. Н. Татищев. Князя увещевали Шах Али порвать вассальные связи с Москвой, получить самостоятельность, говоря: "будеши с Руси дань емляти, яко же и прежде деды наши... Ныне же... князь русский недоволен владети Казанию... ненавидят рода нашего, на Астрахань с крымским ханом воинство посылал, и тех разорили, и хосчет грады по Волге строити и нами не яко со други, но аки рабами владети во свою веру превращати". Шах Али, споря с ними, говорил: "если деды и прадеды наши от Руси дань имаху, тогда Орда была едина, имела единого хана и все его слушали. Русские же тогда были разрознены и великого кюря не боялись, приходя во Орду к ханам, друг друга губляху и один на другого дани воз-лагаху". Тогда можно было с них и дань взимать. А сейчас Русь окрепла, великий князь всех одолел и стал так силен, что "не можем противиться ему. А на крымцев не надейтесь потому, что крымские ханы хотят все себе покорити".

Действительно так и было. Крымские ханы возмнили себя главой всех мусульманских улусов, наследниками "тя-хет иле"—Золотой Орды. Что касается того, что часть казанских феодалов, по словам русского летописца, стремилась вернуться к золотоордынским порядкам по отношению к Руси, надо заметить, что это была та самая восточная партия пришлых феодалов из Крыма и ногаев, которые еще не забыли прошлые традиции кочевническо-грабительской жизни и кичились своим золотоордынским происхождением.

После того, как некоторые феодалы все же не слушались, Шах Али их "в темницы посади, а инных смерти предаде".

Все же князя установили связь с крымским двором и составили заговор против Шах Али. Террор и репрессии в пользу русских желаемых правительству результатов не дали. И когда весной 1521 года Сахиб-Гирей явился со своим

¹ Герберштейн С. Ук. соч. С. 147. ² Татищев В. Н. Т. VI. С. 122. ³ Там же. С. 122.

крымским отрядом в 300 человек' к Казани, то город отдали без сопротивления ему. Шах Али с семьей и московский воевода отпущены были из города в Москву, а другие русские: купцы, послы и воины—арестованы.

В Казани воцарился Сахиб-Гирей, непосредственный представитель крымской династии. Тем самым было покончено с московским протекторатом. Этим актом завершился III этап взаимоотношений между Казанью и Москвой, в котором между соседними государствами была война только один раз (1505—1506 гг.).

**КОНФРОНТАЦИЯ
МЕЖДУ
МОСКВОЙ
И КАЗАНЬЮ**

Сб. **РНО**. Т. 95. С. 678.

МОСКВА И КРЫМСКАЯ ДИНАСТИЯ В КАЗАНИ

После изгнания Шах Али и воцарения в Казани Сахиб-Гирея в 1521 году великий князь Московский хотел идти войной на Казань, но этому помешала война с Литвой. Эта война, начатая еще в 1512 году за овладение городом Смоленском, продолжалась до перемирия в 1522 году. Воспользовавшись отсутствием войск в Москве и войной России с Литвой, крымский хан в 1521 году предпринял большой поход на русские земли. Он дошел до Москвы, опустошил рязанские, коломенские и московские земли. Великий князь, поручив оборону Москвы Петру Ибрагимовичу (Худайку-лу), поехал в Волоколамск собирать полки. Удовлетворившись большой добычей и грамотой московского князя о выплате ему дани, Мухамет-Гирей ушел из-под Москвы. М. Худяков в связи с этим писал, что казанские войска Сахиб-Гирея вместе с крымцами также доходили до Москвы. Однако все летописи или вообще не сообщают о приходе казанских войск в русские земли в 1521 году или кратко упоминают об их походе в окрестности Нижнего Новгорода. С. Герберштейн писал, что Сахиб-Гирей “выступил из Казани и опустошил Нижний Новгород. Во всяком случае, участие Сахиб-Гирея в начавшейся войне против Москвы в союзе с его братом Мухамет-Гиреем не вызывает сомнений. Этот поход заставил правительство Василия III скорее заключить перемирие с Литвой: нужно было все время опасаться Крыма и нельзя было оставлять в Казани крымского Гирея. Мухамет-Гирей вынашивал большие завоевательные планы. В начале похода он требовал участия Астраханского ханства и при этом писал, что Казань раньше “была юрт наш”. Здесь речь идет о возведении на престол Василием III (ханом) в Казани Шах Али, и о том, что Казань не являлась

владением Ахматовичей. Когда Астрахань не присоединилась к походу, на следующий же год крымское войско напало на город и взяло его. Почти одновременно в Казани Сахиб-Гирей организовал избиение русских: посол Подже-гин был убит, многие купцы и другие русские ограблены и проданы в рабство. Таким образом, весь Восток должен был быть восстановлен против Московского великого княжества под эгидой Крыма. В то же время Крымское ханство вело переговоры с Литвой. Однако русское правительство сумело заключить перемирие с Литвой, и “христианское кровопролитие” на Западе было приостановлено. Успехи Мухамет-Гирея на юге тоже были кратковременными. Ногайские-мурзы, видя, что Крым устанавливает свою гегемонию на Волге, напали внезапно на полевой стан хана и убили его. По следам бегущих они вторглись в Крым и опустошили его. Вступивший на престол Крыма Сагадат-Гирей, не учитывая реальную обстановку, требовал от Москвы выплаты дани в 60 тысяч алтын и признания Сахиб-Гирея казанским ханом. Московское правительство на эти домогательства ответило решительным отказом и своему послу в Крым дало наказ: “Если царь потребует, чтобы великий князь помирился с казанским царем Саипом, то говорить: помириться нельзя, во-первых, потому, что посла московского и торговых людей велели убить, чего ни в одном государстве не ведется, и рати между государями ходят, а послов и гостей не убивают; во-вторых, потому, что Саип стал царем без ведома; великого князя”.

С 1523 года Василий III все свое внимание уделяет Казанскому ханству. Его политика в это время заключалась в том, чтобы, поддерживая мирные отношения с Литвой и проводя активную оборону от Крыма, установить прежний протекторат над Казанью. Окончательно завоевать Среднее Поволжье, хотя такие предложения и намерения были, правительство еще не решалось.

Военные действия против Казани начались летом 1523 года. В Нижний Новгород прибыл сам великий князь Василий. Судовая рать по Волге и конная рать по суше наступали на казанские земли. Летописи сообщают, что Шах Али и воеводы возвратились из похода с большой добычей и массой пленных “черемис”. Но главным результатом похода была постройка города-крепости на земле Казанского ханства на реке Суре—Васильсурска. С.М. Соловьев счи-

• Татищев В. Н. Т. VI. С. 123. " Герберштейн С. Записки о Московитских делах. СПб, 1908. С. 148.

' Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М., 1960. Т. III. С. 205. " Там же. С. 269 (РГАДА, ф. 123, кн. 6, л. 25—31).

тал этот акт “первым шагом к совершенному покорению Казанского царства”. Перетяткович же считал его только защитной мерой “от неожиданных вторжений хищников”—казанских татар на русские земли. Но источники свидетельствуют, что в оценке постройки Васильсурска прав был С. М. Соловьев, а не Г. Перетяткович. Правительство Василия III при отправке Г. Загряжского послом польско-литовскому королю Сигизмунду дало такой наказ: если спросят про казанские дела, надо ответить что великий князь “велел город поставить того для, чтобы ему ближе из того города с Казанью свое дело делати, людем бы его ближе ходити к Казани”¹. Об этом же говорил митрополит Даниил. Построением Васильсурска часть земли Казанского ханства была отторгнута, а город-крепость мог выполнять обе функции: наблюдательного пункта и плацдарма продвижения на Восток.

Летом 1524 года русские организовали еще один большой поход на Казань. По летописям в поход было снаряжено 150-тысячное войско. Герберштейн доводит это число даже до 180 тысяч. До этого похода еще весной Сахиб-Гирей вызвал из Крыма своего племянника Сафа-Гирея, чтобы он занял казанский престол. А сам отправился в Стамбул, на время отделился от дел, ожидая удобного случая занять крымский престол. Его уход невозможно объяснить ни боязнью перед большим походом русских, как пишут русские летописи и С. М. Соловьев, ни желанием получить помощь от Турции для Казани, как оценил это С. Герберштейн. Вся дальнейшая деятельность Сахиб-Гирея показывает, что он мечтал о крымском престоле для себя. Ш. Марджани считал, что Турция тогда и не думала поддержать Казанское ханство. Х. Атласц также писал, что турецкий султан Сулейман допустил большую ошибку, ничего не делая для Казани. Турция тогда была занята завоеваниями на Средиземном море и на Балканах. В 1524 году посол Турции в Москве купец Искандер говорил боярам, что Сахиб-Гирей объявил себя вассалом султана, и Казань, таким образом, является юртом Султана. Ему категорически было заявлено, что Казань была, есть и будет подвластна московскому государю*. Сахиб-Гирей сам действительно

был вассалом турецкого султана, но это не имело никакого отношения к Казанскому ханству. Ясно, что словесное объявление не означало установления турецкого протектората, но в русской историографии возникла теория о турецкой опасности и протекторате Турции над Казанским ханством. В том же 1524 году хан Сафа-Гирей дал шертную грамоту Василию III, признав свою зависимость от Москвы. Тем самым был ликвидирован “турецкий протекторат”, пишет Г. Д. Бурдей. Так же оценивает это М. Худяков. Думается, что вообще не было никакого протектората.

Ход войны 1524 года подробно описан С. Герберштейном и на основе его сочинения другими историками. Не останавливаясь на подробностях сражений, укажу лишь, что поход был, организован, как обычно, и по суше, и судовой ратью. Однако согласованно я упорядочение они опять-таки не действовали. Татарские, мариийские, чувашские народы организовали повсеместное сопротивление. Из окрестностей ими все было вывезено, чтобы воеводы не могли достать продовольствие. Они же тщательно наблюдали за движением русских, прерывали всякие сношения их: сначала разбили вспомогательный отряд, а затем напали на судовую рать Палецкого. Герберштейн свидетельствует, что черемисы (чуваши и мари) организовывали засады и многие суда потопили на Волге. Рать Палецкого потерпела большой урон. Одно сражение было на месте будущего города Свияжска. По словам летописца, здесь русская конница, спешившая на помощь основному войску под Казань, “татар и черемису и чувашу избиша, а иных князей и мурз многих живых поимаша”*. В это же время конница Сафа-Гирея хана постоянно тревожила основное войско под началом Бельского. Преодолев все сопротивления и соединившись, русские войска окружили Казань 15 августа 1524 года. Острог и посад были сожжены. Однако кремль воеводы не могли взять. Армию мучил голод и частые нападения узаканской конницы. Воеводы вынуждены были пойти на переговоры. Казанцы согласились отправить послов в Москву с мирными предложениями. Война 1521—1524 гг. кончилась неудачно для правительства Василия. “Оно признало царем в Казани Сафа-Гирея, но против воли,—замечает М. С. Соловьев,—потому что не для того была послана огромная армия, чтобы оставить Гиреев в Казани”. Для Среднего Поволжья это был самый опустошительный из всех предыдущих походов. Было перебито, увезено в

¹ Соловьев С. М. Ук. соч. С. 269. * Перетяткович Г. Поволжье в XV—XVI вв. С. 162—163. * Сб. РИО. Т. 35. С. 682.

“Марджани Ш. Мустафад аль-ахбар... Т. 1. С. 120—127. * Атласи Х. Казан ханлыгы. Казан, 1920. С. 130. * Карамзин Н. М. История государства Российского. СПб, 1819. Т. VII. С. 130.

• ПСРЛ. Т. XIII. С. 44. “С.” М. Соловьев. Т. III. С. 270.

плен множество людей, разграблено и уничтожено имущество и хозяйство массы крестьянства. Начались мирные переговоры между двумя государствами. Обмен послами происходил почти ежегодно. Так, в 1525, году ездили в Москву послы Апай углани Бахты-Кильды. Из Москвы в Казань ответным посольством ездили Василий Пеньков и Афанасий Курицын. В марте 1526 года в Москву ездили князья Казый и Чура, бакши (секретарь или дьяк, как тогда говорили русские) Тевекель. А в 1527 году в Казань был послан Андрей Пильемов. В 1529 году приехали в Москву князья Табай, Данай и Ибрагим-бакши. По требованию Москвы “хан и вся земля Казанская” должны были дать письменную клятву “по всей воле великого князя” перед послом А. Пильемовым. Казанцы присягнули и в том же году прислали больших послов князей Мамыша, Куратаи Шамардана Чуракова. С ответным посольством был отправлен князь И. Ф. Палецкий. Однако он не доехал до Казани, получив известие о том, что хан Сафа-Гирей А. Пильмову “нечесть и срамоту учинил велику”, остался в Нижнем Новгороде. Источники не указывают причины разрыва мирных дипломатических связей и не объясняют, на какие условия Хан Сафа-Гирей не был согласен. Пожалуй, Василий III совсем не хотел заключения мирного договора с Казанью — нужно было ликвидировать династические связи между Казанью и Крымом. Герберштейн писал, что казанские послы пребывали в его бытность в Москве (1527 год), и не предвиделось никакой надежды на заключение в будущем между ними мира. С 1524 по 1530 год между обоими государствами вооруженных столкновений не было. В 1530 году против Казани опять было послано огромное войско, участвовало “всех воевод до 30”. Правительство хана Сафа-Гирея также готовило отпор. Были мобилизованы так же, как и в 1524 году, мари и чуваша. Ногайские князья Мамай и Янглыч и некоторые другие пришли на помощь со своими всадниками. Казанцы, по одним источникам, смогли выставить на этот раз 100 тыс. человек. Конница татар еще по пути следования русских войск к Казани несколько раз нападала на них и завязывала короткие бои. 10 июля 1530 года московские войска — пехота, конница, судовая рать, артиллерия — на этот раз все соединились и обложили Казань. Против них стояли татары, чуваша, мари и ногаи. Произошел жаркий бой. Русские одержали победу. “Острог

по Булаку” (внешний город, обнесенный стенами по Булаку) был взят. Началось избиение посадского населения, люди сгорали в возникшем пожаре, были потоплены в канаве и озерах, многие изрублены. Убиты были князь Аталык, герой обороны 1524 года, и некоторые другие знатные люди. Русских было также убито множество людей, в том числе князь И. Дорогобужский и Лопата. Воеводы, если бы приложили все свои силы, могли бы взять и кремль, потому что, как указывают некоторые летописи, там было мало войск и ворота стояли открытыми часа три. Однако взятию кремля помешал местнический спор между главными воеводами Бельским и Глинским, кому первому войти в кремль. Кроме того, якобы из-за сильного ливня стрельцы побросали обоз с вооружением, который достался казанцам. С. М. Соловьев считает, что потеря наряда — пушек и пищалей, может быть, была причиной прекращения штурма крепости, но не объясняет, кто и как мог использовать этот “наряд” против русских, когда и кремль оставался почти беззащитным. Правильнее было бы здесь говорить о мужестве и стойкости защитников Казани. Однако источники обыкновенно ни слова не говорят об этом, и мы не можем привести конкретные факты. Но если сравнить оборону Казани в 1524 году с обороной 1530 года, то последняя оборона города была героической. В разгар событий в стан воюющей из Казани пришли парламентарии Булат-князь, Апай-углан и Табай-князь с предложением мирных переговоров.

Посланцы Казани дали письменную клятву в том, что казанцы “во всем будут неотступны от великого князя” и “не брать царя иначе, как из его руки”. Удовольствовавшись этим, — это был основной лозунг правительства Василия, — главнокомандующий И. Бельский возвратился в Москву со всем войском. Но, по мнению Карамзина, от первоначального количества “едва ли половина рати осталась в живых”¹. За это И. Бельский чуть не поплатился жизнью: был брошен в тюрьму. В Москву прибыло посольство из Казани — Табай-князь, Тевекель-князь и Ибрагим-бакши. Переговоры шли по следующим пунктам: 1) великий князь Московский признает Сафа-Гирея если не братом, то хотя бы сыном; 2) казанцы и их дети впредь до смерти должны быть верными и служить великому князю; 3) в этом хан и казанские князья и все люди казанские должны присяг-

• перл. т. 13. Г. 46.. ^ Татищев В. Н. История
Российская. Т. VI. С. 127.

- перл. т. xlii. с. 47.

^ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VII, СПб, 1819. С. 134.

нуть перед посланным из Москвы боярским сыном; 4) вое. пленные, пушки и пищали, попавшие в руки татар, должны быть возвращены вместе с московским послом. На эти условия послы ответили согласием, и князья Табай и Теве-кель) “печати свои приложили, а-Ибрагим-бакши руку свою приложил”. Для осуществления данного соглашения в Казань в январе 1531 года был отправлен сын боярский И. Полев.

Условия договора означали установление, точнее, возврат к протекторату Московского княжества над Казанью. Казанский хан Сафа-Гирей, надо думать, при поддержке князей и угланов восточной ориентации или сторонников самостоятельности ханства отверг эти условия и отказался утвердить договор.¹ Через своего посланца в Москву он выставил контрпредложения: 1) князь Василий должен отпустить его послов во главе с Табай-князем и вместе с ними прислать своего “большого поела”; 2) людей, плененных в последней войне, и гонцов, задержанных в Москве, освободить и вместе с послами отпустить в Казань; 3) пушки и пищали, попавшие в руки русских войск, также нужно вернуть с Табай-князем. По выполнении указанного обмена пленными и трофеями Сафа-Гирей обещался подписать мирный договор. Но правительство Василия III не удовлетворилось простым обменом военнопленных и трофеев. Оно не согласилось также на установление равноправных отношений между двумя государствами и домогалось подчиненного положения—протектората. Однако реальное положение не соответствовало желаниям казанцев о самостоятельности. Казанские послы в Москве были согласны на условия Москвы, ибо помнили о спасении Казани только обещанием помириться с Василием на вышеуказанных условиях. Посольство князя Табая начало энергично действовать уже против Сафа-Гирея. Послы говорили, что у них и у пленных в Казани не только родственники, но и сила есть. “Если хан отступил от нас, то и нам хан ненадобен, великий князь пусть пошлет своего человека на престол”. После таких речей послов боярская дума решила послать к казанским князьям Булату Ширину и Кичи Али, виднейшим представителям власти в Казани, П. Головина, чтобы узнать мнение их по отношению к сложившейся обстановке. Скоро в Нижний Новгород отправлен был и московский кандидат на казанский престол Шах Али. С ним же ехал

дьяк А. Курицын с воззваниями к казанцам, марийцами чувашам, написанными Ибрагимом-бакши в Москве. Письма и воззвания дошли до адресатов. Началось движение против Сафа-Гирея. Последний, видя свое шаткое положение, хотел убить посла Полева и других, задержанных в Казани. Царевна-Гаухаршад, Булат-князь, Кичи Али-мурза и “всея земли Казанской люди, совокупяся во едино место, убити не дали Полева с товарищи”. Летопись первый раз, между прочим, сообщает о восстании казанцев против хана: “его советников, крымцов и ногай, а иных побили, которые царю думали на лихо: Раста князя с детьми и Али Шукурова сына и иных князей”. Как видно, восстание было направлено не только против хана Сафа-Гирея и крымцев с ногайцами, но и против своих князей, ненавистных, надо полагать, своей политикой казанскому народу. Пожалуй, большое значение имело и воззвание Ибрагима-бакши, распространенное среди жителей города и призывавшее народ к низложению Сафа-Гирея, к союзу и подчинению воле московского великого князя. Надо учитывать и тот факт, что Василий III обещал восстановить положение, как было при Мухамет-Эмине, и возвратить пленников-татар. В результате восстания Сафа-Гирей с послом бежал к своему² тестю ногайскому князю Мамаю.

Казанский престол освободился. Временным правительством руководили: царевна Гаухаршад (сестра Мухамет-Эмина), князь Булат и мурза Кичи Али. Переворот произошел в конце апреля или в начале мая 1532 года. Москва узнала об этом 17 мая по прибытии из Казани посла Головина, а через два дня с такими же Известиями прибыло посольство Казани во главе с Колчурой и Форузат. По грамотам нового правительства Казани явствовало, что оно согласно быть послушным воле великого князя, только бы он дал им в правители не Шах Али, как это просили в Москве прежние послы Табай-князь и Ибрагим-бакши, а его меньшого брата Джан Али. Казанцы опасались мести однажды изгнанного из Казани Шах Али и им выгодно было иметь царем в Казани 15-летнего мальчика Джаи Али. Москва без каких-либо претензий дала согласие (лишь бы это был не человек из Крыма). По этому поводу В. В. Вельяминов-Зернов отметил: “Великому князю не было особенного расчета настаивать непременно на своем: тот или другой брат—в сущности было все равно, лишь бы в

¹ ПРПТТХХШ. С. 565, 571-572.
² ПРПТТХХШ. С. 565, 571-572.
Карамзин. Указ. соч. Т. VII. С. 131;
Карамзин. Указ. соч. Т. VII. С. 156.

' ПСРЛ. Т. XIII. С. 54. ^ Там же. ' Татищев В. Н. Т.
VI. С. 130; ПСРЛ. Т. 13. С. 56.

Казани сидел человек, преданный России”. Но не так думал Шах Али. После воцарения Джан Али в Казани ему дали в владение Серпухов и Каширу. Касимовское ханство ему также не досталось. Узвленное самолюбие Шах Али толкало его действовать: он “сносился” с некоторыми казан-цами, ногайцами и даже с Астраханью без ведома Василия III. Видимо, он хотел настроить влиятельных людей в свою пользу, подготовить почву для своего воцарения в Казани.. Однако все это было раскрыто, и он был сослан с женой Фатимой в Белоозеро и посажен “за сторожки”[^]. Малейший неверный шаг татарских царевичей, которые находились на службе у великих князей, не прощался им. В этом случае правительство особенно жестоко расправилось с Шах Али и его людьми. Было арестовано не менее 200 человек татар, которые служили у Шах Али. Все они вместе с женами и детьми были разосланы по тюрьмам в Тверь, Псков, Новгород, Орешек (Шлиссельбург) и Карелу (Кексгольм). Их там ждала ужасная участь. Вот что рассказывают летописцы: “Посадиша татар царя Шигалея людей 73 в тюрьму... на смерть, и малых деток 7 в том же числе, и ти изомроша в день и в ночь и выкидаша их вон, а восемь живы ошастася в тюрьме, не поены, не кормлены на многие дни, а тех прибиша; а катуней (жен—С. А.) посадив иную тюрьму, легче и виднее”. И в другом месте: “Того же году татарок крестиша, а мужей их удушили в тюрьме—72 человека”[^]. Это было в Пскове. То же произошло и в Новгороде: “Бысть их в Новгороде восемьдесят и более, и пометаша их в тюрьму; они же, по своей скверной вере, в дней все изомроша”. Поощажен был один татарин Хасан, согласившийся креститься в православную веру. Участь женщин была другая. Их выпросил у московского правительства архиепископ Новгорода и Пскова, будущий митрополит всея Руси Макарий. Он их выпустил из тюрем и отдал священникам крестить, а после насильственного крещения раздавал в жены русским людям.- Всего крещено было в Новгороде: 43 женщины, 36 детей; в Пскове —51 женщина и дети; в Орешке—12; в Кореле—30 чел.’ Жестокое наказание массового масштаба не соответствовало вине Шах Али. Он сам через три года был освобожден. Но, наверное, на всю жизнь запомнил данный ему урок. Вельяминов-Зернов

[^] Вельяминов-Зернов В. В. Исследования... Т. I. С. 269. “ПСРЛ. Т. XIII. С. 67.

[^] Пскове. Погоди. С. 187; Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. I. С. 283. - ПСРЛ. Т. IV. С. 30&—301. ‘ ПСРЛ. Т. IV. С. 297. ‘ ПСРЛ. Т. IV. С. 297, 301: Псковск. Погодн. С. 187.

определяе. это так: “Эпоха эта была самая тяжелая в жизни Шах Али”[^].

Касимовский царевич Джан Али по приказу из Москвы сначала прибыл в Нижний Новгород, где вместе с послами р.зьями Табаем, Тевекелем и Ибрагим-бакши дал присягу верности и “неотступно быти от великого князя и дела его беречь”. Из Нижнего Новгорода вместе с теми же казанскими послами и в сопровождении московского посольства во главе с окольничим Я.Г.Морозовым и дьяком великого князя А. Курицыным он выехал в Казань. Перёд Морозовым и Курицыным должны были присягать “все от царевны (Гаухаршад—С. А.)исеитадо последнего гражданина с видом постоянного усердия... в подданстве”. Присяга обязывала всех людей во всем быть верными великокняжеской власти: царевне, князьям и “всеи’ земле Казанской” и их детям без согласия великого князя никого на престол не сажать; все земские дела должны были решаться с ведома Москвы; казанцы во всем должны & были соблюдать интересы великого князя—“дело его беречь”. Принятие присяги и воцарение Джан Али произошло 29 июня 1532 года.

Хотя для этого периода нет указаний на другие пункты требований великокняжеского правительства, однако, очевидно, они были идентичны с требованиями, предъявленными Сафа-Гирей хану. Все пленные, пушки и пищали—трофеи войны 1530 года должны были быть переданы Москве. Казанцы сами татарских пленнх уже не требовали, как это делал Сафа-Гирей хан. Все русские пленные, очевидно, были возвращены. А пищали правительство Джан Али хана просило оставить в-Казани, так как, указывало оно, “государо-ве земле Казанской друзей много, а недрузи есть же”[^] *. Речь идет не только о внешних врагах, но и о внутренних. Джан Али хан боялся последних. Джан Али хан не имел авторитета среди населения, так как он во всем соблюдал интересы Василия III. Джан Али хан так же, как и Мухамет-Эмин, в период протектората не мог самостоятельно жениться: его правительство просило разрешение у Василия III ни брак хана с ногайской княжной Сююмбикой (дочерью ногайского князя Юсуфа). Так же и другие земские дела решались в Москве, заключает С. М. Соловьев.

Таким образом, установлен был опять-таки протекторат над Казанским ханством. Василий III с большим усилием

[^] Вельяминов-Зернов. Указ. соч. Т. I. С. 285. “ Татищев В. Н. Т. VI. С. 156. ‘ Карамзин. Т. VII. С. 156. * ПСРЛ. Т. XIII. С. 68. . ‘ Соловьев С. М. Т. III. С. 273. . ^

добился того, что было уже начато Иваном III. Между Москвой и Казанью установились тесные отношения: с той я с другой стороны посольские делегации менялись одна за другой. При Джан Али хане постоянно находились советчики великого князя. Известно, что население ханства платило хану ясак и другие всевозможные подати¹. Однако неизвестно, платило ли казанское правительство в годы протектората дань Москве или отдавало какую-нибудь часть этих доходов, например, таможенные поборы, великому князю. По-видимому, какая-то часть все же шла в пользу казны последнего. Иначе крымский хан Сахиб-Гирей позднее не писал бы Ивану IV:

“Я готов жить с тобою в любви, если ты примиришься с моей Казанью и не будешь требовать дани с ее народа”. Казанское ханство также без ведома Василия III не имело права вести самостоятельную внешнюю политику. На это указывает дело о браке Джан Али с Сююмбикой, основанном на политическом расчете. Через Казань Москве выгод-нобыло удерживать ногайцев в союзе против крымцев, а также для распространения своего влияния вообще в ногайских степях. Как сообщил из Ногаев-русский посол Губила 1535 году, хан Джан Али не любил царицу Сююмбику, то есть брак был по расчету. В годы протектората Казанское ханство должно было отправлять свое войско против внешних врагов Русского государства. Так было и в 1491 году, когда казанское войско участвовало в походе против Большой Орды, так было и в 1534 году. Вассал Москвы Джан Али в том году посылает свои полки, состоящие из татар, мари, мордвы и чувашей, против Литвы, с которой воевала тогда Россия*. Такие отношения в ханском дворе не могли не усугубить положение самого хана. Против него могли объединиться сторонники и Крыма, и ногайцев, а также те, которым была тягостна великокняжеская власть. Они ждали, пожалуй, только удобного случая, чтобы освободиться от опеки этой власти. Он предоставился им со смертью Василия III в 1533 году, когда на русском престоле оказался 3-летний мальчик Иван IV. Однако оппозиция не торопилась порвать с зависимостью от Москвы: она набирала силу и ждала, какое будет правление в Московской Руси после кончины Василия III. При малолетнем сыне Московским великим княжеством правила его мать Елена Глинская со

своим фаворитом. Время это характеризуется борьбой между боярами и князьями за власть и положение при дворе. Поэтому правление Елены не было сильным и авторитетным. Кроме того, в это самое время Московское великое княжество вело трудные оборонительные действия и переговоры с Литовским государством. Этим решили воспользоваться в Казани: правительство царевны Гаухаршад решило освободиться от русской опеки и добиться самостоятельности. Но изменившиеся обстоятельства одним этим не исчерпываются. В 1533 году в Крыму царем стал бывший казанский хан дядя Сафа-Гирея Сахиб-Гирей. Тот и другой считали Казань своей собственностью. В том же году Ислам-Гирей, брат Сахиб-Гирея, вместе с Сафа-Гиреем организовали большой набег на окраины Руси, опустошена была рязанская земля. Сафа Гирей-царевич писал Василию: “Я был некогда твоим сыном, но ты не захотел моей любви—и сколько бедствий пало на твою голову”. Крым начал вести энергичную политику по возвращению Казани в лоно Гиреев. По этому поводу С. М. Соловьев писал: “...Мысль об освобождении Казани от русских и соединении всех татарских орд в одну или' по крайней мере под одним владеющим родом была постоянным мыслию Гиреев, которую они высказывали, к осуществлению которой стремились при первом удобном случае”².

Борьба за гегемонию на Востоке была важным моментом во внешней политической жизни Крыма. Связи Казани с тюркским миром, Крымом и ногаями не могли не отразиться на положении и ходе развития внешней политики Казанского ханства.

25 сентября 1536 г. в Казани произошел государственный переворот. “Ковгоршад царевна и Булат князь и вся земля Казанская великому князю Ивану Васильевичу изменили, Яналеяцаря убили, которого им князь великий Василий Иванович дал им царем на Казань”—так кратко сообщает об этом перевороте Никоновская летопись.

При царе Джан Али Гаухаршад (Ковгоршад, по русским летописям)—царевна, по всей видимости, выполняла роль регентши, а Булат-князь был главой правительства-. Не только вышеприведенное указание, но и, как видно из летописей, все грамоты и посылки из Москвы в Казань за время с 1532 по 1536 год адресованы им, а иногда более широко в форме: “Царю Еналею, царевне и Булату князю в головах,

¹ Карамзин. Т. VII. С. 163. ² С. М. Соловьев. Кн. III. С. 415. ³ ПСРЛ. Т. XIII. С. 88.

' Ярлык Сахиб-Гирей хана.

"РГАДА, ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8, л. 416-^25. '

Продолжение древнерусской Вивлиофики. Т. VII. С. 267. * Исторический архив. М.-Л., 1950. Т. V. С. 13.

Табай князю и уланам, князьям и карачам, всем Казанской земли людям”. Нет никакого указания на то, что в перевороте участвовали все люди “Казанской земли”, как было это в 1532 году при низложении хана Сафа-Гирея. Не имеется какого-либо намека на восстание против своих местных князей одной из ориентаций или партий, а также и на избиение русских людей, как купцов, так и послов, находящихся в то время в Казани. Очевидно, переворот готовился тщательно и заранее узким кругом лиц, стоящих у власти. Это подтверждается и тем, что заговорщики царя Джан Али “выпустив из Казани на Ички-Казань и велели... убить”. Гаухаршад и Булат-князь, очевидно, хотели, чтобы этот акт совершился не в самом городе, среди всех заинтересованных политических кругов, а вне города на реке Ички-Казани, где, по-видимому, находилась летняя дача. Заранее же была и договоренность с бывшим царем Сафа-Гиреем, которого казанцы “взяли себе на Казань царем из Крыма”[^].

Люди московской ориентации, не разделявшие крутого поворота в политике, были недовольны и эмигрировали из Казани. В Москву приехали с Волги городецкие казаки-татары во главе с Итаковым и сообщили, что на Волге их 100 человек, к ним прибыли из Казани князья “Шабай князь Япанчич, да брат его Шабалат, да Карамыш з братом своим с Евлушем, Хурсуловы братья и с ними князей и мурз и казаков 60 чел.”.

Таким образом, в Казани в эти годы наиболее ярко выделяются две линии: крымская и московская, потому что в Казани в XVI веке у власти стояли или крымские царевичи, или ставленники Москвы. Сами казанские люди, не играя ведущей роли, находились в союзническом или зависимом положении от этих двух сильных соседних политических сил—Москвы и Крыма. Это ясно видно из последующих событий, после вторичного воцарения в Казани Сафа-Гирей хана в 1536 году.

Сразу же после получения известия (4 октября) о перевороте московское правительство не принимало энергичных действий против Сафа-Гирей хана. Однако срочно был возвращен из Белоозера ссыльный Шах Али, великий князь “опалу ему свою отдал и очи свои ему далвидети”. Он и его жена—царица Фатимабыли приняты в Москве демонстративно пышно*. Одновременно посланы были послы в Ка-

зань с грамотами во главе с боярским сыном Д. Смагиным, который прибыл обратно из Казани 28 ноября 1536 года и сообщил, что Сафа-Гиреева жена, дочь ногайского князя Мамай, приехала в Казань, а ездил за ней Табай-князь. В Казани снова началось царствование Сафа-Гирея, с чем никак не была согласна Москва. .

САФА-ГИРЕЙ И ШАХ АЛИ

Политика неперемennого воцарения ханов в Казани “из рук великого князя” означала подчиненное положение ее от московского правительства. В противном случае происходили дипломатические осложнения, военная конфронтация, военные действия и походы. В декабре того же 1536 года правительство Елены Глинской послало “Казанских мест воеватей” воевод своих князя С. Гундорова да В. Замытско-го. Однако эти воеводы не дошли до казанских земель. Услышав о продвижении русских воинок, Сафа-Гирей хан двинулся навстречу. С реки Суры воеводы возвратились в Мещеру, а Сафа-Гирей хан повоевал в новгородских окрестностях. Затем он повторил свой набег на Балахну и на Нижний Новгород. Летописец дополняет: “...того же месяца приходили татаровя казанские и черемиса, многие люди, в Коряковов”. Зимние наступления обеих сторон ни к чему не привели, но состояние войны между двумя государствами было возобновлено. Послать сильные войска против ^аза-ни Москва еще не могла, так как на Западе вели наступления литовские феодалы. В июне 1537 года московское правительство посылает, городецких татар, которые служили казаками у великих князей с XV века, на Волгу отрезать пути, чтобы Казань не могла сноситься с внешним миром, особенно с Крымом. Так, из Казани Тебенек-князь со многими людьми вышел было на юг, но казаки-татары их многих разбили, самого князя и 14 человек пленили и привели в Москву.

Летом того же года казанцы повторили поход на русские земли. На этот раз наступление было направлено на костромские и галицкие земли. Русские воеводы потерпели поражение, князья Петр Пестрый и Меншиков-Полев, многие боярские дети были убиты. После чего татарское войско возвратилось с добычей. Сафа-Гирей хан повторил поход и

• ПСРЛ. Т. XIII. С. 105; Т. 29. С. 23. " Там же. ' ПСРЛ. Т. 29. С. 28.

' ПСРЛ. Т. XIII. С. 100; Т. 29. С. 20. " ПСРЛ. Т. XIII. С. 100; Т. 29. С. 20. " Царственная книга. ПСРЛ. Т. XIII. С. 425; Т. 29. С. 20. 'Татищев. Т. VI. С. 144.

Табай князю и уланам, князьям и карачам, всем Казанской земли людям”. Нет никакого указания на то, что в перевороте участвовали все люди “Казанской земли”, как было это в 1532 году при низложении хана Сафа-Гирея. Не имеется какого-либо намека на восстание против своих местных князей одной из ориентаций или партий, а также и на избиение русских людей, как купцов, так и послов, находящихся в то время в Казани. Очевидно, переворот готовился тщательно и заранее узким кругом лиц, стоящих у власти. Это подтверждается и тем, что заговорщики царя Джан Дли “выпустив из Казани на Ички-Казань и велели... убить”. Гаухаршад и Булат-князь, очевидно, хотели, чтобы этот акт совершился не в самом городе, среди всех заинтересованных политических кругов, а вне города на реке Ички-Казани, где, по-видимому, находилась летняя дача. Заранее же была и договоренность с бывшим царем Сафа-Гиреем, которого казнцы “взяли себе на Казань царем из Крыма”.

Люди московской ориентации, не разделявшие крутого НОВОРОТА в политике, были недовольны и эмигрировали из Казани. В Москву приехали с Волги городецкие казаки-татары во главе с Итаковым и сообщили, что на Волге их 100 человек, к ним прибыли из Казани князь “Шабай князь Япанчич, да брат его Шабалат, да Карамыш з братом своим с Евлушем, Хурсуловы братья и с ними князей и мурз и казаков 60 чел.”.

Таким образом, в Казани в эти годы тваиболее ярко выделяются две линии: крымская и московская, потому что в Казани в XVI веке у власти стояли или крымские царевичи, или ставленники Москвы. Сами казанские люди, не играя ведущей роли, находились в союзническом или зависимом положении от этих двух сильных соседних политических сил—Москвы и Крыма. Это ясно видно из последующих событий, после вторичного воцарения- в Казани Сафа-Гирейханав 1536 году.

Сразу же после получения известия (4 октября) о перевороте московское правительство не принимало энергичных действий против Сафа-Гирей хана. Однако срочно был возвращен из Белоозера ссыльный Шах Али, великий князь “опалу ему свою отдал и очи свои ему дал видети”. Они его жена—царица Фатима были принятые Москве демонстративно пышно”. Одновременно досланы были послы в Ка-

зань с грамотами во главе с боярским сыном Д. Смагиным, который ^рибыл обратно из Казани 28 ноября 1536 года и сообщил, что Сафа-Гиреева жена, дочь ногайского князя Мамая, приехала в Казань, а ездил за ней Табай-князь. В Казани снова началось царствование Сафа-Гирея, с чем никак не была согласна Москва..

САФА-ГИРЕЙ И ШАХ АЛИ —

Политика неперменного воцарения ханов в Казани “из рук великого князя” означала подчиненное положение ее от московского правительства. В противном случае происходили дипломатические осложнения, военная конфронтация, военные действия и походы. В декабре того же 1536 года правительство Елены Глинской послало ^Казанских мест воеватИ” воевод своих князя С.Гундорова да В. Замытско-го'. Однако эти воеводы не дошли до казанских земель. Услышав о продвижении русских войек, Сафа-Гирей хан двинулся навстречу. С реки Суры воеводы возвратились в Мещеру, а Сафа-Гирей хан повоевал в новгородских окрестностях. Затем он повторил свой набег на Балахну и на Нижний Новгород. Летописец дополняет: “...того же месяца приходили татаровя казанские и черемиса, многие люди, в Коряковов”. Зимние наступления обеих сторон ни к чему не привели, но состояние войны между двумя государствами было возобновлено. Послать сильные войска против Казани Москва еще не могла, так как на Западе вели наступления литовские феодалы. В июне 1537 года московское правительство посылает городецких татар, которые служили казаками у великих князей с XV века, на Волгу отрезать пути, чтобы Казань не могла сноситься с внешним миром, особенно с Крымом. Так, из Казани Тебенек-князь со многими людьми вышел было на юг, но казаки-татары их многих разбили, самого князя и 14 человек пленили и привели в Москву.

Летом того же года казанцы повторили поход на русские земли. На этот раз наступление было направлено на костромские и галицкие земли. Русские воеводы потерпели поражение, князя Петр Пестрый и Меншик Полев, многие боярские дети были убиты. После чего татарское войско возвратилось с добычей. Сафа-Гирей хан повторил поход и

' ПСРЛ. Т. XIII. С. 100; Т. 29. С. 20. ^ ПСРЛ. Т. XIII. С. 100; Т. 29. С. 20. ” Царственная книга. ПСРЛ. Т. XIII. С. 425; Т. 29. С. 20. - Татищев. Т. VI. С. 144.-

зимой 1537 года. На этот раз он выбрал Муром: лоджег посад, ограбил окрестности и, получив вести о движении воевод, повернул обратно. Как видно, Сафа-Гирей хан не ставил целью захват территорий и городов-крепостей. Целью его была месть великому князю.

Москва готовилась к большой войне с Казанью, С этой целью было заключено перемирие с Литвой на пять лет. Решено было готовить войско идти на Казань для ее взятия. Однако энергична вмешался в дело крымский хан Сахиб-Гирей, который требовал, чтобы Москва не воевала с Казанью. Он писал: “Казанский земля—мой юрт, и Сафа-Гирей царь—брат мне как ты б с этого дня на Казанскую землю войной больше не ходил, а пойдешь на нее войною, так меня на Москве смотри” На боярской думе рассудили: “Не послушать царя, послать рать свою на Казань, и царь пойдет на наши уkraine, то с двух сторон христианству будет дурно, от 'Крыма и от Казани”. Войска не были отправлены, и Сахиб-Гиреева посла направили в Казань, чтобы Сафа-Гирей хан послал своего человека в Москву с грамотой о Мире. Сахиб-Гирею ответили, что Сафа-Гирей хану посланы грамоты: “захочет он мира с нами, то пусть пошлет своих людей, а мы держать его будем царем в Казани, как дед и отец наш. А что ты писал нам, что Казань—юрт твой, то посмотри старые записи твои, не того ли земля будет, кто ее взял? Ты помнишь, как цари, потерявшие свои ордынские юрты, приходили на казанский юрт и брали его войнами, неправдами; а как дед наш 'милостию божию Казань взял и царя свел, того ты не помнишь. Так ты бы, брат наш, помня свою старину, и нашей не забывал...”^ Так московское правительство в дипломатии пытается обосновать свои права на Казань завоеванием ее в 1487 году. Иван III в 14^7 году и не помышлял о том, что Казань его земля. В XVI веке мы видим уже другое направление в мыслях русских феодалов. Эти настроения были очень четко выражены в словах известного дьяка Висковатого: “Московские государи не привыкли уступать кому бы то ни было покоренные ими земли; они готовы на союз, но только не для того, чтобы жертвовать своими приобретениями”^ Такой ответ не удовлетворял Сахиб-Гирея. Он угрожал и требовал, чтобы Казань была вполне самостоятельным го-

' РГАДА, Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кн. 8. " РГАДА, Ф. 123. Сношения России с Крымом. Кр. 8. ' Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 94.

сударством, а не “сподручным” великого Московского княжества, то есть не как при “отце и деде” Ивана IV. Казанский хан Сафа-Гирей всецело был заодно с крымским ханом Са-хиб-Гиреем, и мирные отношения с Москвой не были установлены, хотя послы между Москвой и Казанью, Москвой и Крымом ходили часто. Сношения между Крымом и Казанью, видимо, также были тесными, но источники об этом сообщают очень скудно. В 1538—1540 гг. военные действия между Москвой и Казанью были прекращены: шли переговоры о мире. Но в мае 1541 года московское правительство получило из Казани благоприятное для себя известие. Глава правительства Булат-князь послал свою делегацию из 5 человек с Чабыеем во главе в Москву с просьбой, чтобы великий князь отправил своих воевод против Сафа-Гирей хана, а они царя убьют или, арестовав его, отдадут воеводам. Булат-князь еще в 1532 году был виновником низложения Сафа-Гирей хана. Он, будучи фактическим правителем Казанского государства, испытал и русский протекторат, и крымское засилье. И то, и другое вызывало естественную оппозицию. На этот раз Булат объяснял свое поведение именно засильем крымских феодалов. Вот его слова: “От царя ныне казанским людям вельми тяжко, у многих князей ясаки поотнимал да крымцам подавал; а земским людям великая продажа; копит казну да в Крым посылает”. При таком положении дел, конечно, Сафа-Гирей хан не имел авторитета, он не доверял казанцам, помня 1532 год, окружил себя крымскими выходцами.

Получив такое сообщение, московское правительство немедленно снаряжает, как и раньше, большое войско под началом боярина князя И. В. Шуйского и “иных воеводи многих людей дворовых и городовых, 17 городов”^ Велено было всем войскам собраться во Владимире, а с казанскими недовольными людьми регулярно держать связь и наблюдать за ходом событий в Казани. Одновременно послали человека с грамотой к Булату-князю о том, что великий князь прощает их за убийство Джан Али, лишь бы они свергли Сафа-Гирея. Одновременно русские войска были стянуты к южной границе против возможного нападения крымского хана. Правительство знало, что война против казанского хана Сафа-Гирея есть в то же время война против крымского хана Сахиб-Гирея. Так оно и оказалось на деле. О передвижениях русских войск стало известно Сафа-Гирею и он немедленно сообщил об этом Сахиб-Гирею. А тот, также не отлагая, организовал

' перл. т. xill. с. 99. " псрл. т. xill. с. 100.

большой поход против Московского великого княжества: “...всю орду особою повел, оставил в орде старых да малых; да с царем же князь Д. Ф. Вольский (отошедший от Ивана IV из-за своего удела—С. А.) и многих орд люди и Терского (турецкого—С. А.) царя люди и с пушками и с пищальми, да из Ногай Бакий князь с многими людьми, да Кафинцы и Азтраханцы, Азовцы и Белгородцы (аккерманцы)”.

Московские воеводы, по свидетельству летописцев, во главе с И. Ф. Бельским стали на берегу Оки. Другая армия сосредоточилась во Владимире с Шуйским и Шах Али во главе против казанского царя. В Москве в связи с этими событиями был большой переполох: разбирался вопрос, остаться ли великому князю в Москве. Город запасался провиантом, принимались оборонительные меры, готовились к осадному положению. Воеводам были разосланы призывы, чтобы между ними не было раздоров за места, чтобы все как один стояли за веру и великого князя. Подошедший к Оке Сахиб-Гирей хан увидел большую силу русских. Пушечная и ружейная перестрелка показала, что ему не перейти Оку, и он с горечью говорил своим ближним: “Вы же мне сказали, что великого князя люди к Казани пошли, а мне и встречи не будет, а я в одном месте столько многих воинов и не видывал”. Ночью он ушел обратно. По пути в Крым хотел взять город Пронск, штурмовал, но не смог взять и его. Таким образом, нападение Крыма предотвратило готовящийся поход Москвы на Казань, а падение правительства князя И. Бельского в январе 1542 года опять отсрочило его на неопределенный срок.

-В 1542 году между Московским великим княжеством и Литовским княжеством было заключено перемирие на 7 лет, а в начале 1549 года оно было продлено еще на 5 лет[^]. Таким образом, с 1542 по 1554 год спокойствие на западных границах Русского государства было обеспечено. Оно могло все свои силы использовать на востоке и юге.

Несмотря на то, что в декабре 1541 года Сафа-Гирей хан пришел разорять город Муром и разграбил окрестные села, правительство князя Шуйского не [^]предприняло ответного похода на Казань. А Сафа-Гирей хан был отбит касимовскими татарами, во главе которых стоял уже Шах Али. Наступление хана Сафа-Гирея было совершено в поддержку Крыма. Рост мощи России беспокоил и Казань, и Крым. Как будто они предчувствовали свой закат. После этого случая и безуспешного похода Сахиб-Гирея на Русь в Казани опять запро-

сили мир. С мирными предложениями в Москву послали грамоты и Гаухаршад-царевна и “Булат князь в голорах”. По-видимому, они помирились с ханом Сафа-Гиреем и склонили последнего к миру—с Москвой. Скоро начался обмен послами и Сафа-Гирей хан своей грамотой также просил заключить мир. Такой обмен между ними продолжался до весны 1545[^] года. Однако переговоры так ни к чему и не привели: Сафа-Гирей хан не хотел быть “сыном Ивана IV”, а Москва требовала вернуться “порядкам протектората, что “было при Мухамет-Эмине и Джан Ал” царях”. Кроме того, для Московского государства был очень опасным и невыгодным союз Казани с Крымом. Надо было ликвидировать его во чтобы то ни стало. Правительство молодого великого князя Ивана IV это хорошо понимало. Однако до 1545 года военные действия не предпринимались. Первые шаги Ивана IV, как только он взял в свои руки бразды правления, были направлены на укрепление своей власти как во внутренней жизни, так и внешней политике. Для иллюстрации достаточно сказать, что четырнадцатилетний князь в декабре 1543 года велел “поймать” главу правительства князя А. Шуйского и “предать его псарям”. Голодные псы разорвали князя в клочья, и с тех пор бояре начали царя бояться[^]. Были казнены также и некоторые другие бояре[^]. Весной 1545 года организован был большой поход на Казань. Летописец, отмечая роль молодого Ивана в этом походе, озаглавил описание этого события так: “О казанской войне, как началась от великого князя Ивана”. На причины войны летописцы не указывают. С. М. Соловьев отмечает: “неизвестно по какому поводу”. Однако мы уже указали, что переговоры не привели к желаемым результатам для Москвы, что и было причиной. А, повод можно было найти любой, можно было воевать и без повода против “изменников агарян”, “безбожных казанцев”. Одно войско из Нижнего Новгорода на судах, другое—из Вятки, третье—из Перми на судах же двинулось на Казань. Это напоминало поход русских 1469 года, так неудачно окончившийся в то время. На этот раз войска из Нижнего Ной-города и Вятки сошлись в один день под Казанью. Но большого успеха воеводы ^{-ae} добились, летописец ограничивается незначительными словами: “...многих казанцев побили, и кабаки цареви пожгли”. С тем обратно ушли через Свиягу, где по пути разоряли села и деревни, в том числе имение князя Муртазы Тевкелева. Самого князя и сына его

• перл. т. хш. с. 101: ^ Летописец начала царства. ПСРЛ. Т. 29, С. 42, 56.

' перл. т. хIII. с. 145.

^ Сказания князя Курбского. СПб, 1842. С. 7, 8. '
Соловьев С.М. Кн. III. С. 448.

увели особой, а жену и других детей убили. Отряд, который наступал из Перми, опоздал и был уничтожен казанцами*. Несмотря на это, поход считался удачным, и великий князь всех возвратившихся щедро награждал. Иван IV был так обрадован, что удовлетворил все просьбы. Несмотря на небольшой успех, политические последствия похода были значительные. С одной стороны, он поднял настроение молодого Ивана и “воинников”, стимулировал их на дальнейшее наступление. С другой стороны, после этого похода в Казани начались неурядицы: Сафа-Гирей хан обвинял казанских князей в том, что якобы- они приводили воевод под Казань и “царь начал на князей неверку держати”. Сафа-Гирей хан не только не доверял и обвинял, но и стал убивать тех князей, которыми был “недоволен. Именно в это время сошли с исторической сцены такие видные государственные деятели Казанского государства, как царевна Гаухаршад, князь Булат, которые держали управление делами в течение 15 лет. После 1545 года их имена уже не встречаются в источниках. А они показали себя как искусные политики, имели достаточно большой авторитет, чтобы держать власть в самые тяжелые моменты казанской истории. Основное кредо их было: объединить “всех казанцев вокруг своей государственности”, примирить все политические взгляды и направления, на основе чего создать и удерживать власть коалиционного правительства.

Ноне такой был хан Сафа-Гирей. Ярый враг русских, он был упрям и резок, мужествен и настойчив. Его набеги на русские земли во внешней политике, передача собранного ясачного имущества крымским выходцам, отправка казны также в Крым свидетельствовали о том, что он мало интересовался самой Казанью и жизнью казанцев. Источники свидетельствуют, что Сафа-Гирей хан “крымских голодных и нагих привел, да над казанскими людьми учал насильство делати: у кого отца не стало, и он отцова доходу не давал, а у кого брата большего не станет, и он того доходу младшему брату не давал”*. А в 1545 году он же расправляется с именитыми вельможами Казани. Это вызвало широкое недовольство среди феодалов Казани. По словам летописца, “многие из них поехали ис Казани к великому князю, а иные по иным землям”: Убийство князей и эмиграция их из Казани должны были ослабить оппозицию хана Сафа-Гирея.

* Царственная книга. ПСРЛ. Т. XIII. С. 446. " Там же. С. 147; Т. 29. С. 46. " Худяков М. Очерки... С. 96. - Прод. Др. русс. Вивл. Кн. VIII. С. 269—274. " ПСРЛ. Т. XIII. С. 147. Т. 29. С. 46, 47.

Крымское засилье стало большинству казанцев ненавистным. В том же году 29 июля двое казанских вельмож, Кадыш князь (брат князя Отуча) и Чура Нарыков, послали в Москву человека с грамотой. Просили, чтобы великий князь послал свою рать в Казань, а они хана Сафа-Гирея и его близких— крымцев 30 человек выдадут воеводам*. Иван IV потребовал, чтобы царя (хана) свергли и держали до прихода войск. Кадыш-князь и Чура Нарыков сразу же, без московского подкрепления, совершить переворот не могли. В декабре великий князь сам отправился во Владимир, где назначался сбор войск и, вероятно, чтобы скорее получить вести .из Казани^. Вероятно и то, что поездка Ивана IV во Владимир сопровождалась мощной военной демонстрацией, чтобы создать в Казани впечатление о наступлении больших сил.

Вскоре, в начале января 1546 года, в Казани был совершен дворцовый переворот. Великий князь во Владимире 17 января получил грамоты от своего посла И. Яхонтова, а также от сеита Беюргана, князей Кадыша и Чуры Нарыкова из Казани. Грамоты известили, что “казанцы Сафа-Гирея царя с Казани согнали, а крымских людей многих побили”, что “сеит и уланы и князи и мурзы и шейхи и шейхзадыгы долышмены и казаки и вся земля Казанская бьют челом” московскому государю, чтобы он их пожаловал, гнев свой казанской земле отложил и дал бы им на Казань царя Шах Али”.

По-видимому, переворот прошел не так уж гладко. Летописец чужие внутренние дела, конечно, не описывал подробно, поэтому это событие, как и ряд других, связанных с ним, детально воспроизвести не можем. Однако в ряде других источников имеются сведения о причинах ходе переворота 1546 года. После сообщения о крымском засилье и притеснении казанцев со стороны царя ногайские мурзы писали в Москву: “И тех его дел казанские люди и князья не могли терпети, да от него отступив, выехав вон с крымцы заво-евались и побились и крымцев в прогоны побили, а иных многих прогонили, а Сафа-Гирея царя с немногими оставили”. Отсюда видно, что был настоящий бой между противниками хана Сафа-Гирея и крымскими пришельцами, в результате чего Сафа-Гирей хан с небольшим отрядом вынужден был оставить Казань и направился к ногайцам. Начался обычный обмен послами и мнениями между Москвой и Казанью. Казанцы опять обещали быть верными Шах

* Там же.

" Соловьев С. М. Ук. соч. С. 448. ' ПСРЛ. Т. 29. С. 49. * ПСРЛ. Т. XIII. С. 147. ' Прод. Др. русс. Вивл. Кн. VIII. С. 269^274.

Али и великому князю. Временное правительство Казани возглавили Беюрган-сеит, Кадыш-князь и Чура Нарыков. Тем временем низложенный Сафа-Гирей хан в Сарайчике в переговорах с ногайским мурзой Мансуром и в Астрахани с его правительством договорился при их поддержке вернуть казанский престол. Ему был выделен особый отряд, но без артиллерии. Сафа-Гирей хан надеялся также на поддержку группы восточной ориентаций в самой Казани. Однако он ошибся в своих расчетах. Приблизившись к Казани, он начал атаку, но город не сдался и никто из казанцев на его сторону не перешел. Без пушек и осадных снаряжений, одной-только ногайской кавалерией взять такую крепость, как Казань, нечего былой думать. Поэтому экс-царь “ничего не учинил да побежал” На этот раз он приехал к ногайскому князю Юсуфу в Сарайчик, к своему тестю, так как после смерти Джан Али хана он женился на его вдове Сююмбике. : Временное правительство Казани, хотя в это время еще не было очень уж сильным “ авторитетным, все же смогло отразить удар и удержать, власть в своих руках. Оно поспешно запросило у великого князя царем в Казань Шах Али хана. Но казанской стороной были выдвинуты и другие кандидатуры. По маловероятным данным “Казанского летописца”, разные группы рекомендовали в цари крымского, турецкого царевичей, московского великого князя, анекоторыело-преж-нему стояли за хана Сафа-Гирея. Хотя это сообщение вступает в противоречие с указаниями летописей, тем не менее оно дает представление об отсутствии в Казани единства, о наличии разных группировок. После январского переворота из Москвы был послан Андреев привести казанцев “к правде”. 15 марта 1546 года он возвратился вместе с казанскими послами во главе с Уразлыем-князем, которые от имени всех казанских людей требовали, чтобы великий князь “отпустил к ним Шигалея царя” немедленно. 7 апреля Шах Али хан был отпущен с 3000 касимовских служилых татар и 1000 воинов под начальством воеводы. Однако казанцы, по условиям договора, такое большое войско не пустили в город: разрешили хану взять с собой лишь 100 человек касимовских татар. Русскому воеводе не был разрешен въезд, московскому послу отвели квартиру не в крепости, а только в посаде, то есть отделили от хана. Договор, по-видимому, усматривал лишь взаимное обеспечение личной неприкосновенности. Казанцы обещали верность Москве и личную безопасность Шах

Али хану. Со своей стороны Шах Али хан не должен был мстить и преследовать кого-нибудь из казанцев и вводить чужих в Казань. Наконец, 13 июня того же года он воцарился в Казани при поддержке русских бояр-князей Д. Ф. Бельско-го, Д. Ф. Палецкого и дьяка П. Губина. Правительство сеита Беюргана, очевидно, стремилось держать нового хана в русле своей самостоятельной *политики*, во всяком случае, создается впечатление, что полномочия Шах Али хана были сильно ограничены. О его воцарении с официальным известием в Москву были направлены сначала гонец Чапкин мурза Оту-чев и прежний московский посол И. Яхонтов, затем большое посольство Алаберды-углана и Тевекеля-князя с секретарем Алиш мулла-заде. Посольство завершило великого князя в дружбе и союзе цари казанцев. Однако тут же пришла весть о том, что царь Шах Али из Казани сбежал и царем стал вновь Сафа-Гирей. Шах Али на этот раз был царем в Казани всего 1 месяц'. Сафа-Гирей хан получил у ногайских мурз, особенно у Юсуфа, значительную военную силу и двинулся на Казань через реку Каму. Вряд ли у него были люди из Крыма. Крымцы с ногайцами все время враждовали. Но движение Сафа-Гирей хана было подкреплено действиями крымского хана Сахиб-Гирея. Московский великий князь, получив известие о движении его к Коломне, с мая по август 1546 года находился во главе войск в Коломне^. Узнав об этом, Сахиб-Гирей хан на Коломну не пошел, но тем самым дал возможность Сафа-Гирею легко захватить Казань. Бессильный Шах Али-хан со своим малочисленным войском не смог защитить свой престол. А князья или не хотели помочь ему, или не смогли быстро организовать отпор, то есть собрать войско. Играло роль, конечно, и отсутствие единства среди вельмож-князей, в руках которых и находилось войско. Во всяком случае, в глазах московских феодалов и, по обычному выражению летописцев, “казанцы опять изменили великому князю”. Шах Али хан бежал по Волге и, встретив касимовских (городецких) татар-казаков, поехал к русской Границе. Московское правительство, не зная его местонахождение, послало людей на поиски в разные стороны—на Поле и на Вятку. 15 августа его встретил посланник А. Салтыков и дал знать об этом Москве. Иван IV встретил его как царя и вновь дал ему город Касимов. А в Казани новое царствование Сафа-Гирей хана открылось террором. На скорую руку Сафа-Гирей хан в первую очередь казнил князей Чуру Нары-

'Прод. Др. русс. Вивл. Кн. VIII. С. 272—274. "ЙСРЛ.
Т. 19. С. 283. 'Царственная книга. ПСРЛ. Т. 13. С.
447.

'Летописец начала царства. ПСРЛ. Т. 29. С. 48. "
ПСРЛ. Т. 29. С. 49. 'Загоскин. Спутник по Казани. С.
61.

кова, Кадыша, Баубека и многих других сторонников Москвы. Правительство было образовано из крымцев. Спасаясь от репрессий, часть казанских феодалов эмигрировала в Москву. Сюда же в сентябре прибыли князья Кулыш,Тере-гул, Бурнаш, братья Чуры Нарыкова и другие, всего 76 человек'. В сентябре князь-старшина Тугай со своими сторонниками послал двух марийцев в Москву с просьбой, что-бы великий князь направил свое войско против Сафа-Гирей хана, обещая, что [они] будут оказывать помощь воеводам^ . По челобитию "горных людей", то есть чувашей и мари — правобережья Волги—Иван IV посылает с войском князя Горбатого завоевывать казанские земли. Воеводы разорили территорию до устья Свияги и привели в Москву 100 человек плененных. В январе 1547 года в Москве великий князь Иван IV венчался на царство. Он стал первым русским царем.

Венчавший его на царство митрополит Макарий в своей молитве во всеуслышание просил бога "покорить ему всея варварския язывы". Юный царь после этого скоро женился, ходил молиться. Вскоре произошло Московское восстание и до осени новый царь не мог начать поход против Казанского ханства.

В ноябре 1547 года был объявлен поход на Казань больших сил во главе с самим Иваном IV. Двинулись все воеводы и касимовский хан Шах Али. 2 февраля 1548 года Иван IV из Нижнего Новгорода направился по Волге против Сафа-Гирей хана. Однако наступила оттепель, лед на Волге покрылся водой, и многие пушки и пищали провалились в воду; в реке также утонули многие люди и лошади. Ожидая установления благоприятной погоды, царь стоял на острове Роботке три дня, но дорога так и не установилась. Тогда Иван отправил князя Д. Ф. Бельского с частью войск соединиться с Шах Али на устье Цивилия, сам же вернулся в Москву весь в слезах. Эти слезы были вызваны уязвленным самолюбием.

Воеводы же вместе с Шах Али дошли до Казани, на Арском поле их встретил Сафа-Гирей хан. Произошел жаркий бой, но ни одна из сторон не одержала победу. Было много убитых. Сафа-Гирей хан заперся в городе и не мог помешать воеводам в течение 7 дней разорять и грабить окрестности города. Русские войска возвратились в марте 1548 года с пленными и добычей.

перл.
перл.
перл.
перл.

С. К). Шмидт считает вероятным, что этому походу способствовало восстание 1547 года в Москве. Правительственные круги старались смягчить социальные противоречия в Москве и демонстрировать единодушие в верхах перед недовольными народными массами. Для этого нужно было этих недовольных увезти из Москвы на победоносную войну. [Поэтому] сразу же после огромного пожара и восстания в Москве организовали большой поход с участием самого царя, но вряд ли рассчитывали на большую победу. Часть недовольных можно было оставить до весны в Среднем Поволжье'.

Продолжим описание хода событий. Сафа-Гирей хан ждал удобного времени и готовил ответный поход, что стало возможным только осенью. В конце октября—начале ноября 1548 года казанское войско во главе с Арак-батыром завоевало Галицкую область, однако было наголову разбито костромским наместником Яковлевым, а сам Арак-батыр был убит.

Таким образом, между двумя государствами постоянно происходили военные действия, и неправ был М. Худяков, утверждавший, что в этот период "между Казанским ханством и русским правительством восстановились добрососедские отношения, какие были и во второе царствование хана Сафа-Гирея"^. Не было добрососедских отношений сКазанью вообще в период царствования Сафа-Гирея хана. Отсутствие военных действий в такие-то годы еще не означало такого состояния. Русское правительство никогда не оказывало доброй воли добрососедства Казани без ее подчинения и покорности. Сафа-Гирей хан же на это не шел. Несмотря на усилия таких видных деятелей, как Булат-князь, Беюрган-сеит, Чура Нарыков и другие, не удалось ликвидировать внешнюю опасность.

- В марте 1549 года Сафа-Гирей хан скоропостижно скончался. Ему было всего 42 года. Причина внезапной смерти неизвестна. "Казанский летописец" приводит злопыхательные вымыслы: якобы он в пьяном состоянии ударился головой об умывальник, оттого и умер. Это сообщение сформулировано обычным насмешливо-злым тоном, с каким он описывает все неудачи и несчастья казанцев вообще.

У Сафа-Гирей хана было три жены: дочь князя ногайского Шейх-Мамая, дочь князя Юсуфа Сююмбике и еще одна, на одной из них женился Шах Али в 1551 году. Осталось несколько сыновей. Двое из них—взрослые Мубарак и-Буляк—

Шмидт
С. Ю.
Станов
ление
Российс
кого
самодер
жавства
М.,
1973. С.
117;
ПСРЛ.
Т. 29.
С. 55. "
Худяко

т.-13. с. 149.
Т. 29. С. 49.
Т. 13. С. 150.
Т. 13. С. 156.

жили в Крыму у Сахиб-Гирей хана, а младший, сын Сююм-бике Утямыш-Гирей, жил с матерью. После смерти Сафа-Гирей хана необходимо было быстро разрешить запутанный вопрос о престолонаследии. По словам “Казанского летописца”, после смерти царя в Казани была “брань велика... не хотят казанцы меньший больших слушаться и покоряться им”.

Это сообщение указывает на борьбу и соперничество различных групп за власть, с одной стороны, и на выступление рядовых казанцев против придворной знати—с другой. Однако другие источники об этих событиях в Казани ничего не сообщают. А сведения о выезде некоторых казанцев (до 10 тыс.) в Москву, о чем сообщает летописец здесь же, не могли бы не отразиться на страницах Никоновской летописи и Царственной книги. Поэтому верить летописцу полностью нельзя. По-видимому, при царском дворе вопрос решался в срочном порядке, потому что Москва получила известие о смерти цзя и провозглашении царем. Утямыш-Гирей одновременно: “царь казанский Сафа-Гирей умер, убится- во своих хоромаш. И посадили казанцы и крымцы соодиначяся, на царство Казанское сына его Утямыш-Гирей царевича дву лет”[^]. Крымская¹ партия в Казани оказалась в силе. Она опиралась на ханскую гвардию, состоящую из крымцев, во главе которой стоял крымский углан Кошчак. Он же был провозглашен главой правительства. Регентшей при малолетнем хане стала его мать, вдова двух правителей—Джан Али-хана и Сафа-Гирей-хана — Сююмбике.

Промосковская группа и другие противники крымцев ничего не могли предпринять, опасаясь междоусобных столкновений в самой Казани. Крымская гвардия не преминула бы вооруженной силой подавить всякое выступление, применив террор и репрессивные меры. Таким образом, & Казани установилась власть военного правительства крымской ориентации. Оно, как и при Сафа-Гирей хане, находилось в тесном контакте с Крымом. Есть летописные сведения о том, что сразу же после смерти хана были посланы делегации в Крым с просьбой о помощи и отправке из Крыма в Казань царем Буляк-Гирей, старшего сына Сафа-Гирей-хана- Одну из таких делегаций, послов Казани, уничтожили служилые татары-казаки великого князя—“Урак с товарищи...” Летопись сообщает, что “в Крым никакова человека не пропустили”. Однако “послов было много”[”], и связь с Крымом не была

прервана. Мухамед Риза, автор книги “Ассеб-о-сейяр”, сообщает, что казанцы в Крыму просили, чтобы престол занял сын Сафа-Гирей хана Буляк-Гирей, но Сахиб-Гирей хан на это не согласился, заключил его в тюрьму’.

“...Царь Сафа-Гирей мог поддерживать свою независимость, а теперь, когда Иван взял в свои руки бразды правления и имел намерение решительно действовать против Казани, в последаейцарем)стал ребенок-младенец”: Поэтому правительство Сююмбеки в июле 1549 года через два месяца с небольшим после кончины Сафа-Гирей хана послало в Москву к великому князю от имени Утямыш-Гирей хана своего посла Бакшанду с грамотой[^], в которой просило установления мира между двумя государствами. Иван[^]у, хотя и писал в ответной грамоте, чтобы было откомандировано большое.посольство, ноне был склонен к миру,, потому что шли приготовления к походу на Казань, который вскоре и совершился. Мирные предложения были предъявлены также через ногайцев. Отец Сююмбеки..Юсуф несколько раз письменно обращался к Ивану IV с просьбой помириться с Казанью и предлагал не только свое посредничество, ной часть доходов казанской земли”.

Кончился период царствования Сафа-Гирей хана, кончились и походы ответного или наступательного характера против Московского государства. Отныне Казань, хотя и осталась в руках людей крымского толка, не вела никаких агрессивных действий против нового царя Москвы, а вынуждена была вести лишь оборонительные действия за сохранение своей независимости. На протяжении почти 28 лет два брата, крымско-казанские ханы Сахиб-Гирей и Сафа-Гирей, вели одинаковую и совместную политику по отношению к Русскому государству—политику противостояния продвижению русских на Восток. За это время между двумя государствами десятки раз происходили военные действия (1521 год— поход крымцев и казанцев на "Русь; 1523—1524 гг.—поход русских на Казань; 1530 год—поход русских на Казань; 1536—1537 гг.— набеги Сафа-Гирей хана на новгородские, костромские, муромские, галицкие земли; 1541 год—набег Сафа-Гирей хана на Муром; 1545 год—большой поход Ивана IV на Казань; 1546 год—наступление русских воевод на Свияту; 1547 год—большой поход Ивана IV на Казань (кроме них, можно отметить ряд малых набегов с той и другой

¹ Казанская история. М., 1954. С. 83. ^ ПСРЛ. Т. 13. С. 157, 469; Т. 29. С. 56. " ПСРЛ. Т. 13. С. 157. * Там же.

' Семь планет... С. 94; Вельяминов-Чернов В. В. Т. 1. С. 336 ^
Соловьев С. М. Ук. соч. С. 455. ' ПСРЛ. Т. 29. С. 56. * РГАДА. Ф.
127. Ногайские дела, кн. 8"

стороны). При Сафа-Гирей хане московское правительство на мирные отношения не соглашалось иначе как через установление вассального положения Казани от Москвы. Оно не согласилось на добрососедские отношения и после, на мирные предложения Сююмбике неизменно получала ответы, равнозначные отказу.

Правление Сафа-Гирей хана, подчинившего Казань крымской политике, для населения и самого государства как во внутренней жизни, так и во внешнеполитическом отношении было тягостным, но оно сохраняло все-таки самостоятельность Казани.

Противостояние же с русскими привело к тому, “что растущее Московское государство скоро решило совсем ликвидировать Казанское ханство путем завоевания.

ИДЕОЛОГИ ЗАВОЕВАНИЯ КАЗАНИ

Этот вопрос ни в русской дореволюционной, ни в исторической науке последующих периодов почти не разработан. Лишь частично, в связи с исследованиями других проблем, некоторые современные историки, такие, как А. А. Зимин¹, В. Ф. Ржиги И: У. Будовниц и С. О. Шмидт* уделили определенное внимание внешнеполитическим взглядам московских феодалов. В последнее время данной проблемой занимался также западноевропейский историк Ярослав Пеленски, который в 1974 году выпустил книгу на английском языке “Россия и Казань. Завоевание и великодержавная идеология”. На основе высказываний летописцев и других источников XVI века автор пишет об идеях и теориях захвата Казанского ханства и оправдания его, выдвинутого тогда официальными властями. “Первой, основной, важной” он считает “теорию-претензию” московских великих князей на право возвести на казанский престол ханов “из своей руки”. Эта теория основывалась на том положении, что в 1487 году Иван III взял Казань и “царя Мухамат Амина из своей руки поставил на царства в Казани”. После этого все другие ханы, по этой теории, должны были быть ставлены Шками московских правителей. Второй такой теорией явилось, продолжает

¹ Зимин А. “ Ржиги В.

//Труды отдела

Будовниц . "ШмидтС. ' Пеленски
ологая. 1974. С.

Я. Пеленски, утверждение о вотчинном праве московской великокняжеской власти на казанские земли. Казань, раз она была взята “саблей” Ивана lit, то объявлялась “вотчиной”, “землей” или “юртом” великого князя, а затем московского царя. На этой основе “русское правительство начало обозначать как акт “измены” любое самостоятельное решение, любую попытку казанских татар самим решать, кого приглашать в качестве правителя в ханство”. Далее Пеленски рассматривает вопросы идеологического же характера—как об исторических и династических оправданиях завоевания Казани, о “националистических”, религиозных обоснованиях его, о теории булгаро-каза'нской преемственности и т. д.; хотя и нельзя во всем соглашаться с этим автором, но многие положения его основательно аргументируются источниками. Действительно, официальная историография и политическая мысль феодальной верхушки русского общества-того времени много поработала именно в этом направлении—чтобы теоретически обосновать, а затем и оправдать завоевание Казанского ханства. Однако существовало еще и Другое, полуофициальное направление идеологической “окраски” событий тех времен. Ярким выражением этого может служить утверждение о преемственном характере Казани и государства Золотой Орды, выдвинутое “Казанской историей”. Золотая Орда в глазах масс русского народа явилась злейшим врагом. Поэтому представление Казани как прямой наследницы ненавистной Золотой Орды должно было подготовить умы для оправдания взятия Казани.

Наиболее ярким представителем идеологии дворянства в середине XVI века выступил Иван Пересветов, которого историки литературы рассматривают и как писателя того времени. Что касается его общественно-политических взглядов, то торговлю он рассматривал как низкое занятие, а город и городские жители, по его мнению, служат только лишь для взимания всевозможных налогов и поборов в пользу “воин-ников”—дворян. “Воинник” же—центральная фигура в государстве, главная его опора, и от него зависит судьба последнего; в конечном счете он—опора всей самодержавной власти. Конечная же цель преобразований, предложенных И. Пересветовым, в военной, судебной и финансовой областях^ это утверждение и упрочение самодержавия. И только, сильная власть самодержца, первого помещика среди дворян, может, по его мысли, успешно решить всю совокупность внутренних и внешнеполитических задач.

Во внешней политике Пересветов выдвигает столь же активную программу. Он осуждает тех, кто предлагает толь-

Там же. С. 76.

ко об-оронять страну, предлагает самим нападать'. Он же предсказывает Ивану IV, что тот станет "обладать многими царствами" и что ему "бы многие царства покорить", а затем "он божию помощью Казанское царство возьмет своим мудрым воинством да и окрестит, да будут осмь градов христианских славных на все царства". Основным объектом внешнеполитической наступательной программы за тот период Пересветов считал Казань. Он советовал Ивану IV послать на Казань войско, вознаградив своих "воинников"

-царским жалованием, ласкою и добротою. Следует также начать, предлагал он, военные операции по всей территории Казанского царства; "иные воинники: удалые послать на улусы на казанские, да велети их жечи и людей сечи и пленити"*

Свою программу Пересветов облекал в религиозную оболочку—единственную форму господствующего мировоззрения той поры, которая, по его мысли, сводится к тому, чтобы "веру христианскую хранить", "умножати" и "неверных к вере приводит".¹ Однако истинная-причина завоевания Казани им же самым указана -со всей откровенностью—это потребность помещичьего класса-в новых землях для поместной раздачи. "А слышал есми про тую землю, про Казанское царство у многих воинников, которые в царстве Казанском бывали, что про нее говорят, применяют ея к подрайской земле угодьем великим". Богатая казанская земля, продолжает дальше Пересветов, не великая и находится под "пазухою" у такого сильного государя, а он ее терпит, поэтому следует ее взять, "хотя бы таковая земля угодная и в дружбе была, ино было бы не мочно терпети за такое угодье"*.

Аналогичных взглядов придерживался и другой столь же активный сторонник завоевания Казанского ханства, церковно-литературный публицист XVI века, идеолог нестяжательского боярства Максим Грек. Еще в 1520-х годах он сочинил специальное послание, призывая правительство идти в наступление на Казань: "Доколе убо имамы благополучное время... нападём на христианоубийц Казани". Казань для него—"проклятый город", "змеиное гнездо", которое следует скорее взять. "Находясь в Казани, мы легко будем бороться с остальными врагами, будучи грозны оттуда"—писал Максим Грек Василию III еще в 1521 году. Для М. Грека все

С. 233. *Сочинения И. Пересветова. М., 1956, стр. 234. ¹ Грек Максим. Сочинения. М., 1909, стр. 208. * Там же. С. 167.

мусульмане —исконные враги православия и всех славян. В этом отношении весьма примечательна его личная жизнь: прибыл он в Россию из Греции, которую тогда завоевали турки-мусульмане. Будучи поборником освобождения греков от турецкого ига, он в то же время стремился противопоставить все христианские, в том числе и православные государства мусульманским. Если И. Пересветов не призывал русских бороться Против турок, а, наоборот, призывал брать пример у "МагметСалтана", то М. Грек всех мусульман считал врагами и призывал к борьбе и против Турции, чтобы освободить греков от "безбожных агарян". Он резко критикует тех, кто хотел бы проводить наступательную политику только с целью возвращения русских земель на Западе, а не бороться активно с мусульманами'.¹ Другой идеолог боярства и сторонник М. Грека князь А. Курбский также требовал "до конца выгубить воинство басурманское и царство оное покорить и усмирить землю на веки". Под этими словами надо понимать, как это объяснил сам Иван IV в своей ожесточенной полемике с Курбским, в первую очередь, стремление к грабежу населения, уничтожению его, вместо того, чтобы заниматься "строением" в захваченной Казани.

Таким образом, точки зрения публицистов-идеологов, боярства и дворянства по своей внешнеполитической программе, по вопросу покорения Казани, вполне совпадали. Такое же совпадение взглядов и действий мы видим и у представителей различных групп феодалов в их практической деятельности по- осуществлению плана захвата Казани. Пусть во внутренней политике феодалы придерживались различных взглядов, но по отношению к Казани у них господствовало полное единодушие.

В то же время против агрессивных наступательных планов покорения других народов выступили представители городской и крестьянской бедноты. Таким был Феодосий Косой— мужественный и умный человек, бывший холоп одного из московских вельмож, бежавший от притеснений в Белоозеро и постригшийся в монахи. Как раз в 1550—1552 гг. начало широко распространяться его "новое учение" (ереси). Он отрицал церковь и церковные обряды, а церковников считал главными врагами народных масс. Вместе с тем он резко выступал и против церковного землевладения и, не отделяя церковные власти от светских, призывал не повиноваться

¹ Ржига В. Ф. Указ. соч.

[^] Сказания князя Курбского. СПб., 1842. С. 38. Там же. СПб., 1842. С. 119.

властям и вообще всяким господам. Феодосии Косой, отражая интересы широких масс крестьян, выступал и против войн. Он проповедовал миру и призывал не воевать вообще: “не подобает... воевати”. Он хорошо знал, как феодальные войны отражались на положении крестьянства и горожан, видел, что широкие народные массы не хотели никаких войн и завоеваний. Признавая существование высшего разума, Ф. Косой проповедовал равенство всех людей перед Богом. Он говорил что “иже суть в всех языках, яко вси людие едино суть у бога, и татарове, и немцы, и прочие языцы”. Не ограничиваясь положением о равенстве всех народов и людей, он далее ставил знак равенства и между разными религиями: “Вей веры в всех землях одинаки”. Из такого учения Ф. Косого вытекает и по своей сути вполне правильный его вывод о том, что верования всех народов в своей основе едины’.

Такая проповедь 'равноправия, гуманности и братства народов' находилась в вопиющем противоречии с учением православной церкви, утверждавшей истинность только православия и проповедовавшей человеконенавистнические идеи о. “еретичестве” всех народов, не исповедовавших догмы этой религии.

К сожалению, идеи равноправия народов и мирной жизни между ними не овладели тогда массами населения, поскольку учение Ф. Косого распространялось только устно. Да и не было у крестьян и городской бедноты таких мощных рычагов и столь широкой трибуны для идеологического воздействия, как церковь и монастыри, откуда могли бы распространяться эти идеи. Поэтому выступление Ф. Косого и его сторонников против воинствующей церкви имело сравнительно небольшой размах и не стало направлением в идеологической борьбе.

Чтобы унижить другие народы в сознании собственного, готовясь к войне, православная церковь придумывала всевозможные небылицы, стремясь воспитывать своих прихожан в духе непримиримости и вражды к нехристианам, особенно к мусульманам. Именно такая идеология выступила важнейшим средством борьбы против Казанского ханства. Антигуманные и человеконенавистнические идеи христианской церкви отражены в произведениях церковников, написанных до и после взятия Казани. По их выражению, казанские татары не кто иные, как “безбожные агаряне”, “нечестивые варвары”, “поганы змеи”, “злые дьяволы” и т. д. и т.п.

Церковники, пытаясь воспитать в русском народе ненависть к казанским татарам, широко распространяли слухи и выдумки о разных чудесах’.

Намерения высших’ духовных сановников имели вполне реальные основания. Угроза со стороны светских феодалов, в первую очередь дворян-помещиков, в отношении монастырского землевладения, естественно, привела к тому, что церковь рьяно выступала за расширение земельного фонда государства за счет “неверных”. Все без исключения духовные отцы благословляли “воинников” к покорению Казанского ханства. Во главе их стоял митрополит Макарий, ярый защитник церковных богатств, глава и идеолог официальной “стяжательской” церкви.’ Будучи самым воинствующим представителем православной церкви, он также вел беспощадную борьбу против любых попыток критики церкви и ее догматов. Осифляне (сторонники церковных богатств) стояло за активную внешнюю политику, за решительные военные действия Русского государства, особенно на Востоке. Предшественник Макария митрополит Даниил горячо поддерживал политику Василия III по отношению к Казани и приветствовал основание города Васильсурска на реке Суре, правильно оценивая этот шаг как создание плацдарма для завоевания в будущем всего Казанского ханства^’. Среди прочих заслуг Василия Ивановича на первое место выдвигалось покорение им соседних стран. Новгородский архиепископ Феодосий извещал также, что в руки Ивана IV бог даст Казанское царство, и он покорит его, как первый христианский царь Византии Константин и киевские князья Игорь, Святослав и Владимир, которые покорили “иные страны... под себе”. Митрополит Макарий, рьяно защищая и вдохновляя восточную политику московских государей, много раз писал послания. В них он воодушевлял войско, восхвалял любые действия, направленные на захват Казани, называя войну подвижничеством за благочестие. Макарий стоял за полное и безусловное покорение Казани, считая ее достоянием прародителей Ивана IV. Он требовал никаких переговоров с казанцами не вести и перед “окаянными” не оправдываться.

Так же воинственно выступил духовник самого царя Ивана IV Сильвестр. Желая Ивану победы над “погаными” и увеличения царства, он предсказывал ему: “Поклонятца тебе все цариеземстви и вси языцы поработают тебе””’.

' Зимин А. А, И. С. Пересветов и его современники. М.,1958. С. 210—211.
^ Зимин А. А. Указ. соч. С. 211. -

' Царственная книга. ПСРЛ. Т. III. Ц. 463, 503. " Акты археологической
экспедиции.-Т. 1. С. 172. ' ПСРЛ. Т. XXI. С. 606; Будовниц И. У. Указ. соч. С.
191—198. " Будовниц И. У. Указ. соч. С. 200.

ЗАВОЕВАНИЕ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА

Макарий и Сильвестр, а также идеологи сильной самодержавной власти приложили все силы к тому, чтобы всячески активизировать процесс централизации власти, усилить роль и значение самодержавного царя в государстве. В этом отношении успешный исход борьбы с Казанью сыграл весьма важную роль. Весь расчет был направлен на то, что взятие Казани Иваном IV должно было укрепить и, в конечном счете, действительно укрепило позиции царя, вознесло его личность на небывалую высоту и при его жизни и после кончины в течение многих столетий российской истории.

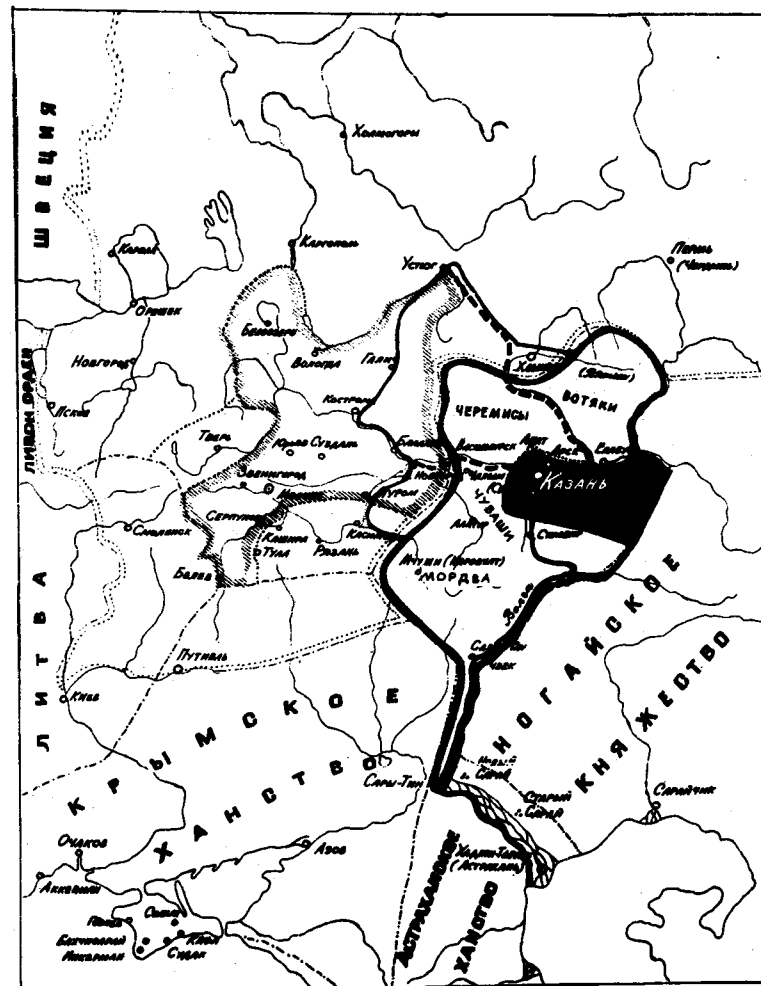

• Там же. соч. С. 204.

ПОДГОТОВКА К ВЗЯТИЮ КАЗАНИ

Война Ивана IV с Казанью с целью захвата началась в 1545 году, но решение о взятии, пожалуй, было вынесено боярской думой весной 1549 года, где, кроме бояр, участвовали митрополит Макарий, князь Владимир и царев брат князь Юрий. Поведено было большому полку собраться под начальством Д. Ф. Бельского и В. И. Воротынского в городе Суздале, передовому полку П. И. Шуйского—в Щуе, воеводе князю Лопатину—в Муроме, полку правой руки А. Б. Горбатого и В. С. Серебряного—в Костроме, полку левой руки М. И. Воротынского и Б. И. Салтыкова—в Ярославле, сторожевому полку Ю. М. Булгакова и Ю. И. Кашина—в Юрьеве. Сам царь из Москвы вместе с полоумным братом Юрием и с другими боярами прибыл во Владимир 3 декабря 1549 года. В Москве оставлен был двоюродный брат царя князь Владимир Андреевич с боярами. Во Владимир же прибыли духовные отцы государства —митрополит Макарий и владыка Крутицкого монастыря Савва со своими соборами. Они совершили благословение воинства на поход и Макарий требовал от воевод-князей быть в единстве, на время забыть местнические споры и тяжбы, показать свое усердие и воинские доблести.

Из Владимира же посланы были приказы касимовскому царю Шах Али и Едигеру (который, будучи астраханским царевичем, перешел было тогда на русскую службу), идти со всеми своими воинами и быть в Нижнем Новгороде в январе 1550 года. Все это войско и артиллерия двинулись из Нижнего Новгорода в Казань, куда и прибыли 12 февраля 1550 года. Сразу же город был обложен. Сам царь стал лагерем у озера Кабан, а Шах Али с большими передовыми полками—напротив города на Арском поле, за Казашкой стали полки правой и левой руки и сторожевой во главе с царевичем Едигером. Осадная артиллерия была установлена в следующем порядке: часть—в устье Булака, другая часть—у Поганого озера в устье Булака же, против города.

ShftMin tiguulin'mi #ffem-^^ eB-SI*

Карта Восточной Европы в XV-XVI вв. Из книги М. Худякова "Очерки по истории Казанского ханства".

Воеводы были расставлены, туры подведены—и начался приступ. Но город-крепость отвечал очень сильным огнем, крепостные большие пушки били прямой наводкой в расположение подков—“множество много людей обе стороны побито” было. К тому же началась непогода: “Ветры сильные и дожди великие и мокрота немерная”. Несмотря на то, что крепость была осаждена сильной армией в течение 11 дней и взята как бы в клещи, она оборонялась активно. Иван IV вынужден был уйти “от города Казани прочь”. 25 февраля началось отступление. Таким образом, и второй поход молодого московского царя окончился неудачно. Однако на этот раз царь и бояре-воеводы не хотели безрезультатно возвращаться в Москву. По старым обычаям они задумали ' построить город-крепость в непосредственной близости от Казани. Если строительство Васильсурска было актом продвижения на Восток, то новый город в устье Свияги должен был стать базой и форпостом для взятия города Казани. Как передают русские летописи, место было выбрано по совету Шах Али и казанских князей во главе с князьями Костровым, Чапкын Отучевым, Буришем и своих бояр, которые служили ему (царю) и участвовали в этом походе,—и очень удачно: на Круглой горе, при впадении Свияги в Волгу, от Казани в 20 верстах должен был встать город Свияжск.

Иван IV, утвердив место для города, пошел в Москву. Дьяк Иван-Выродков был отправлен Углицкий уезд— рубить лес для церквей, городских стен, воинских казарм и везти его вниз по Волге на место назначения.

Летом было получено известие, что на русские окраины движется крымский хан. Иван IV выехал навстречу в Коломну, а оттуда—в Рязань. Однако крымский хан не наступал на Русь, и Иван вернулся в Москву в августе 1550 года. В том же году в декабре некоторые ногайские мурзы—гУраз-лей, Отайи Тейляк пришли завоевать рязанские и мещерские земли. Воеводы разогнали их на поле, многих убили, часть пленили. Ногайцы убежали в кочевья, а в том году пришли “снеги великие да морозы, и позябли многие”. Как видно, зимняя стужа гнала их из своих степей в оседлые земли, а оттуда их гнали московские воеводы. В ногайские степи вернулись только 50 с небольшим человек. Весной 1551 года с целью поставить город в устье Свияги отправился на судах Шах Али с полками и воеводами, туда же были отправлены из Москвы с той же целью казанские князья и

• псрл. т. 13. с. 160, 461.
псрл. т. 13. с. 161.

служилые люди (500 чел.). В устье Свияги были отправлены большое войско и “великие” запасы.

Чтобы не потревожили строителей, князь Серебряный из Нижнего Новгорода должен был идти на казанский посад, а казакам и всем городецким татарам ведено было стать по всем перевозам по Каме, Волге и Вятке, чтобы Казань “не сносила” с внешним миром. Все эти мероприятия с точностью были выполнены.

Воевода Серебряный, воспользовавшись туманом, 18 мая тайно подошел к Казани и разорил посад: “побил, многих людей и живых поймали, и полону. Русского много 1 отполони”[^]

24 мая к месту основания города прибыли Шах Али и другие великокняжеские воеводы. Главным воеводой Сви-язска и Горной стороны был назначен князь Семен Мику-линский и в помощники ему—другие воеводы. Началось строительство города. Привезенного леса хватило лишь на половину городских стен и церкви, а другую половину построила из местного материала пришедшая рать. Основные работы по заложению города были закончены за 4 недели[^]. Целью постройки города было не только овладение Казанью, но и отторжение Горной стороны, от Казанского ханства. Посланные с Шах Али 15 воевод со своими полками должны были, не только построить город, но и привести в покорность народы правобережья Волги. И действительно они добились этого.

Очень скоро в Свияжск стали приходить делегации горных людей. Они просили, чтобы царь Иван IV “гнев свой отдал, а велел бы им быти уСвияжского города и воевати их не велел”. Сообщить об этом послали в Москву от Шах Али князя Шахбаза Шамова, а от воевод —Ивана Шишкина. Но этого было недостаточно. Нужно было послать в Москву сами эти делегации от имени всех горных людей, чтобы ответить на запросы соседних государств и самого Казанского ханства в настоящем и будущем в таком невинном виде, что народ Горной стороны по своему желанию перешел “под руку” русского царя. Есть основание полагать, что по приказу правительства действительно подготовили такую делегацию в Москву. Как бы докладывая о выполнении поставленных задач, воеводы писали Ивану IV, что “они город... ставят, а князь Серебряный побил многих казанцев, а горные люди государю хотят служить”.

[^] ПСРЛ. Т. 13. С. 465. " Там же. С. 164, 466. ^ Там же. С. 164 466.

Вскоре ,к Шах Али и воеводам в Свияжск был отправлен приказ привести всех жителей Горной стороны к присяге в том, чтобы: 1) служить великому князю и царю; 2) во всем соблюдать выгоду великого князя; 3) от города Свияжска не отступать; 4) дани всякие и оброки черным людям платить, как прежним царям платили и как новый государь им повелит; 5) русских всех пленных освобождать и никак у себя русских не держать. И, чтобы показать свою верность Ивану IV, горные люди должны были все собраться и идти войною против Казани. По приказу из Москвы наблюдать за их походом послали Петра Турова и Алексея Ершова в качестве надсмотрщиков. Казаки их перевезли через Волгу у деревни Тарлаши.

В июле 1551 года, продолжает летописец, татары, чувашы, мари Горной стороны пошли на Арское поле к городу, а против них вышли все казанские люди—крымцы и казан-цы. Произошло сражение, из города вывели пушки и пищали—и, не выдержав такой стрельбы, горные люди побежали. Казанцы убили их “человек со сто”, а с пятьдесят живых поймали В это время Шах Али и воеводы стояли на Гостином острове и [за Волгой] на Тирен-Узьяке. Отряд горных людей был перевезен ими на правый берег, а затем их люди были отправлены в Москву с рапортом, что они показали усердную службу свою. Все лето человек по пятьсот и шестьсот ходили в Москву и царь их жаловал, поил и кормил за своим столом “князей и мурз и сотных казаков жаловал шубами с бархаты и с золотом, а иным чувашы черемис камчаты и атласные, а молодым однорядки и сукна и шубы бели; а всех государь пожаловал доспехи и коими и деньгами”.

Пока не было войск на Свияте, горные люди не делали такого шага. Да и в другом месте сами “Царственная книга” и “Летописец начала царства” утверждали, что Горную сторону государь “Божиим милосердием да саблею взял до их челобития”. Факты доказывают, во-первых, то, что завоевание Казанского ханства началось с отторжения Горной стороны и по заранее подготовленному и глубоко продуманному, правительством плану; во-вторых, это отторжение осуществлялось в условиях отсутствия точного, ясного и добровольно выраженного согласия народа; и, в-третьих, делегация была не от какого-то народа, а от населения всей Горной стороны, включая татар, а ее возглавил татарин

ПСРЛ. Т. 13. С. 165. Там же. С. 165—166 и 467. ' Там же. С. 167, 468; Т. 29. С. 64.

Махмут. В Москву были отправлены Махмут Беззубов и Ахкубек Тугаев с товарищами, а повел их Г. С. Плещеев. Делегация била челом Ивану IV “ото все Горные стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашей и черемисы и казаков, чтобы государь гнев свой отдал, а велел бы у Свияжского города быти... им от государя неотступны быти и к Казани от Свияжского города не отложитися”. Иван IV дал свое согласие, “воевать их не велел”,-своей грамотой с золотою печатью освободил от ясаков на три года, а Махмута с товарищами пожаловал великом жалованием, шубами и деньгами'. Раздача подарков продолжалась и в дальнейшем. Это была широкая программа подкупа части населения Казанского ханства.

Немаловажное место в плане взятия Казани имело и окружение Казани со всех сторон воинскими командами и казаками на перевозах. Горная сторона вынуждена была воевать против Казани, последняя потеряла всякие связи с областями и государствами: “приезду ни ис которого государства нет, ниотколь помощи себе не чают”, потому что -“люди великого князя Волгою от Василя-города и на Каму, а Камою вверх по Вятку и Вяткою вверх по всем перевозам”. Таким образом, Казань вторичным, уже по собственной земле, кольцом сторожевых отрядов, была опоясана русскими. О более глубоком охвате русскими землями Казанского ханства мы говорили выше. Первый охват играл бы в дальнейшем роль мирногострапространения местного населения или русских земель в сторону Казани. Второй охват представлял собой не мирное проникновение, а военный пояс по важнейшим артериям Казанского ханства; по Волге, Каме, Вятке стояли воинские команды, и казанцы не могли по ним ездить, торговля была прекращена, селения и районы оказались разобщенными, подвоз продуктов прекратился, столица оказалась в блокаде.

Зимой 1551 года правительство Утямыш-Гирей хана и ногайский князь Юсуф направили в Москву послов с просьбой о мире. Однако положительных результатов не добились^. Положение Казани вызывало большие волнения, “начата рознь” между казанцами и крымцами, в помощь казанцам пришли даже арские люди, для борьбы с крымцами. В бою на царском дворе крымцы побили их, и многие князья и мурзы начали переходить к русским. Последние всех их устраивали в Свияжский городок. Крымцы видели, что положение для них безвыходное, рано или поздно про-

тив них могло подняться все население. Крымцы, видя, что “им от казанцев быти отданными государю” Москвы, решились на бегство. Триста человек “уланов и князей, и азеев, и мурз, и казаков”, оставив свои семьи, бежали из Казани'. Надо думать, крымских феодалов убежать из Казани вынудила борьба городских низовых масс, им помогали и арские жители. Очевидно, борьба была ожесточенная, власть державшие не выдержали ее. Прибежали к Каме, там их' не Пустили, добежали по Каме до Вятки, там их также встретили сторожа московского царя, а именно БахтиярЗюзинс вятскими служилыми людьми и казаками. Бахтияр Зюзин отряд Кошак-углана наголову разбил: некоторых убили, некоторых потопили, а Кошак-углана самого да Барбулсон-углана, князя Тарчи-батыра, Ишмухаммет-мурзу и других угланов и князей, всего 46 человек, пленили и отослали в Москву, где их всех казнили. Таким образом, правление Кошак-углана в Казани кончилось и власть перешла в руки Худайкул-углана и князя Нурали Ширина, сына князя Булата.

Новое временное правительство немедленно отправляет делегацию в Свияжск и, чтобы спасти Казань и госудаство, идет на крайние меры: оно соглашается отдать Москве младенца-хана Утямыш-Гирей с его матерью Сююмбикой и просит на их место Шах Али. Во главе депутации стоял сам Кулшериф, глава казанского духовенства тех лет, и тюменский князь Бибарс Растов. Шах Али в Свияжске договорился с ними так: 20 дней они не будут воевать, за это время казанцы пошлют в Москву мирных послов. Поехал в Москву Юлбарс-мурза, сын князя Растова и с ним воеводы послали Я. Губина. Челобитная казанцев гласила: “Царю государю великому князю Ивану Васильевичу всея Руси Кудайгул-улан в головах да Нур-АлиИ князь и вся земля казанская, моллы и сеиты, шейхы и шейхзаде, и молзаде, имамы, азии, абызы, князи и уланы, мурзы иички и дворяне, и задворные казаки и чюваша и черемиса и мордва и тарханы и мошары и вся земля Казанская тебе, государю, челом бьет, чтобы государь пожаловал, гнев своѳ отдал, а дал бы им царя Шахалея на царство, а Утямыш-Гирей бы царь да с матерью государь взял к себе, а полону бы русскому воля дати, а в неволлю бы .государь пожаловал, не имал, а крымцев дос-тальных и жены их и дети отдати государю”. Правительство Ивана IV согласилось на эти условия, и, чтобы посадить на-царство Шах. Али, отправился видный

' перл. т. 13. с. 165, 466. "

ПСПЛ. Т. 29. С. 59. .

• перл. т. 13. С. 166.
^ ПСПЛ. Т. 13. с.
468:

деятель правительства Алексей Адашев. Шах Али получил только половину царства, то есть Луговую сторону со столицей Казанью с Арской землей. А Горная сторона непосредственно подчинялась свияжским воеводам и объявлялась подвластной Московскому государству. Однако Шах Али попытался было просить Горную сторону под свою руку, но ему ответили, что она уже взята саблею государя. Летописец сообщает, что Алексею Адашеву, царю и воеводам велено было говорить “о иных многих делах”. В Сви-язжск прибыло большое посольство Худайкула и Нурали Ширина из Казани, они также говорили о многих вещах, но главная их просьба была оставить Горную сторону Казани. Алексей Адашев и другие бояре твердо отвечали на все просьбы казанцев отрицательно: “тому делу инако не быти, что государю бог дал, того ся ему не поступить”, делать не по государевой воле нельзя, а то он “хочет на ту осень ратию со всеми людьми”. Это последнее указание “Царственной книги” указывает на то, что Шах Али царский престол занимает временно, что уже не было в мыслях великого князя оставлять далее Казанское ханство самостоятельным.

Дальнейшие события только подтверждают это. После двухдневных переговоров решили: 1) царя Утямыш-Гирея с матерью и всех крымских детей привести и сдать в Свиязжск; 2) всех русских пленных, что были в Казани, освободить и сдать их в Казанском Устье; 3) всем казанцам выйти на устье Казанки и там встретить царя Шах Али и утвердить окончательный договор. Оставлен был для дальнейшего вмешательства один повод: если государю известно станет, что пленных всех не освободили, то он будет “воевать Казань сколько ему бог поможет”. 11 августа Худайкула и Нурали Ширина отослали, а в Свиязжске воеводы встретили младенца царя и царицу, а также детей крымцев. На следующее утро их повезли в Москву, куда прибыли 5 сентября 1551 года. Их сопровождали Костров-князь и Алимардан-азей, а из русских—воевода князь П. Серебряный с большим войском.

13 августа 1551 года все войско московское во главе с Шах Али стало от устья Казанки до Бишбалты и вверх две версты, и на Царевом лугу. Эти предосторожности и военная демонстрация были предприняты для подавления возможных выступлений на собрании “всей земли Казанской”. По договоренности в Свиязжске 14 августа в устье Казанки

• перл. т. 13. С. 469. " Там же.

казанцы должны были принять Шах Али и дават присягу на поставленных условиях и, главное, решить вопросе Горной стороне. На место собрания прибыли: 1) духовенство во главе с Кулшер^фом; 2) угланы во главе с Худайкулом; 3) князя и мурзы с Нурали во главе. Еще 13 августа, когда войска подошли к Казани, Шах Али послал в город своих людей: дворецкого Шахбаз-князя Шамова и конюшего князя Битикея, чтобы подготовить царский двор для него. Когда они в кремле выполнили свою задачу, наследующий день в устье Казанки шли горячие переговоры о Горной стороне: “все они (казанцы—С.А) стали о Горной стороне говорить, что того им учинить не можно, что земля разделить”*.

Это была последняя попытка казанцев спасти целостность государства. Казанцам много раз приходилось вести дипломатические переговоры, но никогда еще эти переговоры не были столь опасными. От них требовали согласия на раздел государства и подчинения одаой половины его Московскому великому княжеству. Но под грозным видом войск казанцы вынуждены были дать присягу и подписать грамоты о том, что им в Горную сторону “не вступатися и половины Волги, а ловцам ловити по своим половинам”, то есть не только нельзя было переходить Волгу, но и Волга сама была разделена пополам. Бояре казанским князьям, как и следовало ожидать, далее ответили, что город государь на Свиате поставил, а горные люди. государю побили челом, и “горные люди вас и воевали”*.

Вторым важным пунктом договора было освобождение всех русских пленных на всей территории Казанского ханства. По его условиям, их должны были в первую очередь освободить казанские князья, а затем все другие до единого человека. А если кто-либо скроет, “того казнити смертию”. Если казанцы не станут освобождать всех пленных, то русское правительство намеренно объявляет войну. Таким образом, под страхом смерти и войны было отменено христианское рабство. После собрания “всей казанской земли” по условиям договора начали являться к воеводам к устью Свиати рядовые люди “казанские по сту человек и по двести и по триста, а не вдруг и к правде ходили три дня”, то есть присягали на тех же условиях, на которых “дали шерть”, князья, духовенство, углаи и мурзы 14 августа.

• перл. т. 13. С. 169. . " Худяков М. Очерки... С. 129. " ПСРЛ. Т. 13. С. 169. * Там же. С. 169, 470. ' Там же. ' Там же.

Когда основная масса населения присягнула. Шах Али и воеводы считали возможным въезд его (Шах Али) в Казань и вступление в третье свое правление, но насовсем других условиях, чем прежние. В столицу был введен иностранный гарнизон—300 человек касимовских татар, 200 человек русских стрельцов во главе с воеводами Ю. М. Голицыным и И. И. Хабаровым и дьяком И. Г. Выродковым. Они в тот же день 16 августа 1551.года “Шах Алиа на царство поставили”*. 17 августа по требованию этих воевод новый хан послал приставов по городу, чтобы собрали русских пленных в царский двор, освободив их у князей идрупсс казан-цев. В тот день было выдано боярам 2700 человек. После освобождения основной массы пленных русские воеводы с радостной вестью (сеюнчей) послали к великому князю и царю гонцов, которые 28 августа доложили в Москве, что весь плен христианский освободили и у государя была “радость велика”. Летопись далее сообщает, что по спискам выдачи хлебного провианта, которые велись в Свияжске, было освобождено с Горной стороны и всей территории Казанского государства 60 тыс. русских пленных. Насколько преувеличила официальная летопись цифру пленных, или насколько приписали раздатчики хлеба эту цифру (а это вполне возможно было, так как бояре или дьяки тогда очень охотно стали злоупотреблять казной, в том числе и хлебом для личного обогащения), нам неизвестно. “Казанский летописец” проводит еще более надуманную цифру—100 тыс.’ Но даже цифра 60 тысяч кажется завышенной. Во-первых, в самой столице, где большинство русских пленных использовались как дворовые и ремесленники, было их только 2 тысячи 700 человек. Наверное, от глаз приставов мало кто остался незамеченным, пленные и сами были заинтересованы в освобождении, и укрывшие их хозяева находились под угрозой смертной казни, операция совершалась под напором огромного войска, стоявшего под городом; во-вторых, пленные не могли не быть освобождены, при больших походах 1545/ 1546, 1547—1548 гг., которые проходили по всей территории Казанского ханства. И, кроме того, в годы протектората (1532—1536 гг.) бывшие пленные в Казанском ханстве, очевидно, были освобождены, и за предшествующие 1537—1544 годы вряд ли Сафа-Гирей хан мог их захватить до 60 тыс. человек. В связи с этим возникает вопрос— не предпринято ли распространение таких версий о количес-

тве пленных, чтобы поднять престиж царского самодержавия в глазах народа, и не одна ли это из мер идеологической обработки и поднятия настроения простого русского народа, направленная против существования Казанского ханства. Если мы вспомним действия церковников по распространению разных слухов о чудесах и свяжем с ними последующие действия правительства по вопросу о пленных, наша постановка вопроса вполне оправданна.

Итак, в Казани начал править служилый царь Москвы Шах Али. “Дляуправных дел” остались-роевода боярин И. И. Хабаров и дьяк И. Выродков, которые безотлучно находились при царе. Князь Ю. Голицын со всеми утвержденными красной печатью грамотами отправлен был в Москву. Скоро и войска с воеводами отправились обратно вверх по Волге, осада была снята. В Свияжске остался (большой) воевода С. Микулинский с определенным числом войск, со своими помощниками—воеводами и дьяками, которые должны были управлять Горной стороной по русскому образцу. Но с этим никак не могли согласиться в Казани. В сентябре того же 1551 года Шах Али хан послал своих гонцов ^Москву с сообщением о том, что посылает больших послов Ивану IV—большого "карача (главного министра) князя Нурали Булатовича Ширина, дворецкого царя Шахбаз-князя Шамова и государственного секретаря Казани большого бакши Абдуллу—с просьбой о Горной стороне. В то же время бояре и дьяк Выродков прислали от себя гонцов с грамотой, где обвиняли казанцев в невыполнении условий договора об освобождении пленных: якобы они их укрывают, а Шах Алихан, боясь волнений, не карает таких людей. Правительство дало согласие на приезд большого посольства и одновременно послало со специальной инструкцией.боярина Д. Ф. Палецкого и дьяка с ним. Палец-кий вез подарки царю и царевне, которую Шах Али хан взял в Казани (жену Сафа-Гирей хана, но не Сююмбике), князьям и другим влиятельным лицам. Большими подарками и лаской, а если понадобится—угрозами, Палецкий должен был добиться, чтобы: 1)казанцы забыли о Горной стороне и не говорили об этом; 2) всех пленных полностью освободили бы, иначе царь и великий князь всей силой вновь пойдет на Казань; 3) Казань стала бы как Касимов город “крепко” за государем и в этом Шах Али хан предпринял бы всякие меры; 4) И. Хабарова отпустили бы в Москву, а вместо него останется Д. Палецкий с новым наказом, что и как делать’.

ПСРЛ. Т. 13. С. 171, 471—472.

* ПСРЛ. Т. 29. С. 65.

^ ПСРЛ. Т. 13. С. 169, 470; Т. 29, С. 66. •" Казанская история. С. 97.

В октябре прибыло в Москву казанское большое посольство во главе с большим карачем князем НуралиБулатови-чемШириным. Они просили от имени Шах Али хана и всех казанцев, чтобы: 1) если Горную сторону русские не отдадут, то разрешили бы собрать ясак, хотя бы частично; 2) царь-государь принёс бы присягу в соблюдении договора так же, как присягнули казанцы. Оба главных пункта просьбы послов не были выполнены русским правительством. От имени Ивана IV князь И. В. Шереметьев, Алексей Адашев и дьяк И. Михайлов казанским послам ответили, что царь с южной стороны ни одной деньги не отдаст, а присягу царь даст тогда, когда в Казани освободят пленных, и послы будут в Москве до тех пор, пока это последнее не осуществится.

Создается впечатление, что правительство и не думало об установлении таких отношений, какие бывают между Двумя государствами. Были ли и сколько было оставшихся пленных, которых якобы, по выражению Хабарова, казанцы куют и по ямам полон хоронят”, none это было главное. Правительству нужен был повод для ликвидации татарской Казани. Он и был найден в виде так называемого “полон”. Казанские послы и сам Шах Али хан никогда ни разу не говорили о наличии пленных в Казани после августовского их освобождения. Выполнив наказ правительства по этому доводу, Хабаров вернулся в Москву. Интересно, что Хабарова обвинял Шах Али хана, что он ни одного человека не убил, не казнил, якобы-боясь волнений. Это выполнил Д. Палецкий.

В начале ноября в царский дворец в Казани были приглашены на пир знатные князья, мурзы и угланы. И здесь ханская стража и стрельцы устроили резню—многие были заколоты, зарезаны во дворце, успевшие выбежать расстреляны во дворе стрельцами. Убийства произведены были также в частных домах. Были убиты известные князья сибирского происхождения Бибарс и Юлбарс Растовы, Ка-дыш-батыр и Карамыш-углан и другие. Репрессии продолжались и на следующий день, из-за чего некоторые бежали к Ивану IV, некоторые к ногайцам, а всего было убито, продолжает летопись, 70 человек. “Казанский летописец” сообщает, что был казнен также и сеит^но это очередной вымысел памфлетиста, так как сеит Кулшериф был еще жив при падении Казани. Это избиение было определенно организовано, мягко говоря, с ведома боярина Палецкого; его

люди окружили дворец [при избиении] и, кроме того, такое избиение без ведома и поддержки боярина, было бы невозможно вообще. Его же 'стрельцы расстреляли выбежавших из дворца во двор. Это известие было получено в Москве 14 ноября 1551 года. Шах Али хан и Палецкий сообщили, что избиение совершено потому, что Растовы и другие начали сноситься с ногайцами и хотели убить их. Однако в ногайских делах, в переписке ногайских мурз с Иваном IV, которая велась тогда очень интенсивно, об этих событиях никаких известий” не имеется. По доносу Шах Али хана и Палецкого в Москве было задержано также большое посольство (“...что Нурали и Костров—их же дума”, т. е. заодно с Растовыми-заговорщиками, “чтобы государь не отпускал: царю он в Казани не надобе”).

Таким образом, Казань была лишена своего большого карачи, то есть главы правительства. Последнему ничего не оставалось делать, кроме как писать заявление с просьбой, чтобы их оставили в Москве и его семью привезли сюда, а они будут служить государю. Когда глава казанского правительства остался в Москве, один из правителей Московского государства и активный деятель восточной политики России Алексей Адашев вновь поехал в Казань “делать свое дело с Казанью”. В Казани начались переговоры совсем уже в другом плане. По наказу великого князя, царя Ивана IV Алексей Адашев требовал, чтобы Шах Али “Казань крепко устроил государю (то есть Ивану IV—С. А.) как Городок” (то есть как Касимов), для этого пустил бы в Казань русское войско. Шах Али хан объяснил, что он не может править Казанью без Горной стороны, что казанцы без половины, государства не потерпят его на троне. А. Адашев на это ответил, чтобы он,, раз не может править, пустил в город русские войска. Шах Али хан ответил: “Я сам мусульманин, а казанцамуже “загрубил” (то есть совершил избиение— С. А.у, как же мне своим изменить, тогда я сам жив не останусь. Мне останется один путь: бежать к Великому князю, государю Ивану IV”. В переговорах выяснилось и то, что “христианский полон” держат в Казани городские, то есть касимовские татары, гвардия самого Шах Али. Получив у последнего обещание уничтожить в Казани еще одну группу людей, перепортить пушки и пищали и оставив Черемисинова с его стрельцами “беречь царя от казанцев”, А. Адашев и Д.Палецкий поехали обратно в Москву.

• ПСРЛ. Т. 13. С. 172, 472. " ПСРЛ.
Т. 13. С. 172—173, 473.

Проезжая Свияжск, от служилых людей Чапкына и Бурна-ша они получили сведения, что казанцы Шах Али хана совсем не любят, весной хотят ему изменить. Действительно, Шах Али хан, будучи русским ставленником, жил в казанском кремле во враждебном окружении, опираясь только на силу.

В январе 1552 года большие послы в Москве Нурали-князь Ширин, Костров-князь и Алимардан-азей выступили с новым заявлением, что они получили приказ от всей казанской земли. Они говорили, что не могут ехать в Казань, боясь хана Шах Али, и просили великого князя, чтобы он “Шигаля свел с Казани, а дал бы им наместника боярина своего, а держал бы их также, как и во Свияжском городе”^{*}.

Казанцы, проживавшие в это время в Москве в количестве 300 человек, очевидно, связались с князьями Чапкыном и Бурнашем, которые служили в Свияжске и имели контакты с самой Казанью. Шах Али ханом они не были довольны говорили, что он их, тсазанцев, убивает и грабит, насильственно забирает жен и дочерей. Им казалось, что русский правитель (наместник, воевода) лучше будет, чем этот ненавистный хан. Московскому правительству такой оборот дела подходил как нельзя лучше. Можно ставить вопрос и так: не само ли оно подготовило послов в Москве, служилых князей в Свияжске, чтобы они сделали такое заявление? Ведь задача состояла в том, чтобы присоединить вторую половину “Казанского ханства. Русские послы от Шах Али хана постоянно требовали, чтобы он сделал Казань, как город Касимов, русским городом, “укрепил государю”, испортил артиллерию и порох. Раз Шах Али хан из-за сохранения овец жизни не потел на открытую измену, то был поднят вопрос о сведении и замене его русским правителем.”

Начались срочные переговоры московских бояр с Нурали Булатовичем Шириным и его сторонниками. Казанские князья предлагали такой план: 1) великий князь отзовет из Казани царя Шах Али, если тот добровольно не оставит престол^{*} то вывести из Казани русский гарнизон. В этом случае Шах Али хан сам сбежит с престола, так как казанцы сразу выступят против царя, не имеющего русской поддержки; 2) затем они отправят из Москвы своего человека к жителям Казани с определенными предложениями. В том, что эти предложения будут приняты в Казани, князья ручались своей головой. В то же время этот гонец должен был готовить город для сдачи наместнику; 3) после установле-

ния правления наместника, то есть русской власти, будет определяться, кому “в городе и на посаде жити”, кому “по селам всем итти”⁴⁾; русский наместник будет ведать также всеми доходами казанской земли; 5) право наделения земель, раздачи выморочных и свободных поместий передается не наместнику, а самому царю¹.

Таким образом, в глазах князей устройство казанской земли и после передачи власти русским феодалам представлялось вполне автономным и им казалось возможным сохранить мусульманскую администрацию во главе с русским воеводой. Только один пункт выдвинутого им плана—передача права наделения земель (основной вопрос для Русского государства) центральной власти ограничивал местную власть. Другие все вопросы ведения внутреннего управления передавались местной администрации во главе с наместником. О внешней политике даже речь не шла. Она целиком и полностью переходила в ведение центральной власти. Небезынтересен пункт о том, кому где будет разрешено жить после установления русской власти. По-видимому, в Москве со стороны центральной власти были выдвинуты какие-то положения о сокращении числа мусульманских, жителей и увеличения русского населения в городе. Большие послы в Москве добровольно выдвинули этот план или их вынудили—мы точно не знаем. Может быть, и добровольно, так как они в Москве видели приготовления целиком[^] овладеть Казанью и растущую мощь Московского царства, видели и слышали настроения московских феодалов против Казани, распространение разных слухов о взятии, принадлежности города Русскому государству. Они, может быть, подумали, что перед этой силой Казань не могла бы устоять и как-то ее надо спасти путем добровольного, но терпимого подданства. Как бы там ни было, Нурали-князь и Костров договорились с правительством Ивана IV на вышеуказанных условиях, после чего в Казань отправился все тот же Алексей Адашев. От себя послы в Казань с грамотой отправили Терегула. А. Ф. Адашев, приехав в Казань в феврале 1552 года, от имени Ивана IV требовал от Шах Али хана, чтобы он в город впустил русские войска, сам ушел к великому князю, который ему все отдаст, что Шах Али ни похочет[^]. На это последний ответил, что он в мусульманский город русские войска не пустит, самому ему в Казани также жить далее нельзя, казанцы

ПСРЛ. Т. 13. С. 174, 474. ^
Там же.

уже послали в Ногаи просить нового царя и он поедет в Свияжск, иначе ему быть убитым в Казани.

Таким образом, А. Адашев свое дело выполнил только наполовину: низложил царя, но не сумел впустить в город русские войска. Шах Али хан определенно боялся, что поднимется народ и сам он жив не останется. Но выйти из Казани ему также надо было осторожно. Да и выполнить нужно было обещание свое о передаче и перепорче пороха, пушек, пищали и уничтожить не годных русским людей. Ночью под стражей стрельцов они переправляют в Свияжск большие крепостные пушки, портят пищали и порох. А днем 8 марта, захватив с собой 84 человека князей, мурз и других видных людей, он выехал из Казани на озеро якобы ловить рыбу, но это было для этих людей ловушкой. Они все оказались под охраной русского гарнизона в 500 человек, стрельцов, выехавших также из Казани с Шах Али ханом. Шах Али хан пленным казанцам говорил) что он их свезет к Ивану IV и “с вами там и управимся”*. Так с ними он прибыл в Свияжск.

В тот же день свияжский большой воевода Семен Иванович Микулинский по распоряжению, надо думать, Адашева, отправляет в Казань двух казаков-татар с грамотой, где объявлял, что царь и великий князь по просьбе казанских людей низложил царя Шах Али и назначил его, Семена, наместником, и чтобы все казанцы шли бы в Свияжск принять присягу.

Казань не сопротивлялась и изъявила желание подчиниться, но просила, чтобы отпустили в город Чапкына Отучева и Бурнаша для принятия присяги с жителей.

7 марта Чапкын и Бурнаш прибыли в сопровождении И. Черемисинова и приняли присягу с “лутчих людей”. На следующий день из Казани в Свияжск прибыли эти “лутчие люди” с Худайкул угланомво главе, Черемисиновым, Чап-кыном и Бурнашем. Договорились на тех же условиях, которые были выдвинуты раньше. Казань должна была стать как иные города великого князя. В то же время воеводы требовали, чтобы семья Шах Али до прибытия в город наместника С. Микулинского была прислана в Свияжский город, то есть кремль должен был быть очищен от мусульманства. Кроме того, определенное число княжеских дворов должно быть освобождено для раздачи русским воеводам и детям боярским[^]. С этими наказами И. Черемисинов с толмачом, Чапкын и Кул-Али-князья, а также еще

некоторые дети боярские—8 человек, поехали обратно в Казань привести всех остальных к присягой строго вести наблюдение над населением: нет ли какой-нибудь противности, не подготавливается ли отпор готовым к въезду в город войскам.

В ночь на 9 марта И. Черемисинов сообщал из Казани, что в городе все в порядке, царицу отпускают, дворы освобождают, сельские люди разъезжаются по Домам. Одновременно он просил, чтобы бояре из Свияжска прислали провиант, имущество и казаков с пищалами “на всякое дело” в царском дворе¹. Было выслано 70 казаков с пищалами и имуществом и боярскими детьми во главе. 9 марта к Казани двинулись все полки под начальством воевод С. М. Микулинского, И. В. Шереметева, П. Серебряного, ф. Ромодановского и все казанцы, которые выведены были Шах Али ханом 6 марта. На Волге встретили казанских больших людей Шамси-князя и Хан-Кильды, а также царицу и отпустили последнюю в Свияжск.

Воеводы с полками достигли слободы Бишбалта. С Волги до Бишбалты подходили все новые и новые полки. В это время (зт воевод оторвались и поехали в Казань князья Ислам и Кибяк, мурза Аликей—брат Чуры Нарыкова. Летописец здесь обвиняет казанских князей; указанные лица от боярского бережения утекли “потому[^] что все их князи выручили”[^]. Въехав в город, они заперли ворота и доложили казанцам, что подлинно знают “намерения русских воевод: слышали от касимовских татар или от самого Шах Али, что воеводы всех. хотят уничтожить, “всем быти побитыми”[^]. Опровергая это, летописец пишет, что у бояр “того в мысли не было”, чтобы уничтожить вас всех. “Им только лиха которого не будет, и им всех жаловати”[”]. Но “лихо” какое-нибудь в ту пору всегда могло быть, если нет, то его найти или оргаввизовать всегда можно было. Поэтому указанное опровержение звучит очень слабо. Кроме того, ведь давно тот же летописец приводил мысль о том, что “казанцы безбожные если “не тако сотворите, потреблены будете от него” и что “мадо число от пагубы гонзнет вас” и т.д. Город сделать русским было решено раньше, а именно осенью 1549 года на боярской думе. Проведенные мероприятия после 1549 года показывают и доказывают не только стремление к полному подчинению Казани, но и стремление

• ПСРЛ. Т. 13. С. 175, 475. “ Там же. ’
Там же. ’ * Там же.

’ ПСРЛ. Т. 13. С. 174, 474. ” Там же. С.
175, 475..

превращения ее в русский город. Иначе непонятно, зачем нельзя было терпеть служилого сподручного правителя Шах Али, который выполнял почти все требования царского, правительства, зачем все время воеводы и Алексей Адашев стремились к размещению русских войск в кремле, зачем послы в Москве уговаривались, кому где жить, в городе или в селе, зачем начали освобождать княжеские дворы, зачем требовали, чтобы Казань стала, как Касимов, городом государевым, испортить порох, вывезти пушки и пищали, уничтожить группы людей и т. д.

САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ КАЗАНИ И ПОСЛЕДНИЙ ПОХОД ПРОТИВ НЕЕ

Если мы вспомним идеологов дворянской и монастырской экспансии (И. Пересветова и др.), то их высказывания относительно Казани вполне соответствовали тому, что узнали о ней в Свияжске князья Ислам и Кибяк. По прибытию в Казань к ним сразу же примкнул и Чапкын-князь Отучев, более долгое время находившийся среди русских. Подъехавших с полками воевод на Булаке встретил И. Черемисинов и Кул-Али-князь. Они сообщили, что до сего часа все было в порядке; только что “прибежали от вас князи” и начали говорить о предстоящем избиении казанцев русскими полками. С ними здесь находились и другие князья, только Чапкын в городе остался”. Бояре с Булака подошли к Царевым воротам, которые были затворены, а казанцы на стенах занимали уже оборонительные позиции. Воевод встретили здесь Худайкулуглан, Долиман и другие князья, которые уверяли, что надо подождать, население можно будет уговорить. Уговорить жителей послали князей Бурнаша и Худайкула углана, которые возвратившись, сказали воеводам, что люди боятся, а их не хотят слушать. Были и другие [ссылки] и переговоры с казанцами. Воеводы стояли полтора дня под стенами Казани, но все безрезультатно. Тогда, арестовав всех казанских князей и мурз, которые находились при боярах—Худайкула, Долимана с сыном, Шамсия, Чуру Кадыева, Богдана Арского Ханкильдея-князя и других, воеводы 12 марта возвратились с войском в Свияжск. По прибытии туда всех казанцев “в тюрьму пометали”.

• ПСРЛ. Т. 13. С. 175, 475.

"Имя арского каязя может быть искажено на русский лад (может быть, было Багдай, Борган и т.п.)." ПСРЛ. Т. 13, С. 176, 476.

Летописец и “Царственная книга” писали, что в руках казанцев остались провиант (куш) и боярские дети, отправленные заранее из Свияжска, что они в посаде никому зла не чинили, соблюдали крестовое целование. Но они не писали о том, что казанцы также никому зла не чинили, когда стояли наместники войска под крепостью, не стреляли ни из пушек, ни из пищалей, и это уже тогда, когда опять встали на путь самостоятельности. Они не писали также и о том, что казанцам, может быть, в это время необходима была одна только искра, чтобы стать на этот путь. Ведь когда русские воеводы сообщили о спокойствии среди казанцев при подготовке их к сдаче своего города чужим феодалам, они не могли знать устроений населения. “То спокойствие, о котором говорили русские донесения, было насыщено мрачною жутью”, охватившей народ перед потерей свободы. И вот прибегают трое—Ислам, Кибяк и Аликей Нарыков, брат известного государственного деятеля Казани Чуры Нарыкова, и перед лицом русского наместника и войск производят переворот не столько в правительстве, сколько в политике. Когда более видные государственные деятели Худайкулуглан и Бурнаш-князь убеждают население в необходимости подчиниться силе, что противоречие с русскими поведет вообще к гибели и поэтому надо спасти город с его жителями, то население Казани ради свободы и независимости предпочитает войну насмерть, но нерабство.

Кто тут был прав: проводившие дальновидную политику Нурали Булатович Ширин, предлагавший мирное присоединение Казани к Русскому государству, так и не вернувшийся в Казань из Москвы с товарищами и с сторонниками в Казани—Худайкул угланом, Бурнаш-князем во главе, или горячие головы Ислам, Кибяк, Аликей Нарыков и присоединившийся к ним из семьи видных государственных деятелей Чапкын Отучев, предлагавшие решительное сопротивление присоединению. Нам кажется, первая группа феодалов повела более реальную политику. Но... разобраться надо именно в этом “но”. Дело в том, что за какой-нибудь час сторонники Чапкына смогли сделать свое: население целиком поддержало их, а не Худайкула и Бурнаша. Действие Черемисинова и его охраны, надо думать, было парализовано грозным выступлением населения города. Выше было показано, что в Казани воинские силы находились в руках князей. Ко времени описываемых событий многие власть предержащие князья были уже ликвидированы,

' Худяков М. С. Очерки... С. 138.

крымские выходцы также потеряли былую силу. В Казани остались, немногие влиятельные люди, но они, будучи патриотически настроенными, смогли повести за собой само население города. Таким образом, действия отдельных смельчаков переворота совпали с чаяниями и умонастроениями народных масс, и это обеспечило им легкий успех. Свобода и независимость Казани была спасена, но на время. Присоединение было отсрочено на семь месяцев. Однако в дальнейшем оно уже не могло осуществиться мирным путем, а должно было произойти насильственно. Хотя и по первому варианту, то есть по представлению Нурали Ширина с его сторонниками присоединения мирным путем, казанцы ничем не были гарантированы от насилия, все же: второй вариант присоединения, то есть насильственный захват, был более ужасным по своим последствиям.

Итак, рухнула идея части казанских князей о мирном присоединении, об автономии Казанской земли. Начался период борьбы не на жизнь, а на смерть.

Правительство Чапкына Отучева, понимая невозможность урегулирования вопроса мирным Путем, сразу же поставило перед собой три основные задачи: 1) посадить на престол нового хана; 2) вернуть под свой контроль Горную сторону; 3) покончить с русским засильем и готовиться к войне с ним. В этих целях сразу же отправляется посольство к ногайцам с просьбой выслать с послами в Казань кандидатуру на царский престол из династии царей. В самой Казани, как известно, после ликвидации болгарских царевичей, не было своих людей из царских династий. По традиции, принятой на Востоке, царями могли стать только люди из какой-нибудь династии. Их осталось много на земле бывшей Золотой Орды—в Крыму и Ногайских степях. На этот раз казанцы не обратились в Крым, зная, какой резонанс получит этот шаг в грозном западном соседе. Обратились к Астрахани, чтобы отпустили царем в Казань царевича Едигера, бывшего в 1542—50 гг. на службе у Московского великого князя и участника походов русских на Казань в 1550 году. Но для Москвы было уже все равно откуда и какой царь взят. Правительству Ивана IV уже не было таким, каким было - правительство Василия III или Ивана III, и не было намерено “терпеть такое угодие, подрайскую землицу у себя за пазухой” как Казанское ханство.

Едигер (или Ядыгар, Ядыкар) приехал в Казань той же весной 1552 года. По Волге, Каме и Вятке везде стояли сторожевые посты Москвы, и Едигеру со своими людьми пришлось с помощью казанцев перейти через Каму тайно.

Небольшая часть его отряда была перебита. В Казань он приехал с отрядом в 500 человек. Ему было тогда примерно 30 лет, являлся он правнуком известного хана Ахмата'. Казанцы последний раз посадили на трон добровольно избранного царя. В его правительство вошли: Кулшериф сеит, князя Чапкын Отучев, Аликей Нарыков, Ислам, Дервиш, ногайский князь Зениет (Зиният, Зяйнаш), сибирский князь Кибяк. Еще до прибытия нового хана это правительство начало принимать энергичные меры по возвращению Горной стороны. С этой целью вооруженные небольшие отряды стали переходить через Волгу “отводить горных людей от государя”. Одну партию горные люди побиили, пленных главарей—Шах Чуру князя и Шамаю мурзу привели в Свияжск, где их воеводы казнили. Однако в том же июне месяце в Москве было получено известие, что Горная сторона совсем отложила. Люди все “волнуются, многие ссылаются с казанцы, а во всех правды мало чяют, и непослушание в них великое”. Соединившись с правобережным народом, казанцы стали нападать на сам острог Свияжск. Горные люди, далее пишет летописец, “сложились с Казанью”, захватили на лугах у Свияжска стада “воеводские и детей боярских”, приведенные и отобранные у населения для заготовки питания; посланный против них отряд русских казаков потерял 70 человек и пищалей. Ехавший из Камской заставы в Свияжск за продуктами отряд казаков из 30 человек также был захвачен с пищалами и привезен в Казань. Таким образом, Свияжск остался как русский форпост на Горной стороне, но без нее. Все усилия Московского правительства по покорению Казани в течение года пока что не привели к главному: ни к расчленению государства, ни к взятию самой Казани.

Отпадение Горной стороны от русских воевод еще раз доказывает, что народы правобережья Волги были покорены воинской силой, а не присоединились добровольно. Как только они почувствовали, что Свияжск не может господствовать над ними, сразу же после принятия некоторых активных мер со стороны Казани опять перешли под ее управление.

В самой Казани все русские люди, которые остались в городе при закрытии ворот и вновь плененные в количестве 180 человек, за исключением некоторых бежавших в Свияжск, были казнены. Имущество, присланное для намест-

^ Вельяминов-Зернов В. В. Исследования... С. 316 и 370.
'ПСРЛ.Т.13.С.177,476.' Там же.

ника 9 марта, было разделено между казанцами. Казань порвала всякие отношения с русскими воеводами и готовилась к активной обороне.

В Москве весть о казанских событиях была получена 24 марта 1552 года. Сразу же правительство начинает принимать энергичные меры по осуществлению своей цели. Вновь по рекам и перевозам были отправлены усиленные отряды. В Свияжск был откомандирован шурин царя Д. Р. Захарьин-Юрьев с подкреплением для нового города и гарнизона, а также с приказом, чтобы Шах Али ехал в свой город Каси-мов.

В апреле была созвана боярская дума, где обсуждался вопрос о взятии Казани. Об организации большого похода на Казань двух мнений не было, но в вопросе об участии самого царя в походе были противоречивые мнения. Одни говорили, что царь должен оставаться в Москве, так как на нее могли напасть крымцы и ногайцы, другие утверждали, что царь сам должен ехать во главе похода, чтобы не было неорганизованности и раздоров среди воевод. Победила вторая линия—о личном участии царя в походе. Надо было упрочить политическое положение, престиж и авторитет молодого царя в глазах всех слоев населения. И правительство, и "митрополит Макарий вопросу о личном участии царя придавали первостепенное значение, так как они не сомневались уже в покорении "богоненавистных басурман". После завоевания Казани в истории и при жизни Ивана IV встал бы вопрос: кто покорил Казань? Тогда это укрепило бы, и действительно укрепило, самодержавие Ивана IV, хотя этот самодур принес русскому народу величайшие беды и разорения. Не сомневались в победе потому, что знали слабость Казани по сравнению с мощью Московского государства и посылали туда такую силу, перед которой вряд ли устояли бы и соседние страны на Западе.

Решение, отвечающее интересам "детей боярских", дворян, было принято вторично, но исполнение его требовало времени. После апрельской думы в Свияжск были пока отправлены воеводы Д. Б. Горбатый, П. И. Шуйский и некоторые другие с вспомогательными войсками, артиллерией и походным снаряжением, а также сторожевые отряды с воеводами на Каму, Вятку, Волгу, чтобы усилить прикрытие всех перевозов и переходов, теснее блокировать Казань, как это осуществлено было уже в 1551 году. Срочная отправка воевод в Свияжск вызвана была не только с целью скорейшей подготовки наступления на Казань, но и спасения положения нового города. Дело в том, что в гарнизоне Свияжска дисциплина падала и не соблюдалась,

господствовала деморализация, распространялись пьянство и разврат. Сюда согнаны были пленные женщины и девушки. Свияжские воеводы отписали в Москву, что в городе началась цинга, мрут и больные лежат'. В Москве по этому случаю, чтобы поднять дух народа, по инициативе Макария были организованы крестные ходы и молебны, вынуты мощи святых, совершены молебные службы по городу. Тот же Макарий послал гневное и длинное послание, требуя отстать от "прелюбодейства и от блуда, одевающее с младыми юношами", что он об этом "от многих слышавше"^. Послано было также несколько бочонков "святой воды" окропить и "святить" 'как города, так и самих "грехов-ников". Таким образом, воинская или земская сила действовала в теснейшем единстве с усилиями духовных отцов.

В мае происходила роспись основных полков похода. Потребован были касимовекий царь Шах Али, которому дали в то время многие деревни и села в Мещере. Слестолюбивый марионет просил в третьи жены красавицу Сююм-бику. В этом ему также не отказали. За все это Шах Али должен был употребить всю свою силу и возможности для скорейшего взятия Казани. И вновь собирается большая боярская дума, где решается вопрос о сроках похода на Казань. Царь Шах Али в начале было заикнулся, что отправиться надо зимою, но когда ему сказали, что "людей многих, и наряд большей и запалы все отпущены", то ему ничего не оставалось, как восхвалить царя Ивана IV за принятые меры

По решению думы царь Иван IV с основным войском должен был двинуться в середине июля сухопутной дорогой через Коломну на Муром, оттуда на "Саканское городище через Поле к Свиязкому городу", а царь Шах Али во главе второй колонны и "запасы и наряд служебный в судах" должен был плыть по рекам\

Вести о подготовке похода на Казань дошли до Крыма, Ногаев и Астрахани. Многие ногайские мурзы писали тогда Ивану IV, чтобы последний послал им в подарки шубы разные, сукна, панцири и доспехи, а с Казанью "делай свое дело", если хочется, иди на Казань, "воюй Казань, а мне пришли" то-то и то-то*.

Астраханское ханство, зажатое с двух сторон кочевниками-ногайцами и Крымом, было бессильным что-либо пред-

ПСРЛ. Т. 13. С. 178—179, 477.

" Там же. С. 480—482. ' Там же. * РГАДА, ф. 127, Ногайские дела, кн. 3, л. 137; кн. 4, л. 77 и др.

принять. Один Крым, по-прежнему мечтавший стать гегемоном в “тэхет иле”, то есть “в стране престола”—бывшем золотоордынском государстве, предпринимает некоторые меры по защите Казани, но неудачно. Во-первых, крымский хан просит помощи у турецкого султана о защите Казани, во-вторых, готовится к походу на Русь. А Турция, как известил ногайский мурза Юсуп, прислала к ногайцам послов, чтобы они помогали казанцам отстоять свою независимость, а также разрешила отряду янычаров участвовать в походе Давлет-Гирея против русских. Однако эти акты не говорят еще об активных агрессивных действиях Турции по отношению Руси и Среднего Поволжья. Давлет-Гирей решил идти на Москву только тогда, когда все ее войска во главе с царем будут у стен Казани. Такое решение означало больше, пожалуй, стремление хана к грабежу и наживе в Москве, чем желание помочь Казани. Последующие события подтверждают это.

Еще по пути к Коломне и в самой Коломне Иван IV получал рапорты о движении крымских татар. Хан Давлет-Гирей, а передним его царевич двигались к Туле. Передовые отряды их появились под Тулой 21 июня. Из Коломны против них срочно отправились русские воеводы. 22 июня 1552 года основные силы крымцев начали артиллерийский обстрел города. Когда загорелись дома, янычары и крымцы начали приступ, но были отбиты. На другой день должен был состояться основной яростный приступ, но пришла весть, что к Туле идут большие войска с царем Иваном IV во главе. Это подходили посланные воеводы с 15-тысячным войском, но Давлет-Гирею доложили, что это сам царь. Гирей ночью на третий день покинул Тулу и устремился обратно на юг. Потому что по всей реке Оке, перевозом и крепостям стояли русские войска. Крымский хан ушел быстро, даже бросив часть обоза и верблюдов. Пленные крымцы, взятые в стычках, под пытками говорили: Давлет-Гирей слышал в Крыму, что Иван IV всем войском находится под Казанью и поэтому пошел на Русь. Когда он под Рязанью услышал, что царь и войска в Коломне, хотел повернуть обратно, но князья его уговорили пойти разорять город Тулу, который-де находится в Поле и от Коломны на далеком расстоянии.

Отсюда видно, что крымский хан, зная, что для открытого боя с русскими его сил недостаточно, не хотел предпринимать военных действий ради спасения Казани, а хотел только, воспользовавшись отсутствием войск, заняться обычным грабежом. Сам он не мог предпринять ничего даже и тогда, когда все московские силы находились под Казанью довольно длительное время.

Идея объединения всех тюрко-мусульманских племен и народностей за сохранение “Казанского юрта” или вообще против Московского государства была выдвинута крымскими Гиреями. Исходным пунктом ее являлась тенденция гегемонии [Крыма] в Восточной Европе тех же Гиреев. Но она осталась для них благожелательной мечтой ничем практически не подкрепленной и почти не осуществленной. Турция, могущественная покровительница Крыма, существенной помощи в этом деле не оказала. Правда, в 1551 году послы из Крыма и Турции прибыли в Ногайские орды и Астрахань с тем, чтобы создать здесь антимосковскую коалицию. Об этом сообщили Ивану IV ногайские мурзы Юсуп и Исмаил: “Турецкому султану и Крыму и Казани и Астрахани и нашим бы ногаям всех соединяться Да твою землю воевать”¹.

Московский посол Тургенев из ногаев в 1551 году сообщал также о прибытии турецкого посла. По его словам, султан писал, что Иван “Полевое до реки поотымал... казаки его с Азова оброк емлют и воду из Дона пить не дадут. Перекоп воевали, его же казаки Астрахань взяли. Казаки Ивана у вас Волги обе берега отняли... ваши улусы воюют. Как деи за это стать не умеете. А Казань деи как ныне воюет. А ведь деи наша же верабусурманская...я ты бы Исмаил мурза дружбу мне свою учинил великую, чтобы еси поберег Казани, чтобы люда послал на помощь Казани... пособил бы моему городу Озору от царя Ивана казаков... А мне и моему городу Озову пособить не можно: стоит от меня далече”. Последнее предложение показывает, что Турция не могла стремиться не только к Средней Волге, но не могла помочь даже городу Азову.

По поводу предложения турецкого султана между Юсупом и Исмаилом возник спор. На просьбу Юсупа о помощи Казани в действиях против Москвы Исмаил ответил “твои люди ходят торговать в Бухару, а мои люди ходят в Москву. И только мне завоеваться и мне самому ходити нагу. А которые люди у^нут мерети и тем и саванов не будет”². Юсуп не мог организовать и поднять всех ногаев на помощь Казани, Исмаил задержал крымско-турецких послов, другие мурзы, как мы уже указали, просили у Ивана IV только подарков, оставаясь нейтральными по отношению к Казани. Попытки склонить ногаев воевать против¹ Москвы были сделаны также весной 1552 года крымскими послами. Од-

¹ Ногайские дела. Кн. 4, л. 41. ² РГАДА. Ногайские дела, кн. 4, л. 33—40 (об). Там же. Л. 191.

нако такой коалиции создать не удалось, так как крымско-астраханские и крымско-ногайские противоречия не давали возможности этому. Связи Казани с Турцией вообще не существовало. Последняя по настоянию Давлет-Гирея в 1552 году выделила отряд янычар с артиллерией в помощь Гирею. Этот отряд во главе с Касим мурзой, по всей вероятности, был предназначен для отправки на Кавказ против Ирана, с кем тогда воевала Турция. И по пути только присоединился (получив на это согласие) к Давлет-Гирею. Во всяком случае, никакими актами и документами стремление Турции к приобретению Среднего Поволжья или к установлению над ним протектората не доказывается.

Казань, отрезанная по Каме, Вятке и Волге со своим небольшим округом, оказалась, таким образом, перед лицом могущественного соседа без каких-либо значительных союзников.

После изгнания крымцев, убедившись, что Давлет-Гирей не сможет повернуть назад, царь и все воеводы собрались в Коломне 1 июля. Здесь созван был особый совет для решения вопроса—кому и какими путями идти на Казань. Вопрос этот был важным потому, что “собрался полк великого государя столь множество, но и поля коломенские их не вмещают”, и бывшие во многих местах и сражениях старые воины удивлялись, что столь великого войска не видели. А ведь еще столь же -много войско, добавляет летописец, стояло в Муроме, на реках и в Свияжке.

Надо было разделить и не идти по одной дороге, обеспечивая питание и продовольствие и избегая заторов на путях. Было расписано, что сам царь пойдет через Владимир и Муром, а другая колонна в 30 *тыс.* во главе с воеводами через Рязань и Мещеру. Эта вторая линия продвижения, по сообщению Курбского, заслоняла бы первую от возможных нападений ногайских мурз. Они должны были соединиться все вместе в Поле за городом Алатырем.

Здесь же в Коломне возникли “многу же несогласие”, против похода выступили йовгороды. Одни из них говорили, что служат уже с весны, а кто 'с царем вместе приехали уже в боях были и им в дальний поход идти невозможно: Другие, дети боярские, говорили, что у них у некоторых есть поместья, а у некоторых совсем нет, а поход долгий и стоять там придется немалое время. Это было проявлением, во-первых, нежелания рядовых масс воинов участвовать в

завоевании далекой чужой земли и требований дворян новых кормлений *та.* поместий, во-вторых, такое сопротивление было оказано именно со стороны новгородцев, потому что они сохранили пока *еще* некоторую свою обособленность и не были так одурманены ненавистью православного фанатизма к другим, особенно к восточным народам. Это создало большое беспокойство в стане Ивана IV. Но выход был найден. Новгородцам предложили разделить: кто хочет пойти на войну, тех царь будет “жаловать и под Казанью перекормит”, а кто не захочет, то пусть останется в Коломне. Те и другие вынуждены были пойти потому, что первые что-то получали, а вторые рисковали не только ничего не получить, но и остаться в Коломне (не зря же их не отослали в Новгород), где могли потерять головы. —

Итак, небывалая до сих пор армия стала собираться в одно место, то есть все собранные войска Руси отправились к тем, которые ждали их в Свияжске, где только конных было 15 тысяч, да “пеших множество много”. Летописец подробно излагает путь Ивана и его армии до Свияжска, а оттуда и до Казани, что продолжалось с 3 июля (выезд царя из Коломны) по 20 августа (переход царя через реку Казанку). Но нам более интересным кажется то, какие меры были приняты за это время московским правительством, самим царем и воеводами в Свияжске.

За время отсутствия царя Ивана IV в Москве временным наместником, правителем Русского государства оставался митрополит Макарий[^], который -кроме своей прямой обязанности главы церкви должен был “во всем беречи царства”, наставлять йсех бояр, поучать царского брата князя Юрия и оберегать царицу Анастасию. Маккий, будучи активным проводником восточной внешней политики, постоянно держал связь с наступающей армией. Начиная с торжественного благословения в поход в Москве он и в дальнейшем зорко следил за ходом наступления. В Муром к царю для оглашения в войске он посылает пространное послание-проповедь, призывая приложить все силы в борьбе против “змий веелукавый враг дьявол”, то есть казанских татар, в то же время угрожая отказом от небесного царства тем, кто во время похода и войн прельщается пьянством, развратом, блудом, мужеложеством и т. д.Л Надо думать, не только такими посланиями, но и через своих священников он немало сил приложил к укреплению дисциплины и

• ПСРЛ. Т. 13. С. 189, 486—487. ^ Там же. '
Сказания князя Курбского. СПб., 1942. С. 15.

Сказания князя Курбского. С. 17. ^ Смирнов И.
И. Указ соч. С. 195—196. ' ПСРЛ, Т. 13. С.
193—194, 490—491.

духа среди воинов. Он же, очевидно, принимает меры по обеспечению спокойствия и тишины на западной границе и внутри страны при отсутствии царя. Кто из бояр остался в Москве, точных данных не имеется. Упоминаются лишь престарелые бояре—князь Булгаков и князь Морозовы, которые встречали царя из Казанского похода*. Во всяком случае Никоновская летопись описывает только деятельность Макария и связи царя с ним.

Сам царь не только деятельно поддерживал эту связь, но нередко инициатива исходила и от негр. Несколько раз он обращался за благословением и молитвами к митрополиту и с благодарностью за послания-проповеди и т. д. В походе был принят ряд мер со стороны царя. Так, он призывает в Муром Шах Али и 'приказывает ему идти на Казань с его воеводами и многими стрельцами вместе, осматривает состояние артиллерии и войскового снаряжения, поддерживает связь с воеводами и'соСвияжском. Из мер, проведенных в походе, самым главным было, пожалуй, то, что в каждом полку, каждой сотне назначены были сотские головы из опытных и известных детей боярских. По пути к нему присоединились городецкие князья, мурзы, татары во главе с Аксеитом Черевсеевым которые были определены в Ер-таульский полк.

На реке Суре царя встретили гонцы свияжских воевод и вместе с ними представители горных гнодей Янтулы мурза, Бузкей и Худайберды с товарищами. Последних царь пожаловал, "вины им отдал" и велел им через речки и болота мосты делать, дороги проложить. Еще в Муроме Ертауль-скому полку было приказано, чтобы он шел впереди и проложил дорожку, который и мобилизовал гати мостить и мосты делать местное население. Например, на Алатырь-реке к нему пришел темниковский князь Еникей с татарами и мордвой, которые и сообщили о сооружении ими моста'. Такая забота о дорогах со стороны царя и воевод проявлялась постоянно, потому что для большой армии с ее тяжелым осадным снаряжением вопрос о переходах и переправах имел одно из первостепенных значений в походе. Но еще важнее было то, чтобы местные народы не только не сопротивлялись, но изъявили покорность и послушание. Царь Иван IV несколько раз просил молиться об этом митрополита Макария. Практически это, очевидно, осу-

ществлялось так: вперед посланные войска требовали покорения и объявляли о желании царя, чтобы показать свою покорность и послушание, шли бы они пролагать дороги. Крестьянам ничего не оставалось, как оставить все свои работы, да еще отдать свой хлеб и другие продукты проходящим войскам. Следовавший с другой колонной по Полю Андрей Курбский писал, что они до Суры-реки мучались от голода и других нужд и только, встретившись за рекой Сурой с царем и большим обозом, ели сухой хлеб (сухари). А когда переправились через реку на чувашские и марийские земли, голодный Курбский обрел "Черемисский же хлеб сладостнейший, паче драгоценных колачей". Но если А. Курбскому "сам господь бог помогал" только после переправы через Суру, то самому царю "бог помогал" по всему пути: лоси сами приходили на убой, птицы бесчисленные сами прилетали и в землю падали, воины находили много всякой овощи И множество рыб—"так Бог пишу и всяку потребу толикому многуму неисчетному воинству всюду" готовил "и преизобольнупредуе траивал" Отсюда видно, что путь первой колонны был более легким, чем второй, и она двигалась действительно по более обжитой дороге, чем по Полю. Прежде "враждебни" Черемиса, Мордва и прочие покорились, продолжает "Царственная книга", и приносили хлеб, мясо, мед и другие яства и делали мосты". Так, покорением местного населения был решен вопрос продовольствия и дороги

Подобающим образом надо было встретить победонос-но шедшего царя с его войском и в Свияжске. Для этого в первую очередь необходимо было восстановить дисциплину и порядок в самом городе. С прибытием сюда в мае воевод А. Б. Горбатого, П. И. Щуйского и посланника митрополита протопопа Тимофея с известной проповедью Макария были предприняты меры по оздоровлению Свияжска. Был организован крестный ход вокруг и по городу, весь город и всех людей "кропили святыми водами". После облитая водой "смерти бог унял и больные вставали". Надо думать, что энергичные военачальники Горбатый и Шуйский сумели наладить жизнь военного лагеря, каким был тогда Свияжск. Религиозные обряды и слова митрополита для духа людей того времени также, конечно, имели немалое воздействие. Во всяком случае организованность была восстановлена и

• Смирнов И. И. Указ. соч., С. 196. " ПСРЛ.
Т. 13. С. 198—199. ' Там же. С. 199. * Там
же. С. 200. ' Там же. С. 199.

' Сказания князя Курбского. С. 16. "
Там же. С. 17.
' Царственная книга. ПСРЛ. Т. 13. С. 496. *
Там же.

воеводы сумели приступить к главной задаче—вновь покорить или вернуть Горную сторону.

Как известно, весной Горная сторона “отложилась” от Свияжска и “сложилась с Казанью”. Свияжск остался как бы островком на чужой территории. Для возвращения утерянного было организовано два похода. Один в первой половине июля в составе большого, передового и сторожевого полков во главе со знатными воеводами-князьями направлен был “по Святе реке вниз и по Волге”. С горными людьми бились и от обоих падоша, и потоптали горных людей. Последние, то есть “черемисы”, вынуждены были заявить о своей покорности, добились челом и к городу Свияжску пошли и з женами из детьми”. Второй поход был организован в конце июля “на достальных горных людей”, в результате чего они “приложились к Свияжскому городу”. Наряду с такими сообщениями летописей в русском народе с тех времен осталась и пословица: “С одну сторону Черемиса, с другой береги-ся”¹.

О первом походе царь получил донесение еще в Муроме, о втором—на реке Суре, когда пришли встречать его воеводы с представителями покоренных горных людей. Эти делегации местного населения должны были и действительно встречали почти на каждом стану царя после переправы через Суру. Таким образом. Горная сторона к приезду Ивана IV была вновь присоединена к Русскому государству. Свияжск опять сделался политико-административным центром этого региона, ибо царь всем горным людям объявлял быть у Свияжского городка. Они же должны были быть готовыми идти войною на Казань.

Переправившись через Суру 5 августа, царь Иван IV вступил на территорию Казанского ханства на ее отторгнутой уже части. На территорию современного Татарстана, и тогда густо населенную татарами, он вступил 7 августа, остановившись лагерем на ночлег на реке Якла. Последующий маршрут армии лежал по остановкам-станам на реках: 8 августа—р. М. Цильна, 9 августа—р. Карлы, 10 августа—р.Була, 11 августа—у. Бия, 12 августа —Итяково поле, 13 августа—г. Свияжск, 18 августа—переправа через Волгу, 20 августа—переправа через реку Казанку на Тирен-Узек, 23 августа—царский луг под Казанью.

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 478. “ Там же. С. 495. “ Там же. С. 496. “ Снегирев И. Русские в своих пословицах. СПб., 1832. кн. ГУ, С. 134.

12 августа на поле между городом и Итяковым полем была организована первая торжественная встреча царя. Вышли к нему навстречу три полка: 1) воеводы, которые находились в Свияжске с весны,—А. Б. Горбатый, Д.Р. Юрьев, Б. И. Салтыков; 2) годовые воеводы, то есть те, которые зимовали в Свияжске—С. И. Микулинский, П. С. Серебряный, Ф. Г. Адашев, Ф. Б. Ромодановский; 3) горные люди, татары—князья и мурзы, казаки и черемисы и чуваша. У воевод только конных было 15 тыс. и много пехоты. В отрядах местного населения, собранных и покоренных, по словам А. Курбского, “хотяше и не хотяше” было 4 тыс. человек. Воевода-князь выразился здесь классически: чуваша, мари, татары правобережной Волги—хотели или не хотели—под напором 150-тысячной армии присоединились и должны были идти против левобережных татар, мари и чувашей. Таким образом, здесь произошла не только встреча царя, но и соединение всех основных сил русской армии.

13 августа царь был встречен у ворот Свияжска воеводами П. И. Шуйским, С. К.Заболотским и “всем народом”. Все эти торжества были проникнуты идеей укрепления духа православия и самодержавия. Встречавшие и новопришедшие с восторгом смотрели тона молодого царя, то на кресты и хоругви. Еще набее к Ивану пришел из Нижнего Новгорода протопоп со священной чудотворною водою. Он говорил, что якобы в одной из церквей Нижнего Новгорода пономарь ночью приказал ему звонить во все колокола сказал: здесь я долго не буду, спешу на помощь Ивану под Казань, против “поганных собак”, быстрее звони. А когда тот позвонил и вернулся, никого не нашел. Царь, Иван и войско обрадовались. Одурманивание мозгов протекало и дальше, как нескончаемая священная вода.

В Свияжске был создан совет по организации наступления на Казань. Решено было наступление начать немедленно. Это решение говорит о том, что еще до подхода царя воеводы приготовили все для такого большого наступления. Отсюда же было послано в Казань три послания с одним и тем же содержанием: ч-гобы подчинились воле государя, город сдали без кровопролития, а царь их простит, то есть обещает им жизнь. Одно письмо было общее, второе—грамота царя Ивана сеиту Кулшерифу “и ко всей земле Казанской”, третье—грамота Шах Али казанскому царю Едигеру, как родственнику первого, чтобы он верил Шах Али и в благожелательность царя Ивана.

¹ Сказания князя Курбского. С. 17. . ^ ПСРЛ. Т. 13, С. 497.

16 августа началось движение армии: переправа через Волгу. Шах Али занял Гостиный остров, переправлялись также осадные сооружения, башни, тарасы, артиллерия и т. д. Это заняло время до 20 августа, и царь уже решился перейти через Волгу. Во время переправы, как самое удобное время, боярам с разрядными дьяками было приказано сосчитать всю армию. “И сочтоша во всех полках конных и пеших, сто петдесят тысяч”. - В день своей переправы Иван IV получил от Едигера хана ответное послание, где последний укорил Ивана и поносил христианство. 21—22 августа Иван стоял на Ти-рен-Узеке, рядом с царевым лугом. Войска перестраивались, разгружали суда и устраивали артиллерию, туров и башен. В это время к царю перешел служить казанский мурза Камай Хусейнов с семьей казаками. Изменник Казани сообщал, что желавших перейти к Ивану IV было около 200 человек, но их поймали казанцы. А Едигер хан сдаваться не хочет. Всеми казанцами верховодит Кулшериф мулла и казый (судья), Зайнаш-князь ногайский, Чапкын князь Оту-чев, Ислам князь, Аликей Нарыков, Кебек-князь Тюменский и Дервиш-князь. Он же долгие говорил об обороне и военной силе казанцев, что план обороны казанского правительства состоит в следующем: гарнизон и все жители города всеми силами держат оборону изнутри, а кавалерия и все люди, которые есть за городом, собираются на Арской засеке и оттуда нападут на тылы русских войск. Возглавили внегородские военные силы князь Япанча, племянник Чап-кына мурзы Шунак и арский князь Явуш, Их задачей было не только беспокоить с тыла воевод, но и вообще не пропустить неприятеля на Арское поле.

Камай мурза сделался близким советником Ивана IV по взятию Казани. Здесь собрался совет царей, князей и бояр-воевод второй раз, где обсуждались вопросы организации осады, расположения войск для штурма. Специально было поставлено на совещание сообщение Камая мурзы о состоянии Казани. По составленному плану полки должны были в течение трех дней расойложиться вокруг Казани так: царь со своим полком 23 августа стал близ Отучевой мечети, находившейся против Аталыковых и Ямских (Кураишев-ских) ворот в одной версте от стен посада (около современного железнодорожного вокзала). Левее от царского стана стоял полк левой руки, а за ним в устье Булака в Казанку-

Сторожевой полк. Правее от Ивана IV на Булаке около Кабан-озера расположился Шах Али со своим полком князей, мурз и городецких татар. Через Булак и Арское поле к северной части городских стен, где находились Кайбацкие ворота, двинулся Ертаульский полк, за ним шли большой и передовой полки-которые соответственно заняли позиции на Арском поле против Ареких, Царевых и Ногайских ворот (современные площадь Свободы, остановка транспорта “Ленинский сад” и площадь Куйбышева). Полк правой руки, где воеводами были князья А. Курбский и П.М. Щенятов, расположился за рекой Казанкой прямо против самого Кремля.

24 августа вечером случился большой ураган, буря разметала шатры, все военные приготовления. На Волге многие суда с продовольствием и фуражом были разбиты и утонули. Привезенные для всей армии запасы уничтожены, некоторые снаряжение испорчено. Вот когда была доказана необходимость опорного пункта города Свияжека. После бури, когда люди увидели, что они остались без запасов, армию охватила паника. Если бы действительно они остались без продовольствия, долго бы продержаться под Казанью. Но спас Свияжск: оттуда очень скоро было привезено все необходимое. А чтобы дополнить запасы, послали гонцов в Москву, приказывая спешить с большой казной и многим провиантом и имуществом. На помощь войскам, достаточными даже для зимовки под Казанью.

Пока Казань стояла твердо, и царь, и воеводы понимали, что город взять будет нелегко; готовились к длительной осаде. Думали, что может быть и зимовать придется, но все равно им не отступить.

ОБОРОНА И ВЗЯТИЕ КАЗАНИ

Казань была обложена 150-тысячной армией, многократно превосходившей число ее защитников. В Казани, по словам Камая мурзы Хусейнова, было 30 тысяч воинов-казанцев. Кроме того, на Высокой горе, на укрепленной позиции в виде острога и 'засек, расположилась конница князя Епанчи. Он, Шунак Отучев и князь Явуш должны были, в дополнение к выделенному им отряду, мобилизовать сельское население. В их руках, таким образом, находилось примерно до 20 тыс. воинов (некоторые указывают даже 30 тыс.). К ним же присоединился конный отряд ногайцев более 2000 чел., присланный князем Юсупом'.

Сказания князя Курбского. С. 21.

' Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. VIII, прим.

288.
126 ^ ПСРЛ. Т. 13. С. 498.

Артиллерия Казани также уступала артиллерии осаждающих (150 орудий), главным образом из-за вывоза их Шах Али ханом в Свияжск в 1551. году. Такое же положение. наблюдалось и с пищальями. И у осаждающих, и у осажденных преобладало лучное и другое холодное оружие над" огнестрельным. Город был хорошо обеспечен разными запасами, стены посада и кремля были отремонтированы, казанцы хорошо знали об осаде и заранее готовились к ней. По счёту эта осада Казани была пятая (1487, 1524, 1530, 1550), а в 1469, 1506 и 1545 гг. русским воеводам, хотя они и стояли под городом, обложить его не удавалось.

Активная защита Казани началась с первого же дня обложения города. 23 августа, когда Ертаульский полк двинулся через Булак на назначенное место, из Ногайских ворот была совершена сильная вылазка, по некоторым данным, 5 тыс. конницы и 10 тыс. пехоты, и разрезала Ертаульский полк на две части. Произошла жестокая сеча, но подоспевшие стрельцы из других полков отогнали болгаро-татар в город¹. 25 августа такая же вылазка была произведена опять на ертаульский полк, который с Арского поля продвигался еще на север против Кайбацких ворот. Казанцы, внезапно выскочив во множестве, бились "на много время" с воеводами. Продолжительность боя определялась здесь, пожалуй, тем, что, как констатируется в Никоновской летописи и "Царственной книге", обе стороны бились стрелами, с обеих сторон были убитые и раненые. Ертаульскому полку опять пришли на помощь из передового, воевода Д. И. Хилков со своими боярскими детьми ударил по казанцам и те побежали обратно под стены города. В бою, кроме всех прочих, был ранен воевода князь Шемякин-Пронский. Частые вылазки совершались также против царского полка за Булаком, потому что здесь много было пушек, нацеленных на город, и стояли они под стенами Казани.

Но русские войска больше всего терпели от внезапных нападений конницы Епанчи. Вот так описывает его действия воевода Курбский: против нас Казанский царь изобрел такую хитрость, что, посоветовавшись со своими, оставил вне города в лесах войско и договорились они так: когда с высокой башни города начнут махать знаменем, то всем дружно ударить по нашим войскам. По этому знаку они со всех сторон и из леса очень "грозно и прытко" нападали на полки, а из городских ворот в этот же час совершали вылазки .на

наши укрепления как "и вере не подобно", так против укреплений и орудий сотворили "злую и жестокою сечу"². Такая "беда" продолжалась в течение трех недель, говорит Курбский, что нам еду не давали даже "приимать". От этой конницы горше всех было тем полкам, которые стояли на Арском поле, как и полку Курбского, страдающему от нападений луговых мари и чуваш. Курбский и в другом месте говорит о том, что их полку приходилось очень тяжело из-за нападок из леса черемис, а также от огненной стрельбы с кремля, потому что они стояли ближе всех других от нее". Эти же данные подтверждаются Никоновской. летописью и "Царственной книгой": "НИ города ис пушек и ис пищалей стреляху и бысть сеча велика и преужасна, от пушечного бою и от пищального грома и от гласов и вопу кричания от обоих людей и от трескотне орудий и не быть слышати друг друга глаголанного, бысть яко громвелий и блистания от множества огня пушечного и пищального стреляния и дымного курения".

Такая активная оборона была вызвана необходимостью помешать обложению города турами и тынами по всей черте города. Осада Казани 1552 года отличалась от всех предыдущих тем, что была произведена по всем инженерно-техническим правилам того времени. Русские войска не были брошены на приступ города, как бывало прежде. Ошг пока только оборонялись от вылазок и наездов. Главная забота их в первое время заключалась в осуществлении технико-строительных работ. Главными в системе этих работ были строительство туров, тынов и башен, подземные подкопы, устройство мин при помощи пороха.

Туры, заблаговременно срубленные или изготовленные из хвороста, представляли собой бойницы, которые имели амбразуры для стрельбы и где укрывались воины, смотря по размерам тура один или несколько человек. Они делались до двух метров длиной и ставились вертикально, плотно друг к другу, затем они укреплялись кольями и засыпались землей. Их можно было передвигать дальше в сторону неприятеля. Тын устанавливался по неизменным неудобным местам, где нельзя было ставить туры. Он делался в виде палисада из заостренных бревен с двумя дырами, то есть прорезями для бойниц внизу и сверху*.

¹ Сказания князя Курбского. С. 72. ² Там же. С. 23. ³ Там же. С. 23. ⁴ Там же. С. 22. ⁵ ПСРЛ. Т. 13, С. 206, 502.

⁶ Богдановский М. Инженерно-исторический очерк осады Казани в 1552 г. "Инженерный журнал", 1898, №8, 9.

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 204, 500; Сказания кн. Курбского. С. 19. ² ПСРЛ. Т. 13. С. 501. ³ Сказания кн. Курбского. С. 23.

Башни делались из бревенчатых срубов, высокие, где можно было бы поместить по этажам пушки и пищаль-ников. Осадная линия, заложенная из туров и тына, послужила также местом расположения осадных батарей. Впереди этой линии стрельцы и казаки-лучники делали закопы, то есть траншеи с окопами. Таким образом, близ городских стен возникала оборонительная линия, которая могла бы отражать атаки и обстреливать город.

Строительство таких линий вокруг городских стен началось 26 августа. В этот день царь приказал: “большую крепость делати против Царевых ворот и Арских и Аталы-ковых и Тюменских”. В тот же вечер часть войск начала туры “катить к городу”, то есть заранее заготовленные туры воины катили вперед, сами прячась за ними. Туры были поставлены на реке Булак, начиная с ее устья и почти до Кабан-озера на протяжении 650—700 сажен. Такая же линия туров возводилась и с восточной стороны на Арском поле, напротив Арских и Царевых ворот. Кроме того, против ворот поделаны были еще шанцы, которые имели вид четырехугольного редута из туров. Линия туров проходила всего на 50 сажен от стен посада. На позициях полка правой руки за Казацкой работа закипела 29 августа. Сюда на помощь был послан Ертаульский полк для предотвращения атак луговых черемисов. Протяженность этой линии туров против самого города составляла около 1000 сажен. Из города существенного нападения не могли делать, мешала река Казанка, а артиллерийский огонь не был достаточно сильным. В ночь на 30 августа построен был последний участок кольца туровых линий: от Арских ворот до Казанки против Кайбацких и Избойливых ворот. Таким образом, за 5 — 6 дней Казань была окружена осадными сооружениями: туровой линией, перед ней шла линия “закопей”, то есть траншеи с окопами, редутами и другими. 27 августа поставленные туры на Арском поле были вооружены осадными орудиями больших калибров. Надо полагать, что они были установлены и в других местах в разное время, но самое большое их количество было именно против Ногайских, Царевых и Арских ворот.

Против такого опоясывания города казанцы и боролись отчаянно, самоотверженно и беспрестанно. В первый же день начала устраивания туров была сделана большая вылазка защитников и завязался бой “на много время”, сражение, доходившее до рукопашных боев, продолжалось до полуночи, со стороны воевод вводилось все больше и больше войск. С обеих сторон не утихая били пушки и пищали. Ночью, оставив много убитых, булгары-татары отступили в

город. Среди павших русские узнали знатных князей Ислама Нарыкова, Башканду Брунцова и Сюньчелея-бога-тыря', а из русских—сына боярского, выборного голову Л. Б. Шушерина и многих других. 27 августа с установлением осадных пушек начался сильный артиллерийский обстрел города. В тот же день Карамыш углан, сын Худайкул углана, совершил небольшую разведывательную вылазку, напал на разбросанный полк И. Ф. Мстиславского с целью добыть “языка”, но был отбит и сам попал в плен. При стычке двумя стрелами был ранен князь Иван Федорович Мстиславский. Карамыш углан под пытками Ивану IV сказал свои последние слова, что “вся земля на смерть в городе-затворилися” и не хотят покориться. 28 августа князья Епанча и Явуш организовали большую атаку на передовой полк Д. И. Хилкова и И. И. Пронского. Когда их конница стала расстреливать ряды передового полка, на помощь подтянулась часть большого полка с севера и самого царского полка с юга. Для подбадривания войск Ивана IV хотели привести к месту боев, однако, надобность отпала: усиленный с обоих флангов передовой полк наконец отразил атаку. С обеих сторон было очень много убитых, но для русских эта атака была очень чувствительной. Пленные под пытками говорили, что Епанча и Явуш в дальнейшем будут нападать на воевод и “во все места приходить”.

29 августа отряды Епанчи стояли недалеко от русских позиций, некоторые в лесу, а часть на открытом месте. Они хотели помешать строительству осадных сооружений и для этого заманить сторожевые отряды. Однако этим сторожевым отрядам было приказано стоять на месте и, не откликаясь на атаки неприятеля, охранять рабочие части войска. Это противостояние продолжалось целый день. За действиями русских не только следили из леса или с тыла, но и из города. Малейшее ослабление бдительности со стороны русских вызывало чувствительные удары со стороны осажденных. И все это происходило при перестрелке между неприятелями как огнестрельной, так и лучной.

И действительно, у воевод не осталось возможности есть “даже сухого хлеба”. Когда город был надежно обложен укрепленной линией и установлены осадные и полковые наряды—пушки и пищали, наделаны редуты и др.—можно было приступить к большим операциям. Во-первых, был начат усиленный артиллерийский обстрел города со всех сторон, во-вторых, нужно и можно было уже ликвидировать

• ПСРЛ. Т. 13. С. 502. ^ Там же. С. 504.

конницу князя Епанчи. Для решения второго вопроса 30 августа созван был совет воевод, бояр, князей. На совете было решено выделить 30 тыс. конницы и 15 тыс. пехоты с полковыми пушками и выслать против Арского острога, основной базы князя Епанчи. Командовали конницей А. Б. Горбатый и П. С. Серебряный, а выделенную пехоту со стрельцами и казаками дали воеводе Ертаульского полка Шемякину-Пронскому. 31 августа пехота лесом незаметно для татар двинулась

от Кабана в обход движения нападающих отрядов Епанчи. Когда в 9 часов утра последние стали атаковать сторожевые

отряды на Арском поле и когда эти последние отступили за прикрытия, на болгар-татар и ногайцев обрушилась конница А. Горбатого с флангов, а пехота успела обойти их и ударила в тыл. Епанча был разбит, много было убитых, много разбежалось по лесу, 340 человек попало в плен. Русские преследовали их до реки Киндери*, как свидетельствуют летописи, до 15 км. 340 человек пленных, привязанных к кольям, привели под стены города и повелели им, чтобы они молили своих отдаться воле московского государя. Одновременно Иван IV посылает[^]письмо к казанцам требованием сдачи города и обещает жизнь защитникам. Если не сдадутся, то всех пленных угрожает умертвить. По Никоновской летописи и “Царственной книге”, так оно и было... Когда казанцы не ответили, всех пленных перед глазами города перебили. А. Курбский же пишет об этом по-другому: якобы когда пленные стали просить город сдаться, то защитники его сами перестреляли их, говоря, что лучше увидим вас Мертвыми от наших рук, нежели бы посекли вас гяуры, то есть немусульмане.

Здесь А. Курбский, пожалуй, неправ. У мусульман существовало поверье, что смерть от рук “гуяров” священна, и место таких убиенных в раю. '

31 августа русские одержали крупную победу, но дело этим не кончилось. Они еще не дошли до острога и Арска. До 6 августа шла большая подготовительная работа по осуществлению основного похода на Арский край. 6 сентяб-

ря выступила в поход специально для [^]этой цели вновь создавшаяся армия из трехполков: 1) большой полк под Начальством А. Б. Горбатого и З. П. Яковля, передовой полк С: И. Микулинского и Д. Р. Юрьева, сторожевой полк П. А. Булгакова и Д. Ф. Палецкого. В придачу им отданы

были часть людей Шах Али—городецкие (касимовские) татары во главе со своим сеидом, с темниковской мордвой. князь Еникей и многие горные люди в качестве проводников'.

Арский острог на Высокой горе был построен среди лесов и болот из бревенчатых срубов, прислоненных по длине-одна к другому, промежутки которых заполнены были землей. Вокруг острога имелись засеки. Такую укрепленную крепость надо было взять штурмом. Подошедшие войска разделились на две колонны и с трудом подошли пешими к воротам, завязалась обоюдная стрельба.

После 1' ожесточенной битвы штурмующие начали одолевать защитников. Много было убитых с той и с другой стороны.

Наконец, после двухчасовой битвы, не выдержав натиска и оставив убитых и 200 человек пленных, защитники бежали с острога. Острог был уничтожен. После этой победы “войска воюючи и села жгучи”

повели наступление на город Арск. Перед наступлением такой огромной силы жители Арска поспешно покинули город, оставляя все имущество, бежали в леса. В течение двух дней Арск был разграблен и разгромлен. В городе Горбатый разделил полки на более мелкие

отряды и послал их воевать всю территорию до Камы. Эта Ц территория шириною в обе стороны от Казанки и до Камы II-в 150 верст была очищена от татаро-булгарских воинов, а Цзаодно от сел и деревень и разного имущества: “села повыж-Д[^]гли... бесчисленное множество скота с собою к Казани в т-полки пригнали...”, “... жены их и дети в полон поймали, И множество христианского полону освободили”[^]. Ц Удачная экспедиция для осаждающих была большим [^]облегчением. Опасное и изнурительное соседство было лик-р<видироваНо. Войска обогатились продовольственными запасами: хлебом, мясом и др. Арский край был житницей I' Казанского ханства.

1. Казань оказалась в тесной блокаде, предоставленной самой себе. Оказать помощь осажденному городу взамен отрядов Епанчи попытались луговые черемисы, то есть мари и чуваш. Они, собравшись во множестве, ударили по Галицкой дороге на позиции полка правой руки'. Они угнали стадо коней, по свидетельству Курбского, но посланные вдогонку засадные отряды их “избиша, других живых поймаша”. Как видно, существенной помощи осажденным жители северо-западной части государства оказать не мог-

' Там же. С. 507 (См. предыдущую сноску). " Там же.. С. 507. ' Сказания кн. Курбского. С. 27.

¹ •: ПСРЛ. Т. 13. С. 208—209, 505; Сказания кн. Курбского, С. 24—25 (В летописи наБисанор.Килири.Киндери—10 км от Казани). " Сказания кн. Курбского. С. 25.

ли. Они не были организованы как войско Еланчи и были плохо вооружены. Когда совершилась экспедиция на Арскре поле, ^ затем и на Заказанье, под стенами города шли большие работы по разрушению крепостных стен. Еще 24 августа было приказано руководителю минно-галерейных работ немецкому мастеру-минеру Размыслу начать подкопы между Аталыковыми и Тюменскими воротами. Был ли взрыв под башней на этом месте, летопись не указывает,

Точно указывается другой подкоп под тайник. У Нур-Алиевых ворот под кремлевской стеной у казанцев для крепости находился ключ и резервуар, откуда брали воду. Сообщил об этом Ивану IV предатель Камай мурза. К тому ключу за водой ходили подземным сообщением. Русские решили ликвидировать этот источник и в 10 дней подкопались под этот тайник. 4 сентября заложили 11 бочек, то есть 57 пудов пороха. Взрывом разрушен был тайник и часть стены. Этот первый большой взрыв не только унес много жизней, но и произвел ошеломляющее впечатление. Некоторые, говорят летописцы, даже хотели бить челом Ивану IV, но другие начали копать колодцы и жителям пришлось довольствоваться недоброкачественной водой. Однако город и острог и до этого не могли быть обеспечены одной тайничкой водой, поэтому эффекта основном заключался не в лишении этой воды, а в самом взрыве. Часть осаждающих после взрыва устремилась к месту разрушения и стала биться за городские стены. Однако атака была отражена защитниками. В этот же день с другой стороны города был большой артиллерийский огонь: “по граду из пушек беспрестанно бьюще, и Арские ворота до основания збиша, и обламки збили, и множество людей побиваху”.

Однако защитники на месте разрушенных поставили новые стены, изготовленные срубы опять подводились и укреплялись, в самом городе под защитой воинов-стрелков также шли строительные работы по обороне. Создавались щели, траншеи, особенно после возведения русскими большой башни. Эта башня, сделанная на стороне из деревянных срубов, подводилась незаметно для защитников и собрана была за одну ночь. Высотой она была до 12 метров в три этажа: верхний этаж представлял собой открытую площадку без крыши. Она собрана и установлена была И. Г. Выродковым, который руководил всеми строительными работами, перед Царевыми и Арскими воротами. Артиллерия Казани в это время совсем ослабела, некоторые пушки были побиты, не хватало пороха, поэтому сбить и

уничтожить эту башню казанцы не могли. А она принесла им очень большие потери. На башне установили, по А. Курбскому, 10 пушек. Если в нижнем предполагать 4, а в среднем—2 и верхнем 4 пушки, то в башне могло поместиться еще около 50 стрельцов с пищальями. С этой башни начался беспрестанный обстрел стен и улиц посада. По словам А. Курбского, из нее побито одного “военного люду”, кроме гражданского населения, 10 тыс. человек. Жители стали укрываться в ямах и “норах”, то есть в окопах под стенами и готовыми тарасами'. Летописец пишет о защитниках, находящихся против этой башни так: “У них у всяких ворот за рвом тарасы великие землею насыпаны,—из-за Тарасов бьющеся по вся дни и из нор, якоже змеи, вылазя и бьющеся беспрестанно день и нощь. Таким образом, на всякие формы нападения, на всякие наступательные действия защитники отвечали не меньшей изобретательностью и, сколько было возможно, продолжали сопротивляться. Примером героической обороны города могут служить события на Арской стороне при передвижке туров. Когда думалось, что сила огня защитников ослабела, и как будто они загнаны ^ “щели и норы”, большому полку было приказано передвинуть туры ко рвам под городскими стенами и между ними. Эти рвы были выкопаны в естественно созданных природою болотистых местах у Царевых, Арских ворот 6 метров поперек и до 14 метров глубиной. По краям рвов должны были ставить туры против городских Тарасов у указанных ворот. Против этого движения началось ожесточённое сопротивление “и от обоих падоша” и казаки многие “поослабели”, а казанцы, бьющеся беспрестанно, ис пушек и ис пищалей и из луков стреляще и камением множество меташе”. Когда русские остановились на обед и у туров оставили только сторожевых, защитники из всех своих окопов (“нор”) и траншей (“щелей”) и из-за Тарасов внезапно поднялись в атаку, “нападоша на туры”, русские дрогнули, оставив туры, побежали. Атакующих было 10 тыс. человек, и они успели захватить пушки князя Воротынского. Но силы были неравны: “христиане из всех мест” поспешали на помощь своим и общей силой опрокинули казанцев обратно в город. Ранены были, не считая рядовых и сотских, и большие воеводы: М. И. Воротынский, П. В. Морозов, Ю. И. Кашин. В то же время князь Зайнаш сделал большую вылазку в другом' месте из Избойловых ворот против линии туров Ертаульского и Передового пол-

' Тарасы—срубы для стен. " ПСРЛ.
Т. 13. С. 211— 2.12, 508.

ков. Они здесь не имели какого-нибудь успеха: туры были не в близком расстоянии и пока атакующие доходили до них, русские пищалями смогли дать несколько залпов и отогнать их обратно. Командование видело, что без уничтожения Тарасов у Арских и Царевых ворот невозможно с этой стороны штурмовать город и поэтому было решено подкопать и взрывать эти тарасы. И как эти тарасы взорвут, тогда можно будет поставить туры по рву у ворот'. Это доказывает, что вылазка изможденных защитников достигла своей цели и оборона стояла пока крепкая.

Между тем подкопы шли и против самих ворот. Для подрыва Тарасов специальной минной галереи не велось. Незаметно для защитников, простой траншеей, под тарасы подложили бочки пороха. Взрыв, последовавший утром 30 сентября, был не такой сильный, как под тайником, недостаточно эффективный. Он дал лишь возможность воеводам укрепить туры по рву против Арских, Царевых, Аталыко-вых и Тюменских ворот, то есть по всему юго-восточному и южному фронту (от современной площади Свободы через площадь Куйбышева по Булаку). Опомнившись от взрыва, защитники совершили отчаянную вылазку из всех ворот и начали биться с полками. Чтобы поднять дух войска, самого царя Ивана IV привели к городу. Сражения и бои шли повсюду: на мостах через ров, у ворот, а также на стенах копьями, саблями и рукопашную; "ис пушек же и стенобитных и верхними ядры огненными и каменными беспристани стреляху. И бысть сеча зла и ужасна, и грому сильну бывшу от пушечного бою и от зоку и вопу и от обоих людей и от трескот оружий и от множества огня и дымного курения и сгустившуся дыму, и покры дым град и люди"^\ Во многих местах русские достигли стен и поднимались по лестницам на них. Все население города, надо думать, участвовало в отражении контратаки. Вышедшие из ворот вошли в город обратно, по пятам их шли русские. Со стен на наступающих казанцы скатывали бревна, бросали камни и лили горящую нефть. Наконец, воевода М. И. Воротынский просил царя, чтобы тот дал большому полку резервные части и сделать всеобщий приступ. Но ему было отказано, ибо не все еще были готовы для решающего штурма. Войска были отведены к исходным позициям.

Это можно расценить как временную победу защитников и как отсрочку штурма осаждающими. Все же в руках стрельцов большого полка осталась часть стен у Арских

ворот и башня под тем же названием, находящаяся с правой стороны от ворот. Укрепившись здесь, они удержали их до решающего штурма. В ту ночь был большой пожар; горели мосты через ров и часть городских стен. У защитников до мостов руки не доходили, а против Арских, Царевых, Ногайских ворот и других разрушенных мест стены они ставили новые срубы, насыпали их землею и опять вставляли на оборону, как и на неповрежденных местах.

1 октября русским командованием было приказано готовиться к штурму на воскресенье 2 октября, рвы наполнить землей, лесом, то есть хворостом, бревнами и т. п., так как мосты уже не существовали. Одновременно все пушки били по городу, чтобы защитники не могли помешать застлать ров. Последний раз был предъявлен ультиматум. Камай мурза и несколько человек из Горной стороны были отправлены парламентарями в Казань, чтобы город сдали, главных организаторов обороны выдали и взамен получили бы жизнь. Казанцы, говорит летописец, единогласно ответили: "Не покоримся, гя стенах и на башне находится Русь, а мы другую стену поставим и все помрем или отсидимся". Ответ соответствовал действиям казанцев. Тут и отчаяние и решимость, самопожертвование и оптимизм. Наверное, многие уже поняли, что им не придется отсидеться. Но чувство самосохранения, свободы и независимости брало верх.

В тот же день, 1 октября, были приняты организационные меры для штурма. Во всех полках из детей боярских поставлены были головы на 100 человек воинов. Воеводам предписано помогать при штурме друг другу и уточнено, кому кто помогает, расписана была диспозиция полков. Сам царь со своим полком должен был стоять против Царевых ворот. Шах Али со своими касимовскими и Горной стороны татарами и воевода князь И. Ф. Мстиславский своим полком стали на Арском поле. Против Ногайских ворот стал полк Ю. Оболенского, на Галицкой дороге за рекой Казацкой ближе к Бишбалте—И. Ромодановский и другие. Им подчинялись и другие воеводы, которые присланы были из царского полка.

Против Кайбацких ворот штурм должен был вести передовой полк Д. И. Хилкова. Ему помогал воевода князь И. И. Пронский. НаИзбойливые ворота—Ертаульский полк Ф. Троекурова и Ю. Шемякина, на Елбугины ворота от реки Казанки—А. М. Курбский, помогал ему князь П. М. Щеня-тев. Против Нуралиевых ворот—воеводы сторожевого

' ПСРЛ. Т. 13. С. 213, 508. '

ПСРЛ. Т. 13. С. 509.

полка князя С. В. Шереметев и В. С. Серебряный, Тюмень-ских—Д. М. Плещеев и Д. М. Микулинский.

Штурм был назначен на 9 часов 2 октября в воскресенье после взрыва больших подкопов. Идти на пролом стены у Царских ворот сразу же после взрыва ведено было воеводе М. И. Воротынскому с половиной большого полка. В помощь ему выделен был отряд из царского полка окольного А. Д. Басманова. На второй пролом за Аталыкскими воротами должен был идти своим отрядом казначей князя Михаила Воротынского Иван [Фома] Петрович, а помогать ему определено самому царскому полку¹. На поле оставлено •² было, по Курбскому, треть всего войска, то есть на штурм должно было пойти 100 тыс. воинов. Всем воинам было приказано очиститься от грехов и исповедаться у своих попов. Никто, пожалуй, и не спал. Курбский говорил, что они за 2 часа до зари были готовы идти на приступ. Сам царь целую ночь провел у своего духовника—протопопа отца Андрея. Не спавший, еще до свету на заре он пошел в походную церковь к заутрене. Здесь его застал посланник М. И. Воротынского с сообщением, что Размысл заряд в подкопах поставил, а из города защитники его видели, поэтому до 9 часов ждать штурма невозможно. Казанцы могут принять какую-нибудь контрмеру. После получения такого известия командование посылает по всем полкам приказ: быть готовыми и идти на штурм после взрывов, а не ожидая прежде назначенного срока. Царь Иван IV опять отправляется в церковь молиться. Воеводы царского полка В. И. Воротынский и И. В. Шереметев пошли к городским стенам.

• Размыслом заряжены были 2 камеры подкопов," в них было по 24 больших бочек пороху, то есть по 140 пудов в каждой камере.

2 октября в 7 часов утра, как только взошло солнце, грянул первый взрыв, поднявший в небо башню, часть стены у Аталыковых ворот (в конце ул. Баумана у кремля), вверх полетели камни, люди, бревна и комья земли. Не успели опомниться, последовал второй взрыв, еще более сильный, в другом конце посада у Ногайских ворот (площадь Куйбышева). Здесь также часть стены проломилась, многие защитники были побиты взрывом, падающими бревнами и камнями. На штурм ринулись со всех сторон русские войска. Назначенные идти на пролом сразу же

вошли в посад. Защитникам пришлось отбиваться сразу и с фронта, и с тыла, и с боков. Начались уличные бои. Передовой, Ертаульский, Сторожевой илевой руки полки также ворвались в посад, им пришлось брать каждый шаг, каждое здание с боем. Оборонявшие город дрались так отчаянно, что авторы летописей и "Царственной книги" не могли не отразить их храбрость: бились "во всех местах и от всех ворот мужествен, за руки имеяся³ копий и саблями, в теснотах ножи режущие; во многих улицах с обеих сторон христианоми татаром ударившеся во многи копия и на мног час стояще на копьях, ни единым поступившим"⁴, то есть не отступая ни на шаг. Особенно упорное сопротивление было оказано полку правой руки А. М. Курбского. Последний штурм вел с полком в 12 тыс. человек северозападной стороны; одна часть его Штурмовала Елбугины ворота, другая часть лезла прямо на стены внутреннего города (кремля) "к той великой башне, яше (которая) перед враты стояла на горе⁵. Вот-как описывает А. Курбский оборону собственно города (т. е. отделенного от посада собственной стеной внутреннего города-крепости): когда они двинулись к городу, защитники подпустили их ближе к стенам и когда приблизились, то открыли ураганный огонь из пушек и пищалей, а стрелы пускались так густо, как частый дождь и много камней бесчисленных, так что "воздуха не видети". Когда поредевшие ряды подошли к стенам, то им на голову начали лить кипящий вар и скатывать большие и толстые бревна. Эти "вары" кипятились и сжигались из сырой нефти (перегонка нефти) здесь же во дворе находящихся в специальных больших котлах. Войскам Курбского помогала артиллерия. Под их огнем стрельцы отогнали от стрельбищ и стенных окон защитников. Последние, уже не защищаясь от пуль, снарядов и стрел, открыто стояли на башне и стенах и бились с атакующими крепко лицом к лицу врукопашную. Курбский далее восклицает: "... могли бы их избити,но много нас ко штурму поидоша, а мало под стены грядныя приидоша; некоторые возвращающесь (то есть побежали назад), множество лежа-ще и творящесь побиты и ранены"⁶.

Однако героев обороны тоже оставалось немного. Они под напором превосходящих сил вынуждены были и здесь отступать от "великой башни городских стен" к цареву

•ПСРЛ,Т.13.С.215,510. ^ Сказания князя Курбского. С. 29. ' Там же.

• ПСРЛ. Т. 13. С. 217. 512. ^ Сказания кн.
Курбского. С. 30. ' "Инженерный журнал". 1989,
№ 8. С. 1038. * Сказания кн. Курбского. С. 30.

двору. Царев двор стоял как цитадель в северо-западной части кремля, обнесенный высокой каменной стеной между высокими же каменными мечетями и зданиями. На другой, арской стороне в посадке штурм [основных сил] шел неважно. Держащие оборону с исключительной храбростью начали оттеснять части полков большого, сторожевого и левой руки. Они воспользовались тем, что многие русские, когда часть посада была взята штурмующими, бросились грабить посадские дома. Курбский свидетельствует, что “на корысти падоша, мнози, яко глаголют, по два крат и по три в стану отхождахи с корыстями”. Казанцы же, не думая о собственных домах, “начаша крепче налегати” и вновь занимать покинутые городские (внешние) стены. Занявшиеся грабежом воины сами создали паническую обстановку среди русских. Когда казанцы начали оттеснять дравшихся у Царских ворот, эти корыстолюбцы с награбленным добром “через стену метались, а иные с корысти поверноша (то есть побросав награбленное—С.А.) только вопиюще: Секут! Секут!”. За этим криком “Секут! Секут!” устремились и сражающиеся. Воеводы, чтобы поднять дух воинов, просили царя Ивана IV прибыть на место сражения, но тот, не вылезая из своей церкви, продолжал молиться. И лишь тогда, когда второй раз просили-явиться и сообщили, что войска отступают, его смогли заполучить в город.

Ближние бояре-воеводы думая, что казайцы все русское войско из города выгоняют и. победа склоняется им, заставили Ивана IV сесть на коня и, по выражению А. Курбского, “хотяша и нехотяша” взяли за узду коня и повели вместе со знаменем к Царевым воротам. По описанию летописца, Иван IV ехал к городу весь в слезах и беспрестанно шептая молитвы\ Одновременно с водружением царского знамени на воротах половине царского полка (резерв), в 12 тыс. человек (вторая половина 12 тыс. охраняла царя) было приказано спешиться и атаковать неприятеля. Курбский говорит, что царский полк состоял из 20 тыс. человек, значит, в каждой половине было по 10 тыс. воинов.

Вступление в бой свежего войска решило дело. Защитники, сражаясь, падали мертвыми, некоторые отступали в кремль. Более упорядочение шло сражение со стороны Ар-ских ворот. Здесь защитников возглавлял сам хан Едигер против Большого полка. В течение 4 часов противостояли борющиеся, но под все увеличивавшимися превосходящими

силами татары постепенно отходили до Тезицкого рва перед крепостью, где и остановились. Но и здесь долго сопротивляться не смогли, потому что' приближался свежий в блестящих доспехах царский полк. Защитники, сметая полк Курбского, устремились во внутрь кремля. Их отступление было прикрыто выступлением кремлевского духовенства. Главный сеит Кулшериф мулла, вооружив всех своих подчиненных—служителей мечетей, мулл, абызовивсех уче-ников-шакирдов, организовал аТаку на наступающих так сильно и крепко, что дал возможность Едигеру укрепиться в царевом дворе. Кулшериф и его отряд боролись до тех пор, пока все до единого не пали мертвыми. После этого Едигер с остатками отрядов продолжал оборону еще 1,5 часа'.

Курбский, находящийся к этому времени вне кремля, не мог помешать Едигеру войти в царев двор, потому что здесь повторилось то же, что и в посадке. Русские, увидев богатство, кинулись на добычу, каждый старался прихватить больше добра. Да и мало осталось у него. людей. Как сам он утверждает, с ним осталось всего 150 воинов. На пятачке земли, каким был царев двор [в Казани], Едигер, конечно, не мог удержаться. Посоветовавшись, они решили живыми не сдаваться, а пробиваться через Елбугины ворота за город. Они прошли по трупам к угловой башне близ этих ворот и крикнули, чтобы остановили бой. Когда притихло, сказали: пока стояли наше государство и главный город, где был царев престол, до тех пор до смерти бились мы за царя и отечество, а ныне отдаем вам царя нашего здоровым— ведите его к царю своему. А мы, остальные, выйдем в широкое поле испытать с вами последнюю чашу.

Отдав Едигера с одним только приближенным его князем Зайнашем, Последние защитники Казани бросились через ворота и стены на Казанку против лагеря полка правой руки. Против них был открыт орудийный огонь, они, в количестве 6 тыс. человек, повернули вправо и, уйдя по Казанке вверх, переправились через реку. С небольшим числом конницы раненый Курбский догнал отступающий и врезался в их ряды. Здесь он опять был ранен и лежал в беспомощности. Бежавших татар преследовали подоспевшие полки и “от реки от Казани и до леса и в лесе многие мертвые лежаше и немногие утекли, многие ранами ранены.

' Сказания кн. Курбского. С. 33.

" Там же. С. 34. (Из рассказа Курбского мы взяли лишь те места, которые подтверждаются другими источниками.) ^ ПСРЛ. Т. 13. С. 218, 513.

' Сказания князя Курбского. С. 31. " Сказания кн. Курбского. С. 32. ' ПСРЛ. Т. 13. С. 217, 512.

Сколько человек спаслось бегством из города, точно неизвестно. Оставшихся в живых несчастных в городе было больше. Им[^] уготована была страшная участь. Царь Иван IV приказал всех оставшихся мужчин истребить, женщин и детей всех взять в рабство. Город был отдан воинам на разграбление на 3 дня. Если 2 октября до 1 часа дня шли бои [между войнами], то после обеда началась резня, избиение мирного населения. Старики, раненые и все другие мужчины были истреблены. А пленных женщин, и детей взяли столь много, пишет летописец, что ими все полки наполнились, “у всякого человека русского полон татарский бысть”\ Это можно принять как обычное преувеличение, так как сомнительно: осталось ли в Казани 100 тыс. женщин и детей?

Когда войска занялись разрешенным грабежом города, Иван IV взял себе только пленного царя Едигера, знамена Казани и городские пушки[^]. Последнее указание о пушках опровергает мнение некоторых авторов об отсутствии пушек у защитников. Они были и действовали почти до конца обороны, хотя большие крепостные пушки были вывезены еще Шах Али ханом.

Одним из первых приказаний было также и тушить пожары в городе, что и было сделано. ,

Город был покрыт мертвыми телами. Сколько пало русских и татар, никто не считал. Летописец и “Царственная книга” пишут только о трупах “басурман”, лежащих кучами везде на улицах, а кое-где вровень ([^]городскими стенами. Но атакующие всегда теряют больше, чем защищающиеся из укрытий. Поэтому, и по описанию Курбского, надо думать, что. штурмующих пало не меньше, чем защитников.

Летописи опять указывают, что в городе было освобождено много тысяч русских пленных. Однако, во-первых, их уже при Шах Али хане отдали воеводам. Во-вторых, что же они[^]десятки тысяч человек, делали при обороне Казани: не помогали своим освободителям, не бежали из города при осаде, не восстали в городе и т. д. Пожалуй, в городе их уже не было.

Итак, Казань была в руках воевод. Убедившись в этом, царь Иван IV осмелился войти в город. Для этого очистили от трупов одну улицу в крепости от Нуралиевых ворот до царева двора. Пока шли приготовления торжественного въезда царя в город, его поздравили с победой брат Владимир Андреевич и все бояре и воеводы.

Была поставлена походная, то есть полотняная церковь и совершен молебен на том месте, где стояло царское знамя при штурме.

В царевом (ханском) дворе произошла церемония: поздравления, хвала богу и т. д. Было приказано очистить город от трупов, что и было сделано к 4 октября. В этот день царь второй раз приехал в царев двор. Здесь отметили, где основать церковь Благовещения, и пошли по городу крестным ходом, освящая стены и улицы святой водой. 6 октября был освящен также Благовещенский собор и быстро переделанная под церковь Соборная мечеть.

Казань, таким образом, защищалась в течение 41 дня. По сути дела оборону Казани можно считать героической. Немногим более 30 тыс. воинов, если насчитать конницы Епанчи, противостояли 150-тысячному войску с новейшими техническими сооружениями и минно-галерейным искусством Размысла. Но одной храбрости и самоотверженности было недостаточно для борьбы с таким сильным государством, каким уже являлась Московская Русь. Взятие Казани означало не только уничтожение Казанского ханства, но и присоединение всего Среднего Поволжья. Без его взятия нельзя было и думать об окончательном овладении краем. Казань для Русского государства могла стать стала не только опорным пунктом покорения народов этого края, но и открыла путь дальше на юг и восток.

ВОЙНА НАРОДОВ КАЗАНСКОГО ХАНСТВА ЗА САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ

По рассказу А. Курбского, вопрос о политике по отношению к местному населению сразу же после падения Казани был рассмотрен на специальном “совете”, то есть на Боярской думе, где присутствовали те члены думы, которые участвовали во взятии Казани. А. Курбский пишет, что часть бояр советовала царю Ивану остаться под Казанью со своим войском до весны и “до конца выгубил бы воинство бусурманское и царство оное себе покорил и умирил землю на веки”. Другая же часть думы и сам Иван IV не поддерживали политику уничтожения местного населения. Они сформировали политику Русского государства по отношению к населению бывшего Казанского ханства как политику, основанную на привлечении основной массы народов к уплате

Сказания князя Курбского.
СПб., 1842, С. 38.

' ПСРЛ. Т. 13. Г. 219, 513. "

Там же. С. 220, 516.

ясака в казну русского царя'. Эта политика соответствовала финансовым требованиям централизованного государства служилых дворян. Последние в лице Горбатов-Шуйских и выдвинули, очевидно, такую политику. Она осуществлялась путем посылки служилых людей с указом: "по всем улусам черным людям ясачным жалованные грамоты опасные, чтобы шли к государю не бояся ничего; а хто лихо чинил, тем бог мстил; а их государь пожалует, а они бы ясаки платили, яко же и прежним Казанским царям". Таким образом, жалованные грамоты требовали от всего населения покорности и уплаты ясака, при этом амнистировали участников обороны Казани и оказавших сопротивление русскому продвижению.

Если бы установилось такое положение, то не было бы необходимости сохранения войск под Казанью. Оставление основных военных сил Русского государства на востоке в стратегическом отношении также не было целесообразным, так как западные и южные границы оголялись, в этом случае Москва лишалась возможности отпора в случае нападения литовцев и крымцев. Нужно было вернуться с основными силами в политический центр страны. Можно было это сделать тем более, что скоро в Казань, к Ивану IV, начали приходить жители окрестности с объявлением своей покорности. По челобитью арских людей, поданного делегатами-казаками Шемаем и Кубишем, туда поехали сын боярский Казаринов и Камай мурза Казанский, чтобы привести их к присяге. Также и луговые "черемиса", как указывает Никоновская летопись, приехали "к государю бити челом", то есть изъявлением согласия уплатить ясак-*. Это было 4—5 октября 1552 года, а уже 10 октября Казаринов и Камай мурза возвратились из Арской земли и с ними делегаты, которые сообщили о полной покорности населения, согласного уплатить ясак, как было при Мухамет-Эмине.

Удовлетворившись таким проявлением покорности населения и оставив в Казани большим воеводой князя А. Б. ' Горбатого, а в Свияжске—князя П. И. Шуйского, царь 12 октября выехал из Казани в Москву. Судовая рать во главе с царем отплыла Волгой, а конная—с князем Воротынским во главе сухим путем через Васильсурск. У казанских воевод А. Горбатого и В. Серебряного оставлены были 1500 детей

боярских, 3000 стрельцов со многими казаками и артиллерией', Дана была и письменная инструкция воеводам 'по управлению краем, очевидно, с разъяснением основных положений принятой политики по отношению к коренному населению, содержавшей правила сбора ясака.

Однако начатое первоначальное мирное покорение населения скоро прервалось в силу ряда причин. Главной причиной было чрезмерное притеснение местного населения новоявленными боярами и дворянами. На это "Царственная книга" указывает так: "боярам приказал государь без себя о Казанском деле промышляти да и о кормлениях сидети; они же от. великого такого подвига и труда утомишася и малого подвига и труда не стерпеша докончати и възжелаша богатства и начата о кормлениях сидети. а казанское строение поотложиша"^^, то есть оставшиеся управители начали, мягко говоря, собирать богатства с населения, по-видимому, позабыв свое обещание собирать ясак, "как было при Мухамет-Амине царе". В другом месте та же "Царственная книга" и Никоновская летопись, сетуя на плохое управление, отмечали "и за нашу разность и неединомышление инде же явися и превъзношение игорды слова: понеже бог милосердие свое показал над Казанью и в нас явились гордые слова и высокия, и на богатство уклонихомся, а бога о сем не благодарихом, и почали о себе мудри быти и храбри, а строения ни о чем не смышляху, но токмо в гордости своей хвалихомся"

Из этих слов понятно, что бояре, дворяне думали только о своей корысти, похвалялись и ходили гордо, требовали с населения чего хотели и чего не хотели, а об упорядочивании жизни населения не думали, даже, наоборот, разрушали эту жизнь. "Не пастыри и учителя им быше, но гонители и разорители им сотвориша... презрев страх божий и государевы уставы, многие грады и волости пусты учинили". Сразу же после взятия Казани, после того как население изъявило согласие уплатить ясак и в этом дало присягу великокняжеским посланникам, в разные стороны были направлены дети боярские и казаки собирать ясак и провизии и, кроме того, местная администрация начала путем насильственного крещения русифицировать, не крестившуюся часть изгонять из населенных мест или даже уничтожать. Летописцы сообщают, что татар в тюрьмы сажали, которые "захотели креститься, которые на захотели креститься, то их метали в во^у"

¹ Смирнов. И. И. Очерки политической истории Русского государства 30— 50-х годов XVI в. М— Л., 1958, С. 204. " ПСРЛ. Т. XIII. С. 221. " Там же.

¹ Карамзин. История Государства Российского. Т. VIII. С. 164. " ПСРЛ. Т. XIII. С. 523. " Там же. С. 528 и 230. < ПСРЛ. Т. III. С. 157.

Таким образом, хотя центральной властью была определена более умеренная политика, но среди местной администрации была, если не большая часть, но немало людей-сторонников И. Пересветова и А. Курбскогр, проводивших жесткую политику по отношению к местному населению: В результате население начало волноваться и оказывать сопротивление. Еще в начале декабря 1552 года воеводы Васильсурска писали в Москву, что на Волге горные люди вместе с луговыми напали на русских гонцов, купцов и людей, сопровождавших обозы с казенным имуществом. По распоряжению правительства на горных людей двинулся воевода Борис Салтыков, который на Цивиле поймал 74 человека. Некоторых из них вешали на месте, а некоторых привели в Свияжск и вешали у ворот города; их имущество было роздано доносчикам¹. В том же месяце около Казани начали вести борьбу “Тугаевы дети с товарищи”. На них воеводы послали с отрядом известного предателя Камай мурзу и Казаринова. На Арской стороне, как пишет “Царственная книга”, восставшие были разбиты, и Камай мурза с Казариновым привели в Казань- 38 человек пленных, которые были перевешаны тут же. После этого события дворяне (дети боярские) А. Давыдов, Н. Глебов, Г. Злобин, Я. Остафиев и Ширий Кобяков были посланы для сбора ясака в Арскую и Алатскую даругам (дорога), а другие по Зюрейским и Ногайским даругам. Они со своими отрядами ясаки собирали сполна и привезли к воеводам. В апреле 1553 года на Луговую сторону (в ту же Алатскую дорогу) собирать ясак опять были посланы М. Лихорев и И. Скуратов. Нам неизвестно, сколько раз посылались и в какие стороны направлялись сборщики ясаков со своими вооруженными отрядами. Летописи сообщают, очевидно, только те посылки, которые были связаны с наиболее важными последствиями. На этот раз в конце апреля ясачники Луговой стороны “побили” Лихорева и Скуратова и пошли соединиться с арскими людьми. Объединенный повстанческий отряд татар, мари и удмуртов стал на Высокой горе недалеко от Казани на месте бывшей Япанчинский засеки.

¹ ПСРЛ. Т. 13. С. 527.

² ПСРЛ. Т. 29. С. 214. Т. 13, С. 229. Не того ли Тугая эти “дети”, который в сентябре 1546 года послал своих людей в Москву, прося воинскую силу против Сафа-Гирея? Хотя в летописях речь идет в первом случае о Горной, а во втором—Арской сторонах, дети его после смерти или гибели отца, вполне могли перебраться на Луговую сторону. Летописи называют по имени людей известных и то не часто. В данном случае летописи не упоминали бы о каких-то “детях”, если бы они не были детьми известного Тугая.

На них из Казани были отправлены отряды хорошо вооруженных стрельцов во главе с И. Ершовым и казаков во главе с В. Елизаровым. Эти отряды шли по разным дорогам, а повстанцы, не ожидая их соединения, разбили их поодиночке. Было убито 350 стрельцов и 450 казаков¹. Судя по этому, повстанцев было многое количество. Так начались восстания крестьян местных народов против усиления феодально-колониального угнетения, что продолжалось до 1558 года. М. Худяков считает его “продолжением войны за независимость Казанского ханства” или новой войной со стороны Русского правительства “для действительного завоевания Казанского х^нства”².

Как только усмирительный отряд стрельцов и казаков был побит повстанцами, “Арские и побережные и луговые” люди построили на реке Меше, от Казани в 70 км, город-крепость, и “землею стену насыпали, хотяше тут отсидеться”. Одновременно поднялась и Горная сторона. Сюда из левобережья Волги Усеин сеит и Сарый-батыр прибыли со своими отрядами. Восставшие здесь разбили выступившего против них свияжского воеводу Б. Салтыкова. Воевода был взят в плен, убито всего более 250 человек, в том числе 36 боярских детей и в плен взято 200 человек³. Очевидно, к восстанию примкнуло большое количество населения Горной стороны: марицы, чуваша и татары. Чтобы самого воеводу в плен взять и побить столько вооруженных людей, нужны были, пожалуй, немалые силы. Запечатление имен вожаков в летописях также говорит за то, что восстание было крупное. Таким образом, край был охвачен пламенем крестьянского восстания. Правительство вынуждено было срочно принять необходимые меры по подавлению восстаний и покорению населения.

С получением известий из Казани и Свияжска правительство весной 1553 года отправило большое войско во главе с Д. Ф. Адашевым, родным братом самого Алексея Адашева. Сверху по Волге к нему присоединились казаки, а в Вятской земле—вятичи. Он все лето ходил по Вятке, Каме и Волге, на многих местах разбил повстанцев, на перевозах—ногайцев и прислал в Казань 240 человек пленных. Но он не мог усмирить восставший народ. А. Курбский пишет, что восстание шло “беспрестанно, аки шесть лет после взятия

ПСРЛ. Т. 13. С. 230, 528.

² Худяков М. Очерки по истории Казанского ханства. Казань, 1923. С. 148, 151. ³ ПСРЛ. Т. 13. С. 528. “ Там же. “ Там же. С. 231.

места Казанского, ижео одной земле грады новопоставленные, некоторые и в русской земле в осаде были от них”.

В сентябре 1554 года были посланы большие силы с боярами-воеводами: большой полк И. В. Шереметева и А. А. Салтыкова; сторожевой йолка А. М. Курбского и М. Вороного. С осени они начали военные действия; сожгли город-крепость на Меше, ходили вверх по Каме на 250 верст до башкирских земель, “а от Волги к Вятке поперечь 200 верст”. Летописец пишет, что в Свияжске новоприбывшим войскам присоединены были прежде тут стоявшие войска и шли они широким фронтом, “езде воюя и сжигая” окрестные села. Войска были посланы и на “побережную сторону Чювашскою дорогою головы и многих людей, и налево многие”[^]. Только А. Курбский имел около 20 сражений с восставшими[^]. Войска проходили через Нурмы, Арска, Уржума, до Илеть-реки и до Вятских земель. Войска “страшно опустошили всю страну”[^]. По свидетельству Курбского, восставших было примерно 15 тысяч. Из них 10 тыс. было побито.

Русские войска, кроме того, пленили 6 тыс. мужчин, 15 тыс. женщин и детей, которых угнали в рабство. После такого опустошения Арская, побережная сторона, руководители восставших Усеин сеит, Сарый-батыр и другие били челом, чтобы им разрешили платить дань, под страхом смертной казни не восставать против местных властей, как говорится в летописи, “от Казани неотступным быти и до своего живота”[^]. Жесточайшие меры как будто бы усмирили население Арской и Вятской сторон. Однако летом 1554 года начали восстание луговые люди. Против них воеводы Казани послали татарских князей Кебеняка, Кудай мурзу с казанцами, арскими, побережными и горной стороны людьми, чтобы испытать верность последних. Однако они не стали воевать со своими, соединились с восставшими, а тех, которые были с надсмотрщиком М. Кошелевым и оставались верны правительству, побили. На Каме восставшие напали на царских рыболовов и стали приходить на сенокосы Казани. Опять пришлось отправиться против луговых повстанцев полкам из центра во главе с воеводами князем И. Ф. Мстиславским, Д. Р. Юрьевым. Они в 1555 году напали на Черемисы, побили их, затем за две недели опустошили 22 волости, в том числе волость сотника Мамич-Бирдея”.

[^]Сказания князя Курбского. СПб., 1842, С. 47. [^] ПСРЛ. Т. XIII. С. 239. ^{*}Сказания князя Курбского. С. 48. ^{*} Соловьев. Т. 6. С. 478. “ ПСРЛ. Т. XIII. С. 239. “ Там же. С. 246.

Но не все восставшие были пойманы или уничтожены. Один отряд их пришел на Арскую сторону. Однако здесь, уже стояли царские стрельцы и казаки. Летописи пишут, что население поделало повсюду остроги, с помощью стрельцов убили многих луговых людей, “а луговые воевали села татарские и пошли на луговую”[^]. Воеводы Свияжска организовали поход горных людей (чувашей) на луговых (черемисов). 700 чел. горных людей внезапно напали на Луговую сторону, некоторых людей убив, а некоторых пленив, уничтожив скот, они пришли обратно к воеводам, показав тем самым “свою верность”. Также в Казани было организовано нападение князей и служилых Еналея Чигасова, Еналея Маматова с “жилцы казанскими и с новокрещены” вместе со стрельцами на луговых людей. Они разбили восставших и привели к воеводам пленными Кебенек князя, Курман Алия князя, Ку-лай мурзу, Чебак мурзу и других видных людей. В Казани всех их умерщвили[^].

На основе этих фактов мы делаем два вывода: во-первых, воеводы по распоряжению из центра старались противопоставить один народ другому, разобщить их на разные территориальные единицы и столкнуть друг с другом. Элементы такой политики уже видны были до взятия Казани, когда горные люди были отправлены для нападения на луговых. Во-вторых, в борьбу против феодального угнетения новых властей включились феодалы старой власти со стороны “народных масс, желая использовать крестьянское движение в своих целях. Однако крестьянские массы действовали по своему классовому чутью. Летопись продолжает, что “Арские люди и побережные переимали сами многих татар, которые не прямили государю, да иных сами побивали, а иных к воеводам приводили да сами резали их и побивали перед воеводами; и побили их тою осенью 1560 пленных людей, князя да мурзу да сотного князя да лутчего казака”. Последние слова уточняют, каких татар “поймали крестьяне и перебили”. Отсюда понятно, что крестьяне боролись не только против пришлых феодалов, но и своих национальных. Такой классовый характер выступлений крестьян проявлялся и в дальнейшем.

Когда Арские и Вятские земли стали покорными, продолжали бороться луговые во главе с Мамич-Бирдеем. Последний, собрав несколько тысяч повстанцев, укрепился на правом берегу Волги, в небольшой крепости Чалым. Чалымский острог построен был на высокой Сундырской горе, природные условия сделали его со стороны Волги неприступным, со

[^] псрл. т. 13, с. 246. “ ПСРЛ. Т. 13. С. 247.

стороны суши он был опоясан земляным валом и рвом¹. Отсюда он напал на царские и купеческие суда; почти отрезал волжский путь от Свияжска к Васильсурску. Этот сотник после разорения своей волости в 1555 году становится самым активным руководителем восстания и ищет пути выхода из повиновения русской власти. Ему казалось, чтобы вернуть свою феодальную самостоятельность, необходимо организовать весь народ, а для этого иметь законного владельца власти в лице хана. Может быть, Мамич-Бирдей надеялся с помощью ногайцев восстановить ханскую власть во всем Казанском царстве. Он сносился с ногайцами, которые верховодили тогда на территории бывшей “тэхет иле” (“страны престола”, как называли в народе Золотую Орду). Действительно, у ногайцев было сколько-то угодно князей, имевших право, законно, по тогдашним обычаям, занять какой-нибудь престол, как наследники царской династии.

Против Мамич-Бирдея было послано большое войско: большой передовой и сторожевой полки с воеводами во главе с боярином и князем И. Ф. Мстиславским. Эти войска действовали и по горной и луговой стороне. Однако острог Чалым не был взят, а Мамич-Бирдей со своим двухтысячным отрядом смог переправиться на Луговую сторону. Под его влиянием арские и побережные люди, ставшие платить ясак, опять вышли из повиновения, стали убивать стрельцов, которые находились там для “сбережения”.

В это время к Мамич-Бирдею в Луговую сторону из Сарайчика прибыл приглашенный в ханы Али Акрам, сын Юсуфа мурзы, брат Сююмбеки, с отрядом в 100 человек ногайцев. А. Курбский по этому поводу пишет: “взяла была черемиса луговая царя себе с Нагайские орды, брониюся -христианом и воююще; бо тот черемисский язык не мал есть... а обирается их, глаголю, вящей двадесять тысящей войска; потом же егда рассмотривши, иже мало им прибыли с того царя, убиша его”.

Али Акрам, очевидно, ничего путного по управлению не сделал, а занимался обиранием населения. Восставшие крестьяне взоткнули голову убитого новоявленного хана и приговаривали: “Мы было взяли тебя на царство для того, чтобы ты с своим двором оборонял нас, а вместо того ты и твои люди помощи не дали никакой, а только волов и коров наших поели”². Население расправилось не только с ним, но и с его ногайским отрядом, а затем и самим Мамич-Бирдеем.

Последний, после провала своей затеи с ханом, соединившись с арскими людьми, с двухтысячным отрядом пошел на Горную сторону, надеясь, что население и там станет под его знамена. Однако крестьяне его обманули; сначала как будто согласились быть вместе с ним, пригласили на пир. Мамич-Бирдей явился с 200 сторонниками, которые были перебиты или разоружены³ а сам главарь был взят в плен и отвезен в Москву. Горных людей царь в Москве пожаловал “великим своим жалованием, и всяких им пошлин полегчил”. Таким образом, опасный главарь восставших сотный князь был ликвидирован самими же крестьянами. Однако восстания еще продолжались.

В марте-апреле 1556 года большое правительственное войско из детей боярских, казаков, стрельцов, новокрещенов и татар под начальством боярина-воеводы П. В. Морозова повели наступление на Чалымский городок. Повстанцы были разбиты, городок выжжен, окрестности опустошены. В мае того же года Морозов повел наступление на Арск и далее. На реке Меше они разбили отряд повстанцев Девляка мурзы, брата Кулай мурзы. Девляр сам попал в плен. Морозов здесь “воевал десять день и все Арские места повоевав и побил многих людей и полоном вывел бесчисленно много”. В июне Морозов опять отправился с войском из Казани на этот раз в сторону реки Ашит, а дальше через Уржум к Вятке⁴: “воевали бесчисленно много и полон имали женьки и робята, а мужиков всех побивали”, весь Арский край “до конца в руки учинили”. После такого опустошительного похода оставшиеся люди все приходили просить помилования и не воевать их. Это было летом 1556 года. Казалось бы также, жестокие меры достаточны для полного покорения местного населения.

Однако восстание не прекратилось. В апреле 1557 года отряд восставших во главе с Ахметек-батыром повел наступление из Луговой на Горную сторону. Наступление на Горную сторону, как видно, было несколько раз. По-видимому, это означало наступление на Россию. Горная сторона непосредственно соприкасалась с русскими землями, там много было правительственных войск. В сражении с войсками воевод отряд был разбит, а сам Ахметек взят в плен. Правительство в это время получало известия из Казани, Свияжска и Чебоксар, что войска отправлены во многие места и “езде дал бог воюют”. В мае месяце из Казани поступила, отписка,

¹ ПСРЛ. Т. XIII. С. 266.
² ПСРЛ. Т. 13. С. 269.
³ Там же. С. 282.

' Казанские губерн. ведомости. 1852, № 30. " Сказания кн. Курбского. С. 53. '

Соловьев С. М. История России с др. времен. М., 1960. Т. 6. С. 517.

что луговые люди просят прощения, готовы покориться и хотят быть в холопстве, как и горные люди. Такие же сообщения делали воеводы Свияжска и Чебоксар. Из Москвы был послан стряпчий царя С. С. Ярцов, чтобы принять присягу с населения. Из Чебоксар сообщили, что Мамич-Бирдеевы дети и все другие сотские покорились. Скоро С. С. Ярцов приехал обратно в Москву и доложил, что все население покорилось. Вместе с ним “приехали от всей земли бити челом сотные князи и их Казимир да Какада Янтимир с товарищи”. Далее летопись заключает: “Казанские люди лутчие, Их князи и мурзы и казаки, которые лихо делали все извелися, а черные люди все с одного в холопстве и в дани учинилися”.

О дальнейших событиях в ряде источников говорится, что в продолжение 6 лет разрозненные отряды татар продолжали еще беспокоить Казанский край и границы Русского государства до тех пор, пока воевода Иван Шереметьев во главе 30 000 человек окончательно не покорил эту страну и повсюду не нагнал страх вплоть до башкирских пределов... Башкиры были более или менее покорены.

Восстания крестьян были подавлены. Они были разрознены, неодновременны; вспыхивали то в одном месте, то в другом. Единое руководство отсутствовало, вооружение было совсем плохое. Основной движущей силой восстаний были марийские, татарские, чувашские, удмуртские и мордовские крестьяне. Русских крестьян в это время здесь почти не было. В движении участвовали князьки, мурзы, сотники и казаки — феодалы указанных местных народов. Однако из вышеприведенных слов летописи нельзя делать заключение, что движение было чисто феодально-националистическим, то есть оно было направлено в целом на восстановление власти и позиции бывших феодалов местных народностей. Основная масса населения боролась и против пришлых, и против своих феодалов. Русские феодалы (или бояре вместе с боярскими детьми и др.) ожесточенно воевали против местных феодалов — волостных, сотников, князей и мурз, а последние также сильно противостояли им. Это хорошо отражено в Никоновской летописи. Фактически борьба шла между русскими и местными феодалами за землю, основное средство производства. Та же летопись буквально за указанием об истреблении местных феодалов и о холопстве крестьян пишет о разделении земель между новыми хозяевами. Вот следующее за первым указанием летописи: “И боярин князь Петр Иванович (Шуйский, наместник царя в Казани, заменивший А. Б. Горбатого—С.А) на царя и государя и архиепископу и Казан-

перл. Т. XIII. С. 282.

скому наместнику (ему самому—С.А.) и архимандриту и детям боярским царевы (ханские—С.А.) села и всех князей казанских разделил, и пахать учили на государя и на всех Русские люди и на новокрещены и на Чювашу”. Это краткое, но очень емкое и глубокое указание. Разделение земель ^) было не после взятия Казани, хотя тогда имелось свободное время, а после подавления восстания, вызванного притеснениями местного населения, в том числе князьков и мурз. Последние держали волости и земельные участки в своих руках. Надо было отобрать эти земли “а вообще создать земельный фонд в “подрайской земле”, за что и воевали.

В первую очередь, как видно, обширные земельные участки получили царь, архиепископ, наместник, архимандрит и дети боярские, то есть помещики; затем все другие: русские, новокрещенные и чуваша. Летопись прямо указывает, где получили новокрещенные земельные участки. В том же 1557 году наместник Шуйский приказал гнать местное население в Лаишев, чтобы там поставили деревянный острог. И как только он был построен, там поместили новокрещен и стрельцов во главе с детьми боярскими для охраны берегов Камы. Здесь же вокруг Лаишева им были выделены земли для пашни и луга для сенокосов. Также новокрещенам и русским людям, продолжает летопись, было указано “у города у Казани и по пустым селом всем... пашни пахати”^).

Летопись не указывает, где выделены были земли “чувашам”. Мы думаем, что им особые места не выделялись, а оставлены были прежние свои земли, уже в узаконенном виде. Это подтверждается указаниями летописей о выдаче им жалованной грамоты с освобождением от платежа ясака на три года^ в 1552 году и, очевидно, о последующих годах, так как из упоминания в завещании Грозного о населении Горной стороны можно заключить, что оно еще пользовалось кое-какими привилегиями по особой жалованной грамоте”. Такая грамота могла быть дана после пленения и выдачи Москве Мамич-Бирдея в 1555 году.

Пожалуй, не все пустые земли были розданы, так как в Луговой стороне и Прикамье не только землевладельцы были истреблены, но и многие крестьяне-общинники бежали в тяжелые 1552—1557 годы. За этой первой задачей следовали другие “дачи” самим царем из Москвы, и намест-

’ ПСРЛ. Т. XIII. С. 283. ” Там же. С. 281— 282. ’ ПСРЛ. Т. 20. Ч. 2. С. 481. * Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. С. 470.

никами Казани и Свияжска. От этих раздач и “дачь” в историографии остались термины “владеть сдачи” и “вла-^ деть без дачи”. Если земля была закреплена за владельцами указами, то они считались “с дачью”, а если нет, то “без дачи”. По наследству от прежнего царства после указанной первой раздачи большинство населения осталось пока “без-дачи”, то есть владели землей без официального признания “по старине”. После восстаний 1552—57 годов пустых земель было много. Однако они не очень быстро вновь осваивались, так как русские, особенно невооруженные одиночки, не очень-то охотно стремились поселиться на тревожной окраинной земле. Восстания местных народов в первое время удерживали колонизационный поток из центра. Основным значением усмирения этих восстаний было, конечно, окончательное и прочное присоединение этого края к Русскому государству. Экономически мощные феодальные хозяйства татарских, марийских, чувашских, удмуртских князьков и мурз были ликвидированы, “черные люди”— крестьянские массы покорены.

Одновременно с покорением населения бывшего Казанского ханства шло покорение Астраханского ханства, то есть превращение всей Волги, с ее середины до устья, в русскую реку.

Астраханское ханство было очень слабым государством ным образованием. Оно отделилось от Золотой Орды в 1459—1460 годах. Город Астрахань по Афанасию Никитину. (“Хождение за три моря”, 1466—1479) была значительным торговым городом. После распада Золотой Орды, чьим союзником она являлась, Астрахань постоянно колеблется между Ногайской Ордой и Крымом.

В 1551 году из Астрахани в Москву прибыл князь Ичим для заключения дружеского союза и торгового договора. В ответ в апреле 1552 года в Астрахань прибыл С. Авроси-мов. В связи с казанскими делами астраханский хан Ямгур-чей арестовал его и сослал на остров в Каспийском море. Ямгурчей начал усиливать свою армию и получать помощь из Крыма. В эту эпоху в ногайских степях шла ожесточенная борьба за главенство между двумя князьями: Юсуфом, с одной стороны, и князем Исмагилом, с другой. Князь Юсуф, отец Сююмбеки, кочевал между Волгой и Яиком и меньше был связан с Русским государством. Исмагил князь кочевал ближе к Волге и Астрахани, был больше связан с Москвой в торгово-экономическом отношении. Исмагил говорил Юсуфу: “Твои люди ходят торговать в Бухару, а мои ходят к Москве, и только мне завоеваться с Москвою, то и самому мне ходить нагим дат1 мертвым не на что будет

саванов шить”. Он с помощью русских хотел сделать Астрахань своим городом и поэтому пробил у русского правительства, чтобы вместо Ямгурчей ханом ставили Дервиш-Али. Дервиш-Али, ногайский царевич, тогда служил у русского царя и владел Звенигородом. После взятия Казани Исмагил также начал колебаться и просил отложить поход русских войск на Астрахань, а Дервиш-Али отослать в Орду. В этой просьбе отражалось, наверное, послание турецкого султана о защите мусульманского мира от наступления православных русских. Однако междоусобная борьба оказалась сильнее, чем интересы мусульманства, и Исмагил возобновил свои предложения о свержении Ямгурчей. Предложение было принято и за оказанную услугу Исмагил должен был напасть на своего брата Юсуфа. В то же время для оправдания завоевания Астрахани выдвинут был такой тезис: Астрахань якобы издавна русская земля. Она раньше называлась Тмутараканью (чего никогда не было) и князь Владимир якобы ее отдал своему сыну Мстиславу, тут правили потомки Владимира, сродники Ивана ГУ и т.д.

Весною 1554 года 30-тысячное войско поплыло по Волге к Астрахани, туда же отправились казаки и вятские служилые люди. Разведочный отряд астраханцев быстро был разбит и пленен. 2 июля войска заняли город без сопротивления, потому что он был пустой, при виде грозной армии защитники ее убежали. Ямгурчей хан своим станом остановился ниже Астрахани в 5 верстах, но вынужден был, покинув жен и имущество, бежать к Азову. Передовой русский отряд перехватил цариц и царевичей, которые плыли к Каспию. Всего в Астраханском ханстве оказалось 500 человек князей и мурз, 10 тыс. простых жителей. Воеводы новым царем Астрахани объявили Дервиш-Али, который присягал вечной и верной службе московскому правительству. Кроме того: 1) Астрахань обязалась ежегодно платить дань Москве по 40 тыс. алтын денег и 3 тыс. рыб; 2) русским рыболовам по всей Волге ловить рыбу “без препятственно” и без пошлин, астраханским рыболовам ловить вместе с ними “безобидно”; 3) если умрет Дервиш-Али, то астраханцам не искать другого царя, кроме кандидатуры Ивана IV и его детей. Утвердив такие условия, воеводы взяли с собой цариц и детей их, а также русских пленников и отправились обратно в Москву.

В начале 1555 года Исмагил напал на Юсуфа и убил своего брата. Сражение шло несколько дней. Русский посланник к Ногаям говорил в Москве, что ногайцев с обеих сторон пало множество: как орда ногайская стала, такого падежа людей над ними не было. По этому поводу

С.М. Соловьев восклицал: “Так дорезывали кочевники друг друга в степях приволжских, приготавлиая окончательное торжество Московскому государству!”” Позиции, русского государства еще более укрепились.

. Против Исмгила выступили Юсуповы дети и Дервиш-Али, точнее его новые хозяева, не хотел^ отдать Астрахань под его руку. Против Дервиш-Али действовали бывший хан Ямгур-чей и крымский Хан Давлет-Гирей. Дервиш-Али удалось натравить сыновей Юсупа против Ямгурчея, но это не одобрялось русскими. Астраханский хан без русского ведома не должен был сноситься с другими. В марте 1556 года Исмгил писал в Москву, что Дервиш-Али изменил окончательно, соединился с крымским ханом, а русского посла Мансурова выбил из Астрахани. Эти слова скоро подтвердились и московское правительство немедленно послало крупные силы против Астрахани. Казаки, стрельцы и вятчане повели наступление против Дервиша. Больших отражений не было, Дервиш пытался было противостоятъ, но безуспешно. Затем он сносился с Боеводой стрельцов Черемисиновым, просил простить его, что он изменил невольню и-будет служить в Астрахани только русскому царю. Однако в город прийти побоялся, его не, пускали также крымцы и Юсуповы дети. Но последние сами скоро договорились с Исмгилом, отняли у Дервиша крымские пушки и прогнали его самого. Таким образом, когда шла беспорядочная междоусобица князей и мурз, русским ничего не оставалось делать, как вновь занять Астрахань. Черемисинов укрепился там, Дервиш-Али ушел в Азов, а Юсуповы дети опять начали ожесточенную борьбу с князем Исмгилом. Астрахань была опять взята без сопротивления. Но этот престол пустовал и никто не требовал, чтобы-кого-то посадить ханом в Астрахани. Кочевым ногайцам город не был нужен. Они просили только позволять кочевать под Астраханью, ловить рыбу и приходить на торг. Состояние их было незавидное. Русские послы доносили: “Ногаи изводятся; людей у них мало добрых, и те голодны необычно и пеши; не верят друг другу и родные братья, земля их пропала, друг друга грабят”. Крымцы также были способны только на грабительские налеты, а вести оборонительную войну, выставить крепкие полки только ради обороны Астрахани без надежды на грабежи они не могли и не умели. Так сравнительно легко было присоединено Астраханское ханство, и вся Волга стала русской рекой.

Заключение

Межгосударственные отношения Казани и Москвы имели различные периоды и закончились завоеванием Казани, что означало ликвидацию Казанского феодального государства на Средней Волге. Это государственное объединение существовало на Средней Волге с X в. сначала в виде Булгарского царства, затем при господстве золотоордынских ханов прошел период феодальной раздробленности, и вновь образовалось централизованное Казанское ханство. В книге освещались внешнеполитические и военные события последнего периода, хотя отношения между Булгарским царством и русскими княжествами существовали с давних времен. До монгольских завоеваний между ними мирные годы иногда прерывались военными походами князей-феодалов. <

При образовании Казанского государства (еще до ханства) во второй половине XIV века походы русских разбойников-ушкуйников и князей на Среднее Поволжье участились. Целью их был грабеж, захват имущества. Когда возникло Казанское ханство и окрепло, такие грабительские походы получали отпоры и начинались военные действия. Казанские феодалы сами тоже совершали тюходы на русские земли и города. В целом они совершались в годы войн между государствами. Тогда войны не имели фронтального характера, это были ответные походы друг на друга. Поэтому их нельзя называть только набегами. Набегами можно назвать лишь те, которые совершались в мирные годы без каких-либо серьезных причин. А их было совсем мало.

Идея завоевания Казани и ликвидации булгаро-татарского мусульманского государства на Средней Волге возникла в начале XVI века, а ее политико-военное решение произошло в конце 40-х годов того же столетия. До этого с XV века Московское великое княжество ограничивалось установлением своего протектората—господства над этой

' Соловьев С. М. Указ. соч. С. 484,

землей. Вспомним высказывания идеологов захвата Казанского ханства М. Грека, Даниила, Макария, боярдна А. Курбского, дворянина И. Пересветова и других мракобесов, которые открыто требовали завоевательной политики. Они же сами были и летописцы, и политики—вспоминали и писали, и говорили о том, что Иван III в 1487 году “своей саблею взял Казань” и с тех пор право назначать хана на казанский престол якобы принадлежит исключительно московским великим князьям.

Казанское ханство являлось экономически богатой страной. Однако оно по территории и населению намного уступало Московскому. К тому же политически оно отставало, жило по старинке. Посадить своего человека ханом в Казани русским было выгодно не только с точки зрения добрососедства и благоприятных условий внешней политики, но и с точки зрения материальной выгоды. В этом случае большая часть доходов уходила в Москву, за что население не поддерживало Шах Али и Джан Али. А когда Сафа-Гирей хан стал отправлять часть казны в Крым, население выступило и против него. Действительно, зачем Казань должна выделять часть своих богатств для чужих стран. Это было тяжело даже в феодальный период.

Московское государство решило полностью овладеть Казанским ханством, ибо в таком случае все доходы Среднего Поволжья принадлежали бы ему. Поэтому московские государи часто совершали походы в Казань. Победоносной войной они получили бы все людские и материальные ресурсы региона, сделали бы Казань русским городом, взамен ничего не давая. Казанцы это ясно понимали, но, кажется, воочию убедились только в последнем году своей независимости, когда Ислам, Аликей, Кебек и Чапкын Отучев 9 марта 1552 года открыли глаза казанцев на намерения воевод совсем уничтожить татарскую Казань.

Вот с этого дня начинается последний этап независимой жизни Казанского ханства. Однако это время самостоятельности было связано с войной не на жизнь, а на смерть, так как Москвой решение об уничтожении его было уже принято. Наступил август 1552 года. Казань была осаждена 150-тысячным войском Ивана IV. Осада и оборона, атаки и вылазки, штурм и падение Казани—диву даешься самоотверженности, героизму, мужеству и силе духа защитников города и крепости. Не имея достаточных сил и возможности для обороны, люди сражались за свою независимость насмерть, но не сдавались—в этом заключается их великий подвиг.

После взятия Казани Иваном IV начало воевать сельское население—татары, мари, чуваш и др. Покорение народов края продолжалось до 1557 года. Национольно-освободительная борьба шла еще продолжительное время, то усиливаясь, то затухая.

Многодневная оборона Казани, борьба за независимость, стремление отстоять суверенное государство явились поистине высочайшим образцом проявления силы духа наших предков, достойным всяческого восхищения и подражания.

Но в этой непрекращающейся борьбе они чаще всего были одинокими, лишены поддержки со стороны астраханцев, ногайцев, крымцев, турок, которые не осознавали последствий экспансии. Русского государства.

Завоеваниям и укреплению позиций Русского государства способствовали и пассивность, раздробленность, открытое служение противнику некоторых этно-социальных групп населения, а также части татарского общества, что впоследствии обернулось для них же тяжелейшими потерями, унижением и гибелью.

Героическая оборона Казани, немеркнущий свет подвига его защитников сквозь века пронесли идею нашей независимости, самостоятельности, государственности, высокой культуры и развитой экономики.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Казанское феодальное государство	7
Образование Казанского ханства	8
Население Казанского ханства я Золотой Орды	19
Протекторат Московского Великого княжества над Казанским ханством	29
Борьба Москвы за установление протектората над Казанью	30
Период зависимости Казани от Москвы	42
Конфронтация между Москвой и Казанью	61
Москва и крымская династия в Казани	62
Сафа-Гирей и Шах Али ..)	75
Идеологи завоевания Казани	88
Завоевание Казанского ханства ...-.,.....'.	95
Подготовка к взятию Казани '.....	96
Самостоятельность Казани и последний поход против нее .	112
Оборона и взятие Казани	127
Война народов Казанского ханства-за самостоятельность . .	143
Заключение.....	157

Научно-популярное, издание

*Алишев Саям Хатипович *
КАЗАНЬ И МОСКВА:
МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ
BXV—XVIBB.

Заведующий редакцией *С. Шамси*

Редактор *Р. Амирханья*

.. Художественный редактор *Р. Шамсутдилов* Оформление художника
Р. Шамсутдинма Технический редактор *А. Газиззянова*

Корректор *Н. Максимова*

ИБ №5673

Сдано в набор 23.09.94 г. Подписано в печать 30.03.95 г. Формат 84 х 108 *"Ил.* Бумага типографская № 2. Гарнитура "Т-Таймс". Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,40+вкл. 0,42+форз. 0,21. Усл. кр.-отг. 10,08. Уч.-изд. л. 9,63+Віоі. 0,24+форз. 0,35. Тираж 7000 экз. Заказ А-443.

Татарское книжное издательство. 420111. Казань, ул. Баумана, 19.

Типография Татарского газетно-журнального издательства. 420066.
 Казань, ул. Декабристов, 2.